

ГОУ ВПО Горно-Алтайский государственный университет

На правах рукописи

Рехтин Лев Викторович

РЕЧЕВОЙ ЖАНР ИНСТРУКЦИИ: ПОЛЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

10.02.19 - теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук
профессор А.А. Чувакин

Горно-Алтайск — 2005

Примечание [O?A1]:

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список принятых сокращений	3
Введение	5
ГЛАВА 1. ПЕРИФЕРИЯ РЕЧЕВОГО ЖАНРА ИНСТРУКЦИИ	20
1.1. Речевой жанр инструкции: сущность и теоретические основания исследования	20
1.2. Периферическая часть содержательного поля речевого жанра инструкции	26
1.2.1. Речевой жанр инструкции в аспекте теории речевых актов	26
1.2.2. Побуждение как базовая семантика речевого жанра инструкции	32
1.2.3. Конвенция как основа дифференциации побуждений	37
1.2.4. Деловое “указание” как периферия содержательного поля инструкции	60
 Выводы	 94
 ГЛАВА 2. ЯДРО РЕЧЕВОГО ЖАНРА ИНСТРУКЦИИ: ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ	 98
2.1. Ядро содержательного поля инструкции	98
2.1.1. Ядро содержательного поля инструкции: сущность	98
2.1.2. Содержательные характеристики совета как сущностная семантика инструкции	100
2.1.3. Ядро содержательного поля инструкции: синтез конвенции и иллокуции совета	114
2.2. Формальное поле инструкции	125

Примечание [O?A2]:

2.3. Особенности русскоязычной инструкции: отличие от инструкций на французском, итальянском и английском языках	161
Выводы	165
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	170
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	177

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

И — субъективная характеристика заинтересованности
И1 — абсолютный показатель заинтересованности
И2 — относительный показатель заинтересованности
ИК — импульс каузации
Ин — нейтральная заинтересованность
Ин1 — абсолютный показатель нейтральной заинтересованности
Ин2 — относительный показатель нейтральной заинтересованности
Н — наадресат
Ц — субъективная характеристика оценки целесообразности
Ц1 — абсолютный показатель оценки целесообразности
Ц2 — относительный показатель оценки целесообразности
Цн — нейтральная оценка целесообразности
Цн1 — абсолютный показатель нейтральной оценки целесообразности
Цн2 — относительный показатель нейтральной оценки целесообразности
англ — английский
ит — итальянский
фр — французский

символы, используемые в формулах побуждений:

На — апеллятивная функция импульса каузации наадресата

Нэ — экспликативная функция импульса каузации наадресата

S1 — автор

S2 — адресат

P — побуждение

Pa — апеллятивное побуждение

Pэ — экспликативное побуждение

и — абсолютная заинтересованность в выполнении действия

ио — относительная заинтересованность в выполнении действия

ц — абсолютная оценка целесообразности

цо — относительная оценка целесообразности

+ — абсолютная заинтересованность в каузации действия

~ — относительная заинтересованность в каузации действия

(—) — нейтральные показатели субъективных характеристик оценки целесообразности и заинтересованности автора инструкции

Официальные сокращения

ГОСТ — Государственные стандарты России

СКЗРФ — Свод Кодексов и Законов Российской Федерации

ВВЕДЕНИЕ

Согласно Дж.Р. Серлю, “...то, что мы можем иметь в виду, является функцией того, что мы говорим” [Серль 1986: 160]. Данное утверждение обнаруживает то, что один и тот же текст может выполнять разные функции, которые распознаются посредством конвенционально закрепленных в речевой практике характеристик высказываний, совокупность которых представляет их устойчивую форму. М.М. Бахтин утверждал: “Каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы... высказываний, которые мы называем речевыми жанрами” [Бахтин 1986: 297]. М.П. Брандес дает следующее определение понятия “жанр”: “Жанр — это апробированная, закрепленная традицией форма речевого воплощения функции практического назначения содержания произведения, в жанрах реализуется цель высказывания и, соответственно, практическое назначение языка” [Брандес 1990: 40]. Устойчивость жанровой формы обеспечивается не только конвенцией, но и тем, что эти формы реализуются в рамках категорий рассудка, о которых писали Аристотель [Аристотель 1999] и И. Кант [Кант 1998].

Настоящая работа представляет собой попытку описания структуры и особенностей функционирования формального и содержательного полей речевого жанра инструкции, включающих ядро и периферию. Вслед за В.М. Живовым и Б.А. Успенским мы считаем, что “...противопоставление [центра и периферии] есть вообще универсальный принцип организации языка (...). Оно может быть перенесено и на речевую деятельность в целом постольку, поскольку можно говорить о иерархически различных ее типах” [Живов, Успенский 1973: 24].

Работа вписывается в актуальную в современном жанроведении парадигму, которая предполагает описание отдельных речевых жанров и разработку новых методик такого описания. На сегодняшний день накоплен

обширный эмпирический материал на базе изучения жанров сферы устного речевого общения, таких как “исповедь”, “разговор по душам” [Формановская 1989]; “интеллектуальный диалог”, “дискуссия”, “спор” [Арутюнова 1992]; “похвала”, “лесть”, “комплимент” [Петелина 1985; Иссерс 1995; Седов 1997]; “жалоба”, “утешение”, “угроза”, “оскорбление”, “шутка”, “команда” [Гловинская 1993; Шмелева 1990; Федосюк 1997; Федосюк 1997а]; “похвалы” и “порицания” [Дьячкова 2000]; “публицистическая полемика” [Матвеев 2000] и др. Рассмотрен ряд речевых жанров на примере иноязычных текстов: “ссора” в английском языке [Чекменева 1986]; “приказ”, “просьба”, “совет” в тексте французской народной сказки [Шабанова 2000]. Комплексные жанры письменной коммуникации изучены в меньшем объеме. Из описанных жанров данной группы нам известны такие, как “газетное рекламное объявление” [Бровкина 2000]; “инструкция к медикаментам” [Косилова 2003]; “комикс” во французском языке [Сонин 1999]; “агитационная листовка” [Мамаев 2004]; публицистический вариант речевого жанра “портрет человека” [Сидорова 2005] и др. Изучаются жанры официально-делового стиля: “деловое письмо” в лингвокультурологическом аспекте [Омоле 1999]; “директивы” в диахроническом аспекте [Прохорова 1999] и др. Исследуются эргономические аспекты организации структуры документа для интерактивных носителей [Grosz, Sidner 1986; Hayes, Flower 1980; Novy, Arens 1991; Green, Kerpedjiev, Carenini, Moore, Roth 1997; Oviatt, Cohen 1991; Tazi 1985, 1989; Tazi, Novick 1998, 1998a и др.].

Актуальность исследования речевого жанра инструкции обусловлена следующими факторами. Во-первых, насущностью более масштабной задачи жанроведения — систематизации и описания речевых жанров, воплощающих одну из минимальных речевых единиц (М.М. Бахтин, А. Вежбицкая, Ст. Гайда, В.Е. Гольдин, В.В. Дементьев, Ю.М. Федосюк, Т.В. Шмелева и др.). Во-вторых, ростом внимания лингвистики к исследованию комплексных речевых жанров письменной коммуникации в аспекте теории

речевых актов (М.Я. Гловинская, Е.В. Падучева, Т.В. Шмелева, D. Novick, S. Tazi и др.). В-третьих, важностью для теории языка эмпирического материала, в том числе материалов современных, динамично развивающихся, регулирующих социальные отношения. В число такого рода материалов входит инструкция.

В соответствии с требованиями современной лингвистической парадигмы целостное видение текста как лингвистической категории предполагает сопряжение идей основных направлений изучения текста. В коммуникативной теории “основные направления изучения текста таковы: текст в его отношении к говорящему и слушающему; текст как сложный знак; текст в его отношении к действительности и другим текстам” [Чувакин 2003: 34]. С целью применения положений указанных направлений исследование осуществляется в рамках **текстоцентрического, антропоцентрического и философско-эстетического** подходов к изучению текста и опирается одновременно на обе противостоящие друг другу магистральные для современной науки о языке традиции — гумбольдтианскую, согласно которой, “язык есть не продукт деятельности (Ergon), а сама деятельность (Energia) [Гумбольдт 2001: 22], и соссорианскую, которая определяет язык “langue” как продукт (Ergon) речевой деятельности “language” [Соссюр 1999: 22].

Взгляд на речевой жанр с точки зрения философии языка, один из главных тезисов которой высказан Л. Витгенштейном — “границы моего мира означают границы моего языка”, позволяет сосредоточиться на соотношениях языка и онтологии, речи и речевой ситуации. Согласно Е.Н. Зарецкой, “...анализ ситуаций с лингвистической и — шире — семиотической точки зрения еще не проведен” [Зарецкая 1998: 6]. Философско-эстетический подход определяет язык как “дух народа” (И.Г. Гердер, В. фон Гумбольдт, Ф. Шлеймахер, братья Шлегель), “коллективную психологию народа” (Х. Штейнталь), предполагает приоритет стилистики

как “духа языка” над более мелкими языковыми единицами (К. Фосслер, Л. Шпитцер). К этой традиции относятся идея о “готовых формах речи” (М.М. Бахтин) и такие концепции аналитической философии, как учение о “формах жизни” и “теория языковых игр” Л. Витгенштейна, который утверждал, что “форме жизни” соответствует определенная “языковая игра... как совокупность языковых актов” [Руднев 2002: 126].

С позиций текстоцентрического подхода [Золотова 1973, 1979, 1982, 1995, 2001, 2004; Кожевникова 1979; Ковтунова 1986; Гальперин 2004 и др.], основанного на “представлении о тексте как результате и продукте творческой деятельности” [Бабенко 2004: 13], мы исследуем текст как автономное структурно-смысловое целое.

Антропоцентрический подход “помогает преодолеть неадекватность ... классификаций текстов, основанных только на внутренне присущих тексту структурных признаках” [Бабенко 2004: 110]. При этом мы разделяем точку зрения Л.О. Бутаковой, согласно которой, “антропоцентризм... хорошо совмещается с идеями структурности...” [Бутакова 2002: 42]. Данный подход объединяет несколько направлений исследования текста, общим для которых является рассмотрение текста в его отношении к субъектам коммуникации. Наиболее значимыми для целей нашего исследования являются положения речеведческого и прагматического направлений.

Речеведческое направление, разрабатывающееся в рамках **теории речевого жанра** М.М. Бахтина, позволяет рассмотреть речевой жанр «как факт социального взаимодействия людей» [Бабенко 2004: 157-158], находясь «на почве языка» [Соссюр 1999: 17], то есть как аспект социальных взаимоотношений людей с точки зрения средств и способов его языкового воплощения. В рамках данного направления мы опираемся на положения М.М. Бахтина и его последователей. К первым относятся такие положения, как определение речевого жанра как “типической формы высказываний” [Бахтин 1986: 268]; определение высказывания в качестве минимальной

единицы речи, и выделение таких его признаков, как “целенаправленность”, “[смысловая] завершенность” (способность определять активную ответную позицию “другого”), “целостность”, “диалогичность”, “непосредственный контакт с действительностью” [Бахтин 1986: 247-254]; выделение типических характеристик речевого жанра: коммуникативной ситуации, экспрессии и экспрессивной интонации, объема [Бахтин 1986: 267]; концепции адресата и концепции “наадресата” [Бахтин 1986: 305]; противопоставление “первичных и вторичных речевых жанров” [Бахтин 1986: 252]; определение речевых жанров как “относительно устойчивых тематических, композиционных и стилистических типов высказывания” [Бахтин 1986: 255]. Среди достижений ученых-последователей М.М. Бахтина наиболее значительными для нашей работы являются такие, как рассмотрение речевых жанров как устойчивых “типов текстов” [Федосюк 1997а: 104], определение “полевого принципа организации речевых жанров” [Федосюк 1997а: 108-111], разработка “анкеты речевого жанра” Т.В. Шмелевой [Шмелева 1995]. Кроме того, в работе мы опираемся на концепцию «диалогического единства» [Святогор 1967; Баранов, Крейдлин 1992; Гастева 1990; Шведова 2003 и др.]; на разработки методологических проблем, связанных с основаниями классификации жанров на “фатические” и “информативные” [Якобсон 1975; Карасик 1997; Гуц 1997; Жельвис 1997; Седов 1998; Дементьев 1999; и др.], “первичные” и “вторичные” [Федосюк 1997а: 104], и другие положения исследователей-бахтинистов.

Специфика прагматического подхода состоит в том, что в прагматике текст трактуется как речевой акт. Прагматический подход рассматривает текст как “...сложный речевой акт, который осуществляется с определенными намерениями и целями и в котором используется комплекс языковых средств и приемов воздействия на адресата” [Бабенко 2004: 20]. В рамках этого направления мы опираемся на положения **теории речевых актов** (Дж. Остин, Дж.Р. Серль, Вандервекен, П.Ф. Стросон, Х.П. Грайс,

Вежбицкая, И.М. Кобозева и др.). Исследования речевых актов можно разделить на три направления: 1) описания групп речевых актов, объединенных по какому-либо признаку (“комбинированные” [Сальникова 2003]; “с эмотивным компонентом” [Тарасова 1997] и др.); 2) описание отдельных речевых актов (“обещания” [Серль 1986]; “упрека” [Давыдова 2003]; “извинения” [Ратмайр 2003]; 3) анализ литературных текстов [Кузнецов 1990]). Изучаются речевые акты в когнитивном аспекте [Cohen, Perrault 1979; и др.]. Из положений теории речевых актов мы опираемся на следующие: представление о речевом акте как о трехуровневом образовании, включающем “локутивный”, “иллокутивный” и “перлокутивный” аспекты [Остин 1986: 83-92]; гипотезу о том, “что семантику языка можно рассматривать как ряд систем конститутивных правил и что иллокутивные акты суть акты, совершаемые в соответствии с... наборами конститутивных правил” [Серль 1986: 155]; вывод П.Ф. Стросона о необходимости экстралингвистических соглашений для реализации речевых актов” [Стросон 1986] и др.

Объектом нашего исследования является речевой жанр инструкции. Речевой жанр инструкции представляет собой формально-содержательную инвариантную модель текстов с общей коммуникативной целью (или с общей коммуникативной функцией) давать указания относительно осуществления какого-либо мероприятия.

Предметом исследования является полевая организация речевого жанра инструкции.

Цель исследования — описать полевую структуру речевого жанра инструкции и закономерности ее функционирования.

Сформулированная цель реализуется в следующих **задачах**:

1) определить основания выделения инструкции как самостоятельного речевого жанра;

2) опираясь на имеющийся в жанроведении опыт исследования речевых жанров, определить методику описания формально-содержательных характеристик речевого жанра инструкции;

3) выявить аспекты ситуации, обуславливающие периферийные особенности иллокуции речевого жанра инструкции;

4) выявить аспекты ситуации, обуславливающие ядерные особенности иллокуции речевого жанра инструкции;

5) рассмотреть способы формальной реализации иллокутивных свойств речевого жанра инструкции в текстах инструкций на русском, французском, итальянском и английском языках;

б) определить отличительные особенности русскоязычной инструкции в сопоставлении с инструкциями на французском, итальянском и английском языках.

Эмпирической базой исследования послужила выборка текстов должностных инструкций, регулирующих трудовые взаимоотношения в различных организациях, а также других видов распорядительных документов (приказов, указаний), которые мы используем для сопоставительного анализа. Рассмотрены публичные инструктивные тексты, предназначенные для размещения в общественных местах — памятки, инструкции, регулирующие правила общественного поведения, а также правила поведения в чрезвычайных ситуациях (“Правила поведения при пожаре”, “Правила поведения при угрозе террористического акта” и др.). Исследованы инструкции, предназначенные для потребителей (инструкции к медикаментам, продуктам питания, инструкции по пользованию товарами промышленного производства, руководства по эксплуатации технических средств). В качестве иллюстративного материала использованы технические инструкции на французском, итальянском и английском языках, в том числе “Manuel utilisateur Gamme Jaime 1000” (“Руководство по эксплуатации самописца Gamme Jaime 1000”), переведенное автором диссертации на

русский язык. Данный перевод применяется в практике работы ООО “Иткульский спиртзавод”. Кроме того, нами проанализированы тексты с упаковок товаров народного потребления (продуктов питания, бытовой химии, фармацевтических препаратов, технических средств и др.). Всего определены и систематизированы содержательные характеристики и закономерности структурной организации более 300 источников эмпирического материала.

Исследование предполагает сопоставление текстов с общей коммуникативной функцией (текст-предмет) или общей коммуникативной целью (текст-процесс) и систематизацию полученных данных с целью определения типической формы данных текстов. Решение этих задач предполагает обращение к различным методам: в первом случае — к **дедукции** и **интроспекции**, во втором — к **индуктивному** методу.

Описание содержательного аспекта речевого жанра инструкции осуществляется в соответствии с традицией такого описания, принятой в рамках теории речевых актов, поэтому, формулируя условия протекания инструкции, объект называем “речевым актом”.

Нашей задачей является нахождение не случайных условий реализации речевого акта инструкции путем констатации отдельных характеристик речевой ситуации инструктирования, а системное определение всей их совокупности в отношении к условиям осуществления других речевых актов. Определять условия речевого акта представляется целесообразным посредством дедукции. Назначение дедукции мы видим в последовательном решении двух задач. Во-первых, этот метод позволяет смоделировать ситуацию или содержательную сторону речевого акта. Во-вторых, определить формальные (тематические, стилистические и композиционные) средства, наилучшим образом трансформирующие условия речевой ситуации в информацию о цели.

Дедуктивное исследование осуществляется в два этапа: 1) рассмотрение понятия речевого акта более абстрактного порядка, чем инструкция в качестве системного гнезда речевых актов с более конкретным значением; 2) нахождение в системном гнезде периферийных и ядерных формально-содержательных свойств речевого акта инструкции путем сопоставления со свойствами других речевых актов системы.

Под условиями совершения речевого акта мы понимаем конъюнкцию конститутивных правил как результат экстралингвистического соглашения между коммуникантами. Вслед за Дж.Р. Серлем мы отмечаем, что приведение исчерпывающего списка точных условий совершения речевого акта является “очень трудным делом” [Серль 1986: 161], поэтому при формулировании этих условий мы придерживаемся следующих исходных допущений как принципов исследования. 1. Принцип “соблюдения условий “входа” и “выхода”. К этим условиям Дж.Р. Серль относит “обязательные условия, обеспечивающие возможность любого языкового общения” [Серль 1986: 162]. Согласно Дж.Р. Серлю, условия соблюдения нормального “входа” и “выхода” “в совокупности... включают в себя то, что говорящий и слушающий владеют данным языком; то, что оба действуют сознательно; то, что говорящий действует не по принуждению и не под угрозой; то, что у них нет физических препятствий для общения...; то, что они не исполняют роль в спектакле и не говорят в шутку и т. п.” [там же]. К этим же условиям мы относим “условие искренности” [Серль 1986: 167]. Дж.Р. Серль утверждает: “все эти нагромождения намерений излишни: необходимо только одно — чтобы говорящий, произнося предложение, делал это всерьез” [Серль 1986: 166]. Это обеспечивается соблюдением принципа “кооперации” [Grice 1975] и принципа “вежливости” [Leech 1983]. 2. Принцип “аппроксимации”. В соответствии с ним множество установленных нами условий будет не полным, а лишь достаточным для того, чтобы высказывание идентифицировалось как задуманный речевой акт.

Применение этого принципа обусловлено тем, “что... большинство понятий обыденного языка не связано с абсолютно строгими правилами” [Серль 1986: 161]. 3. Принцип “исключения нетипичных случаев”. Его применение продиктовано тем, что “существует масса странных, необычных и причудливых случаев... [употребления того или иного речевого акта]” [там же]. Установленные путем дедуктивного вывода содержательные характеристики речевого жанра инструкции мы рассматриваем как универсальные. Лингвистические универсалии, выведенные дедуктивно, Б.А. Успенский назвал “дедуктивными универсалиями” [Успенский 1970: 17].

Индуктивный анализ, заключающийся в иллюстрации реализации содержательной модели инструкции в конкретных текстах, помогает решить две задачи. С одной стороны, анализ текстов инструкций на разных языках представляет собой эмпирическую верификацию дедуктивных универсалий. С другой стороны, выявление соотношения содержательных и формальных характеристик речевого жанра инструкции позволяет определить формальный аспект жанра. Универсальные характеристики, полученные путем индуктивного анализа, Б.А. Успенский назвал “индуктивными универсалиями..., [которые] имеют исключения” [Успенский 1970: 19-20]. Согласно Б.А. Серебрянникову, “исследование проявления семантической понятийной категории... обычно имеет своим результатом не обнаружение единообразия ее выражения, а наоборот, констатацию... различий” [Серебрянников 1972: 5]. Таким образом, индуктивная верификация универсальности содержательных характеристик инструкции на примере текстов нескольких языков позволяет выявить некоторые отличительные формально-содержательные особенности данного жанра в рассматриваемых языках.

Типические особенности текста выявляются путем вычленения общего тематического, стилистического и композиционного ядра текстов с функцией инструкции. Сравнение результатов исследований инструкций на

нескольких языках позволяет определить универсальные и отличительные признаки инструкций в отношении рассматриваемых языков.

Формулируя условия совершения речевых актов, Дж.Р. Серль отмечал, что его “исследование носит скорее семантический, чем синтаксический характер” [Серль 1986: 162]. Следовательно, если определение формального аспекта речевого жанра инструкции является грамматическим описанием плана выражения жанра, то изучение содержательного аспекта представляет собой семантическое исследование.

Новизна исследования состоит в том, что впервые в жанроведении осуществлено изучение формальных и содержательных характеристик инструкции как самостоятельного речевого жанра с сопряжением основных положений теории речевых жанров и теории речевых актов с привлечением материала нескольких языков. Выявлены основные иллокутивные и формальные свойства речевого жанра инструкции, характеризующие периферийную и ядерную части формально-содержательного поля жанра. Разработана и апробирована методика описания прагматических характеристик инструкции и особенностей их формальной реализации, предполагающая описание вторичного речевого жанра на базе иллокутивных свойств первичного. Предложено системное описание побуждений, предполагающее разделение их на “указания” и “не-указания” на основании характеристики конвенциональности.

Существует литература нормативно-методологического характера в виде справочников, учебников и пособий по делопроизводству и деловому общению [Кузин, Филиппов 1973; Рахманин 1988; Градиль 1988; Кузнецова 1991; Курицкий 1997; Сотов, Тихомиров 1999; Стенюков, Пустозеров 1999; Стенюков 2000; Шувалова 2002 и др.], нормативных актов и ГОСТов, предлагающая правила и рекомендации по составлению инструктивных документов [Единая государственная система делопроизводства 1975; Единая система конструкторской документации 1972, 1988, 1989 и др.;

Единая система технологической документации 1992 и др.; ГОСТ 2.601-68; ГОСТ 3.1001-81: 1984; ГОСТ 1.5-85; ГОСТ 2.001-70: 1985; ГОСТ 6.38-90 и др.]. Такая литература представляет практический интерес для составителей документов. Статья М.Ф. Косиловой, посвященная исследованию текстов инструкций к медикаментам, предлагает интересный метод описания “макро-” и “суперструктуры” документов [Косилова 2000]. Метод характеризуется сочетанием двух видов анализа: “вертикального”, предполагающего сопоставление текстов “случайных” инструкций, и “горизонтального”, применяемого при сопоставлении разных инструкций к одному препарату. В нашей работе мы используем данный метод при анализе иллюстрации побуждений. Статья М.Ф. Косиловой носит рекомендательный характер и сосредоточивает внимание на распространенных ошибках, таких как “лексическое несоответствие тезаурусу среднестатистического члена социума”, отсутствие “инфоблоков” и др. Научно-технические тексты исследуются по таким параметрам, как терминологический [Ткачева 1973; Феоктистова 1998; Тарасова 2003]; лексический [Котляр 1985]; концептуальный [Хрисонопуло 1999]; грамматический [Любченко 1980].

Французские исследователи С. Тази и Д. Новик предприняли анализ инструкции по пилотажу самолета. Указания данной инструкции, руководящей действиями пилотов во время полета, подаются на дисплей пульта управления. Режим полета требует немедленной и точной реакции пилота на указания, которая обеспечивается высокой скоростью и точностью их усвоения. Цель данного исследования — выработка практических рекомендаций составителям инструкций, относительно повышения эргономичности текста с учетом условий реального полета и особенностей носителя. Опираясь на положения теории речевых актов, ученые предлагают новаторский подход, заключающийся в рассмотрении данной инструкции как совокупности двух групп речевых актов — “méta-actes” (“мета-актов”,

связанных с конвенцией письма) и “actes du domaine” (“актов сферы”, связанных со сферой коммуникации)” [S. Tazi, D. Novick 1998]. *(Здесь и далее перевод мой. — Л.Р.) Идею разделения речевого действия на “мета-акты” и “акты сферы” мы применяем в отношении речевого акта инструкции, в результате чего инструкция предстает как совокупность актов письменной коммуникации, обусловленных сферой официально-делового общения, уже — сферой инструктирования [Рехтин 2003в].

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что диссертация вносит определенный вклад в разработку актуальной проблемы жанроведения — описания отдельных речевых жанров, в частности жанров деловой коммуникации. Произведена классификация побуждений на первичные и вторичные на основании характеристики конвенциональности. Для обозначения данных групп побуждений введены термины “не-указания” и “указания”. Описанные принципы функционирования побуждений могут быть использованы при прагмалингвистическом описании императивных значений и их классификации. Метод описания речевого жанра инструкции на базе свойств первичного по отношению к нему речевого жанра совета может лечь в основу анализа других вторичных жанров. Установленные принципы обусловленности норм речевого поведения императивами культурной, ситуативной и деловой конвенций могут применяться при анализе речевого поведения в социолингвистических и лингвокультурологических исследованиях.

Практическая ценность диссертации. Отдельные наблюдения и выводы исследования могут быть использованы в вузовских курсах теории языка, прагмалингвистики, стилистики, терминоведения, теории текста, а также в специальных курсах по делопроизводству. Описанная формально-содержательная модель речевого жанра инструкции может лечь в основу анализа деловых документов и послужить основанием прагмалингвистического описания апеллятивных жанров.

Положения, выносимые на защиту:

1. Речевой жанр инструкции в функционально-содержательном плане представляет собой трехуровневое образование, включающее дальнюю периферию, ближнюю периферию и ядро.

2. На уровне ближней периферии инструкция относится к “указаниям” — группе побуждений, выделяемой на основании стабильности иллокутивных показателей, обусловленной конвенциональным характером взаимоотношений коммуникантов.

3. “Указания” являются жанрами, производными от “не-указаний”, в результате искусственного привнесения в иллокуцию “не-указаний” характеристики конвенциональности. Таким образом, инструкция является речевым жанром, производным от речевого жанра совета.

4. Обусловленность инструкции деловой конвенцией ограничивает область ее функционирования официально-деловым стилем.

5. В семантике инструкции преобладает экспликативная функция над апеллятивной.

6. Русскоязычная инструкция обладает большей степенью императивности, чем инструкция на французском, английском и итальянском языках.

Апробация работы. Основные положения работы сообщались на международной конференции “Русский язык и культура речи” (Барнаул, 2003), региональной научно-практической конференции “Социальные процессы в современной Западной Сибири” (Горно-Алтайск, 2003), международной конференции “Коммуникативистика в современном мире: человек в мире коммуникаций” (Барнаул, 2005), заседаниях кафедры теории коммуникации, риторики и русского языка Алтайского государственного университета. По теме диссертации опубликовано пять статей общим объемом 2,3 п.л.

Структура диссертации. Исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы, который включает научную литературу, справочные издания, список источников эмпирического материала.

Во **введении** обосновывается актуальность темы и проблематики исследования; определяются границы объекта и предмета изучения; обосновывается необходимость применения индуктивно-дедуктивного описания речевого жанра инструкции; определяется цель и задачи научного исследования; отмечается его научная новизна, теоретическая и практическая значимость; формулируются положения, выносимые на защиту; содержатся сведения об апробации и структуре работы.

В **первой главе** диссертации описывается сущность речевого жанра инструкции и его содержательные периферийные характеристики. Глава состоит из трех параграфов. Во **второй главе** выявляются ядерные характеристики инструкции, особенности их формальной реализации на примере текстов инструкций, функционирующих в русском, французском, итальянском и английских языках. В третьем параграфе мы приводим некоторые особенности русскоязычной инструкции в сопоставлении с характеристиками инструкций на иностранных языках.

В **заключении** подводятся итоги исследования, намечаются перспективы дальнейшего изучения речевого жанра инструкции.

ГЛАВА I

ПЕРИФЕРИЯ РЕЧЕВОГО ЖАНРА ИНСТРУКЦИИ

1.1. Речевой жанр инструкции: сущность и теоретические основания исследования

Согласно К. Леви-Стросу, “невозможно дискутировать относительно какого-либо объекта, воссоздавать историю его возникновения, не узнав сначала, каков он; иначе говоря, не исчерпав инвентарь его внутренних определений” [Леви-Строс 2000: 360]. Таким образом, прежде чем приступить к анализу формально-содержательных характеристик речевого жанра инструкции, считаем целесообразным обозначить основания выделения инструкции как самостоятельного речевого жанра, то есть определить те сущностные характеристики инструкции, которые позволяют позитивно выделить данную лингвистическую категорию, во-первых, в качестве речевого жанра, во-вторых, в качестве самостоятельного жанра.

Для этой цели необходимо обозначить те основания выделения речевого жанра, которых мы придерживаемся. Таким основанием должна служить некоторая эмпирическая или рациональная реальность. Таким образом, при определении инструкции как жанра мы можем идти дедуктивным или индуктивным путем. Первый случай предполагает рассмотрение аспектов ситуации, которые требуют определенной формы коммуникативного действия. При этом подбор аспектов осуществляется таким образом, чтобы ситуация порождала особого рода намерение. Полагаем, что такой подход к поиску новых жанров непродуктивен в силу огромного разнообразия речевых жанров, которое М.М. Бахтин сравнивал с разнообразием самой жизни. Даже если попытаться систематизировать все разнообразие жизненных ситуаций с целью определения соответствующих

им речевых жанров, работа будет малоэффективной, так как жизнь непрерывно меняется, изменяя ситуации и формы реакции на них человека. Единственной реальностью при выделении речевого жанра является конкретный текст, заключающий в себе жанровую форму, на основании которой соотносится с другими текстами.

Опираясь на форму конкретного текста, мы можем выстраивать другие тексты, улучшать форму потенциальных текстов, более того, сам этот конкретный текст построен по форме предшествующего ему текста. Таким образом, основанием выделения инструкции как речевого жанра является текст конкретной инструкции. Далее необходимо установить другие тексты, относящиеся к этому жанру, и основание, которое объединяет множество текстов в один жанр.

Поиск такого основания затруднен по двум причинам. Во-первых, нельзя объединять тексты на основании наличия в них характеристик какого-либо конкретного текста, так как текст-модель берется произвольно, следовательно, не является эталоном. Во-вторых, основой жанровой идентификации не может служить инвариантная модель как совокупность жанровых характеристик: такой модели не существует, так как определение арсенала жанровых характеристик инструкции — конечная цель работы.

Полагаем, что основанием определения речевого жанра является содержательный критерий, а именно коммуникативная цель или функция текста. Речевой жанр инструкции есть тип текстов, которые строятся с целью дать инструкции или дать указания относительно осуществления какого-либо мероприятия. Таким образом, к данному жанру относятся тексты с названиями *“инструкция”*, *“руководство”*, *“правила”*, *“памятка”*.

Основанием идентификации цели или функции текстов инструкции является отраженная в тексте ситуация в совокупности с экстралингвистическими условиями порождения и протекания текста. Само содержание текста есть отражение ситуации как несоответствия объективной

и антропоморфно-осмысленной действительности, которое обнаруживает позитивность цели. Поскольку говорить о коммуникативной цели можно только в связи с порождающей ее ситуацией, основанием выделения речевого жанра как лингвистической категории, а также как самостоятельного речевого жанра является регулярность возникновения определенной ситуации. Таким образом, выделение речевого жанра инструкции предполагает квалификацию ситуации как ситуации инструктирования (требующей инструктирующего речевого действия). Регулярность выделения потребности в указаниях обуславливает регулярность построения текстов соответствующих функций и форм, то есть текстов инструкций. Таким образом, регулярность возникновения ситуации инструктирования является основанием выделения речевого жанра инструкции.

Определим условия, указывающие на ситуацию инструктирования. В вопросе о том, как соотносится ситуация объективной действительности и речевой жанр, нам близка позиция философа Л. Витгенштейна, который, анализируя соотношение аспектов языкового знака, приходит к выводу о том, что действительность человека, или жизнь, заключается в языке [Витгенштейн 1994]. Формы речи для Л. Витгенштейна являются не просто отражением аспекта действительности, а формами существования человека, которые он называет “формами жизни”. По словам В.В. Руднева, “[если] Бахтин не делает последнего шага, он не говорит, что жанры это и есть сама жизнь, [то] Витгенштейн делает этот шаг” [Руднев 2002: 34]. Следовательно, содержательным аспектом речевого жанра инструкции является не сочетание каких-либо отдельных элементов ситуации, требующей речевого действия, а совокупность всех ее элементов.

Намерение “дать инструкции” представляет собой результат ситуации, в которой человек проживает. Составляя содержательный аспект намерения, характеристики данного жизненного отрезка подготавливают и

сопровождают его актуализацию. В аспекте идей о коммуникации как о “форме жизни” соотношение цели и ситуации мы рассматриваем следующим образом. Подумав или сказав о своем желании дать инструкции, мы уже находимся в процессе достижения этой цели. Достигнем мы ее или нет, даже если формально именно в этот момент мы не даем инструкции, процесс, хотя и подготовительный, уже идет. Имея цель дать инструкции, мы можем лечь спать, пить чай, искать ручку и бумагу, но это уже подготовительный этап процесса достижения цели.

Итак, говоря о том, что некоторый текст относится к речевому жанру инструкции, мы имеем в виду то, что его форма и содержание соответствуют форме и содержанию текстов данного жанра. Формальные особенности текста обнаруживают значительно меньшее разнообразие по сравнению с особенностями содержательными. Языковое воплощение содержания инструкции обусловлено возможностями языка, тогда как содержание меняется бесконечно. Каждый новый смысл в плане выражения принимает ту форму, которая предполагается языком. Нередко разные смыслы имеют общую форму, что обуславливает омонимию. Таким образом, идентификацию речевого жанра целесообразно осуществлять на основании цели текста. Отнести текст к речевому жанру инструкции означает установить на основании аспектов ситуации, обуславливающей содержание текста, что цель данного текста — дать инструкции. Таким образом, сущность речевого жанра инструкции заключается в характеристиках намерения, обусловленных совокупностью элементов ситуации и цели.

Итак, текст инструкции является знаком, план выражения которого актуализирует инвариантную ситуацию инструктирования. Характеристики типической ситуации, инвариантные для любого текста инструкции, составляют сущность речевого жанра инструкции. Во всей совокупности характеристик ситуации есть сущностные характеристики, свидетельствующие о цели автора инструкции, поэтому позитивность цели

обеспечивается ситуацией. Цель включает в себе информацию обо всей ситуации, а следовательно, является сущностью речевого жанра.

В нашей трактовке цели речевого жанра мы опираемся на точку зрения Е.П. Ильина, согласно которой, “...цели деятельности и каждого действия в ее составе не совпадают, хотя и те и другие обусловлены смыслом деятельности как своеобразным стержнем осуществляемой программы” [Ильин 2002: 19]. В соответствии с этим определением, коммуникативную цель мы представляем в виде цепочки многочисленных целей, достижение которых подчинено достижению одного результата, который в свою очередь является лишь промежуточной целью достижения результата более отдаленного во времени. Все элементы ситуации порождения и протекания коммуникации (включая промежуточные цели) учтены быть не могут, поэтому мы ограничимся лишь констатацией наиболее очевидных ее аспектов.

Всю информацию, передаваемую автором инструкции, мы делим на “пропозитивную” и “иллокутивную”. Вслед за К.А. Переверзевым пропозицию мы рассматриваем “...в качестве языковой формы выражения возможного мира” [Переверзев 1998: 32]. Иллокутивная информация есть информация о цели автора, то есть о том, зачем автор передает пропозитивную информацию. Таким образом, можно выделить два намерения автора: 1) дать предметную информацию; 2) дать эту информацию с определенной целью. Понимание возможно лишь в том случае, если адресат распознает то намерение, с которым автор высказывается, или цель автора. Эта информация является важнейшим элементом содержательного аспекта как конкретного текста, так и его инварианта (речевого жанра) и имеет соответствующее формальное выражение. Если предметная информация меняется с ситуацией, не позволяя выявить какой-либо инвариант, то намерение остается неизменным, оно присуще тексту и является его сущностью.

Таким образом, сущностью речевого жанра инструкции является цель данного коммуникативного процесса. О цели как о сущности процесса или предмета писал Аристотель [Аристотель: 1999]. Согласно Аристотелю, каждый предмет есть результат или цель создавшего его процесса, следовательно, является сущностью этого процесса. Сущностью же самого предмета является его целесообразность или назначение. При этом сущность как процесса, так и предмета отражена в его целевом определении [там же]. Таким образом, сущностью речевого жанра инструкции, как и текста этого жанра, является предоставление указания.

В определении сущности инструкции, кроме цели действия, необходимо обозначить инвариант аспекта действительности, относительно которого даются указания. Обобщение названий текстов данного жанра, такие как *“руководство по эксплуатации”* (*пользованию, потреблению, установке, транспортировке* и т.д.), обнаруживает вариативность предметного аспекта действительности. Онтологией инструкции может быть и товар народного потребления (продукты питания, бытовой прибор), и предмет производственного использования, и мероприятие по безопасности. Разнообразны и адресаты инструкции, которым может являться должностное лицо (должностная инструкция), потребитель, пользователь, специалист и т.д. Чтобы ввести в определение инвариант предметного аспекта относительно которого даются указания, необходимо обобщить все возможные аспекты действительности до одного понятия. Для этого нужно обобщить такие понятия, как *“инструкция”, “руководство”, “памятка”, “правила”* и т.д. Инвариантным речевым действием, обозначаемым этими словами, является *“указание”*. Определим инвариантный онтологический аспект речевого жанра инструкции.

Предметный аспект, относительно которого даются указания, обозначается словосочетаниями, которые включают два понятия: 1) процесс (эксплуатация, применение, потребление и т.д.); 2) предмет: а)

вещественный (технический объект, лекарственное средство, продукт питания); б) не вещественный (безопасность и т.д.). Для обобщения необходимо свести оба понятия в одно. Полагаем, что словосочетания “эксплуатация технического объекта”, “применение лекарственного средства”, “организация эвакуации” в обобщении могут быть обозначены словом “мероприятие”. Таким образом, сущность речевого жанра инструкции может быть выражена следующим целевым определением: инструкция — это текст, который осуществляется с целью дать указания относительно осуществления какого-либо мероприятия.

1.2. Периферическая часть содержательного поля речевого жанра инструкции

1.2.1. Речевой жанр инструкции в аспекте теории речевых актов

Рассмотрев вопросы, связанные с сущностными характеристиками речевого жанра инструкции, мы приступаем к решению главной задачи первой главы, а именно: описанию периферийной части содержательного поля речевого жанра инструкции. При этом речевой жанр инструкции рассматривается в аспекте теории речевых актов. Объясним выбор данного аспекта рассмотрения.

Теория речевых жанров и теория речевых актов обнаруживают сходство на том основании, что занимаются поиском оснований классификации текстов. Теория речевых актов рассматривает текст в аспекте его порождения, точнее, условий его порождения. Данная теория изучает прагматику высказывания: описывает ее и ищет прагматические основания классификации текстов. Теория речевых жанров классифицирует тексты на основании не только семантических, но и структурных особенностей текста. Таким образом, обе теории обнаруживают сходство в объекте исследования (тексте) и цели (классификации текстов). Различие же состоит в аспекте

рассмотрения объекта: если теория речевых актов изучает текст в аспекте его порождения, то теория речевых жанров — в аспекте его функционирования. Таким образом, рассмотрение инструкции как речевого жанра предполагает анализ ее функциональных особенностей. Согласно А.А. Чувакину, “...полная картина функционирования текста создается при функциональном подходе, предполагающем известную координацию характеристик, полученных при раздельном описании внутреннего и внешнего функционирования” [Чувакин 2002: 6]. А.В. Циммерлинг отмечает, что “функциональному подходу соответствует представление о том, что свое означающее имеют не только единицы, но и операции” [Циммерлинг 2002: 127]. Таким образом, речевой жанр инструкции мы рассматриваем как тип коммуникативных операций, выделяемых на основании определенных формально-содержательных характеристик. Теория речевых актов и теория речевых жанров рассматривают текст как знак, при этом в первом случае изучение ограничивается планом содержания, во-втором случае изучаются оба плана. Теория речевых актов, ограничивая свой объект прагматической стороной, в большей мере, чем теория речевых жанров, продвинулась в области анализа содержания текстов как в отношении методики, так и в отношении ее практического применения, поэтому при анализе содержательной стороны инструкции, мы будем применять методику теории речевых актов и пользоваться ее терминологией.

Ответим на возможный вопрос относительно правомерности рассмотрения объекта одной теории в аспекте другой. Полагаем, что если под речевым жанром понимать тип текста, то формулировка “рассмотреть тип текста инструкции в аспекте теории речевых актов” вполне уместна. В этом случае правильнее было бы сказать “рассмотреть речевой акт инструкции”, а данный параграф назвать “речевой акт инструкции”, объяснив смену объектов смещением акцента рассмотрения на прагматику. Однако наша задача — исследовать речевой жанр инструкции, не синтезируя

и не подменяя объекты двух теорий, а привлекая положения теории речевых актов для оптимизации исследования речевого жанра инструкции.

Понять высказывание – понять не только “что” говорится, но и “зачем”, поэтому содержание любого конкретного высказывания исчерпывается совокупностью двух понятий — понятием речевого акта и понятием предметного содержания. Понятие речевого акта (=его содержание) — его сущность или цель — Дж.Р. Серль назвал “показателем иллокутивной функции” речевого акта, понятие предметного содержания он обозначил термином “пропозициональный показатель” [Серль 1986: 156-157]. Он пишет: “я бы мог сказать, что разграничиваю иллокутивный акт и пропозициональное содержание” [Серль 1986: 156].

Определим то, как дополняет функция высказывания его пропозицию. Рассмотрим следующий пример: *“не заполняйте горячий чайник холодной водой сразу после выливания из него горячей воды”*. Пропозиция этого предложения ясна. Прохибитивная конструкция глагольной формы показывает на то, что это побуждение. Однако этой информации не достаточно для того, чтобы вызвать ожидаемую реакцию адресата. Это обусловлено тем, что автор данного речевого акта не просто побуждает адресата, а вовлекает его в некоторые отношения. Мы придерживаемся утверждения Л. Витгенштейна, согласно которому, “приказывать, спрашивать, расспрашивать, болтать — в той же мере часть нашей естественной жизни, — что и ходить, есть, пить, играть” [Витгенштейн 1994]. Таким образом, речевой акт (или их совокупность) является определенной “формой жизни” или “языковой игрой”. Речевой акт не просто совершается коммуникантами, а переживается ими: его совершение предполагает переживание коммуникантами всей гаммы чувств и отношений, которыми характеризуется ментальное состояние людей в любой момент их жизни. Согласно А.Р. Лурия, “...предложения (даже самые простые) являются столь же многозначными, как и отдельные слова, так что

для их понимания требуется весьма сложный путь” [Лурия 2002: 242]. Для адекватного понимания приведенного выше высказывания адресату очень важно учитывать не только то, какой реакции от него ожидает автор, но и то, что думает автор о нем и о высказывании, как автор относится к нему и к тому, о чем говорит, почему он это говорит и т.д. Именно совокупность знаний этих обстоятельств определяет реакцию адресата на высказывание. Так как эти обстоятельства прагматичны, для оптимизации коммуникации за разными речевыми жанрами они закрепляются конвенционально. Вследствие конвенции эти обстоятельства перестают быть случайными и выступают в качестве правил осуществления речевого акта. Знание данных правил в объеме, достаточном для того, чтобы данное высказывание квалифицировалось как тот или иной речевой акт, есть знание о функции этого высказывания. Конъюнкция этих правил является иллокутивной силой высказывания, под которой мы понимаем то, что должно быть известно культурному носителю о функции данного речевого жанра. Ему должны быть известны такие характеристики, как цель речевого акта, “концепция” контркоммуниканта, собственная “концепция”, “образ коммуникативного будущего” (перлокуция), “образ коммуникативного прошлого”, “событийное содержание” [Шмелева 1995] и язык. Это совместное знание компонентов иллокутивной силы является языковой конвенцией для говорящих на данном языке, обеспечивающей понимание и речевое сотрудничество в рамках данного речевого жанра и языка в целом. Знание правил совершения речевого акта определяет языковую компетенцию человека.

Таким образом, любое высказывание, безупречное с точки зрения своего пропозиционального содержания, может быть понято неверно, если не ясна цель или функция речевого акта. Так, высказывание *“не заполняйте горячий чайник холодной водой сразу после выливания из него горячей воды”* может вызвать различную реакцию адресата, в зависимости от того, воспринимается оно как инструкция, совет, просьба, предупреждение или

угроза. Если оно реализуется в формальной обстановке лицом, уполномоченным сообщать подобную информацию, то это инструкция, если то же лицо, но вне официальной обстановки обращается к владельцу чайника, то это совет. В аналогичной ситуации, но при условии, что владельцем чайника является сам автор, высказывание может быть просьбой, предупреждением или даже угрозой. Таким образом, вслед за Н.Б. Мечковской мы считаем, что “в высказывании должны быть так или иначе обозначены такие базовые параметры коммуникативной ситуации, как указание на общую функцию (прагматику) высказывания (является ли оно приказом, вопросом, советом или сообщением)” [Мечковская 2001: 39]. Воспринимать высказывание в соответствии с его функцией, значит принять правила игры, предусмотренные этим речевым жанром для коммуникантов, следовательно, функция высказывания — задать сценарий или правила речевого взаимодействия. Главное в этих правилах то, что они конвенциональны, следовательно, являются прозрачными для обоих коммуникантов. “Производство всех этих эффектов есть простое следствие того, что слушающий знает, что означает данное предложение” [Серль 1986: 166]. Существует столько разнообразных коммуникативных сценариев, сколько существует коммуникативных функций.

Вслед за Г.П. Грайсом, Дж.Р. Серлем и другими учеными мы признаем тесную связь между понятием иллокутивной функции речевого акта и понятием намерения [Грайс 1985, Серль 1986 и др.]. Поэтому главное правило употребления любого речевого акта мы формулируем следующим образом: актуализация высказывания есть речевой акт, который имеет своим мотивом намерение автора изменить ментальное состояние собеседника в соответствии с целью этого речевого акта. Следовательно, иллокутивная цель высказывания является главным условием его осуществления. Отрицательная сущность коммуникативной цели приобретает собственный онтологический статус, определяясь условиями порождения и правилами

осуществления коммуникативного акта в их отношении к условиям и правилам других речевых актов. Полагаем, что эти условия и правила в обобщенном виде соответствуют содержательным признакам речевого жанра, представленным анкетой Т.В. Шмелевой [Шмелева 1995].

Произнесение речевого акта предполагает соблюдение следующих правил:

1) автор имеет намерение изменить ментальное состояние собеседника в соответствии с речевым актом (“коммуникативная цель”);

2) автор занимает определенную позицию по отношению к адресату и к тому, что говорится (“концепция автора”);

3) адресат занимает определенную позицию по отношению к автору и к тому, что говорится (“концепция адресата”);

4) автор ожидает от адресата ответной реакции, предполагаемой произнесением речевого акта, а адресат знает о том, какую реакцию от него ожидает автор (“образ коммуникативного будущего”);

5) автор и адресат знают или имеют мнение по поводу того, что послужило причиной речевого акта (“образ коммуникативного прошлого”);

6) пропозиция речевого акта описывает некоторое состояние объективной или субъективной реальности (“событийное содержание”);

7) автор придает высказыванию форму, по которой адресат распознает функцию речевого акта (“формальное воплощение”).

Дж.Р. Серль отмечает: “В структуре составляющих, лежащей в основе предложения, есть различие между теми элементами, которые соответствуют показателю функции, и теми, которые соответствуют пропозициональному содержанию” [Серль 1986: 157]. Формальное воплощение речевого акта есть элемент, соответствующий показателю функции. Следовательно, в нашу задачу входит исследование функции речевого жанра инструкции и показателя этой функции.

Таким образом, говоря о рассмотрении речевого жанра инструкции в аспекте теории речевых актов, мы имеем в виду описание функции жанра как совокупности условий его реализации в терминах теории речевых актов. Все сказанное относится и к анализу ядерных характеристик содержательного поля жанра, который мы осуществляем во второй главе.

1.2.2. Побуждение как базовая семантика речевого жанра инструкции

По словам В.М. Живова и Б.А. Успенского “...хаотичность и непоследовательность периферии языка значительно преувеличены... в ней можно предполагать существование определенных закономерностей” [Живов, Успенский 1973: 35]. Разделяя данное утверждение, периферию инструкции мы рассматриваем как системное образование. Исследование периферии содержательного поля речевого жанра инструкции есть исследование функции инструкции, ограниченное теми условиями ее реализации, которые являются периферийными. Совокупность этих условий будет представлять функцию, свойственную не только инструкции, но и другим речевым жанрам, близким инструкции по своему значению. Эти речевые жанры, совпадающие по своей периферийной семантике, мы называем **периферийными**. Таким образом, при описании периферийной части содержательного поля инструкции необходимо определение речевых жанров более абстрактного понятия.

Периферийные речевые жанры отличаются по степени абстрактности. На самом верхнем уровне абстракции находится речевой жанр, условия реализации которого являются общими для всех периферийных инструкции жанров, поэтому семантику данного речевого жанра мы называем **базовой** по отношению к инструкции. Базовую семантику речевого жанра инструкции мы противопоставляем **сущностной** семантике, которая

идентифицирует речевой жанр инструкции. На более низком уровне абстракции прагматика базового для инструкции речевого жанра включает ограниченное количество условий реализации периферийных с инструкцией жанров. Эти условия располагаются в той части периферии, которая находится ближе к ядру. Таким образом, в периферии инструкции мы выделяем показатели **дальней** и **ближней** периферии.

Разделение содержательного поля инструкции на три части — дальнюю периферию, ближнюю периферию и ядро — мы связываем с разделением функций. Функция инструкции — давать указания относительно осуществления какого-либо мероприятия — реализуется тремя функциональными составляющими, различающимися по степени абстракции, и реализующимися тремя частями содержательного поля. Обе части периферии осуществляют функции, общие для всех периферийных инструкции речевых жанров, ядро же реализует сущностную функцию инструкции. Выполнять сущностную функцию инструкции в содержательном плане означает удовлетворять сущностным условиям реализации речевого акта инструкции.

Мы разделяем мнение В.М. Живова и Б.А. Успенского о том, что “...периферийные явления могут выступать как системные по отношению к центру (...), но если не учитывать их иерархического места в общей системе языка, описание предстанет как хаотическое” [Живов, Успенский 1973: 25]. Поскольку наша задача состоит в систематическом выведении условий реализации жанра, считаем целесообразным определять их в контексте всех периферийных условий, то есть в системе условий реализации базовых речевых жанров высокой и низкой степени абстракции. Таким образом, нашей первой задачей является определение базового для инструкции речевого жанра, максимально обобщенного по своему понятию.

Под речевыми жанрами с максимально обобщенными понятиями мы понимаем жанры, полученные путем первичной классификации речи.

Прежде чем обосновать наш взгляд относительно разделения видов речевой деятельности, обратимся к существующим классификациям жанров.

Вслед за К. Кожевниковой, формально-содержательные модели мы делим по степени нормативности (типизации) на “облигаторные”, “узурпаторные” и “нерегламентированные” [Кожевникова 1979: 53-54]. В зависимости от сферы функционирования все формы подразделяются на “первичные” и “вторичные” [Бахтин 1986, Федосюк 1997а], в зависимости от степени информативности – на “фатические” и “информативные” [Якобсон 1975; Винокур 1993; Дементьев 1999 и др.]. Согласно выполняемой функции, Т.В. Шмелева выделяет четыре класса речевых жанров: “информативные”, “оценочные”, “перформативные” и “императивные” [Шмелева: 1990 12-13]. Мы выделяем три группы жанров: “вопрос”, “побуждение” и “повествование” [Рехтин 2005: 238]. О целесообразности такой классификации мы скажем ниже.

Мы разделяем мнение В.С. Храковского о том, что “выделение и классификация семантических интерпретаций императивного [и любого другого] значения не является собственно лингвистической задачей, поскольку объектом классификации фактически выступают ситуации произнесения императивного [и другого] значения” [Храковский 2001: 136]. При моделировании речевой ситуации мы обращаемся к некоторым философским положениям М. Фуко и Л. Витгенштейна.

Вслед за М.Фуко, жизнь понимается нами как движение, цель которого — приведение всего в соответствие посредством противодействия “силы симпатии” и “силы антипатии” [Фуко 1977: 54-62]. Жизнь человека есть движение к соответствию посредством рассудка. Движение человека представлено тремя видами действия: мыслительным, физическим и коммуникативным. Приведение в соответствие объективного мира со своим осмыслением его характеризует физическое действие; приведение в соответствие своего осмысления мира с объективным миром —

характеристика мыслительного действия; установление тождества между осмыслением мира другого человека и своим — сущность действия коммуникативного.

Условием возможности коммуникации является несоответствие объективной действительности и антропоморфного осмысления ее, то есть картины мира. Такие несоответствия являются проблемой, которую возможно разрешить коммуникативным действием, поэтому ситуации несоответствия осмысления мира субъектов мы называем «проблемными ситуациями». На то, что ситуация затруднения является причиной человеческого действия указывал Л.С. Выготский. В своих исследованиях происхождения мысли, он показал, что на ранних этапах развития ребенка всякое затруднение вызывает возникновение “внешних проб”, в которые включается внешняя речь, постепенно “свертывается”, становится внутренней речью, а в сложившихся формах становится мыслью [Выготский 2003].

Различие проблемных ситуаций является следствием неоднородности характера отношений между коммуникантами и объективным миром. Мы представляем три типа отношений картины мира автора к картине мира адресата и объективной реальности. Во-первых: картина мира автора не соответствует окружающей действительности, и он пытается привести свое видение в соответствие с реальностью посредством видения другого субъекта. Такая ситуация разрешается вопросом. Во-вторых: объективная действительность не соответствует видению мира автора, и он стремится исправить ее посредством побуждения адресата к действию. Такая проблемная ситуация находит свое разрешение императивными формами. Императивы, побуждающие к коммуникации, служат способом разрешения первой ситуации. В-третьих: объективная действительность и видение ее автором тождественны, и он пытается привести картину мира адресата в

соответствие со своей. Эта ситуация разрешается посредством повествовательных коммуникативных форм.

Остановимся на причинах, побуждающих к разрешению ситуации последнего типа. Если автор пытается передать свою картину мира адресату, то он предполагает, что адресат в этом нуждается, то есть автор допускает, что до этого времени адресат находился в ситуации, при которой его картина мира не соответствовала объективной, а следовательно, адресат находился в той же роли, что и потенциальный автор в первой из приведенных проблемных ситуаций, разрешающейся посредством вопросительного коммуникативного действия.

Таким образом, любое повествовательное высказывание есть ответ на вопрос. Автор такого высказывания, пытаясь привести видение мира адресата в соответствие со своим, всегда разрешает заданную проблемную ситуацию несоответствия картины мира адресата объективной действительности, что является причиной, обуславливающей любую повествовательную форму. Следовательно, повествовательное высказывание, в отличие от побудительного или вопросительного, никогда не бывает независимым, а вся коммуникация представляется нам бесконечной сменой диалогических единств двух типов: 1) выраженный или невыраженный в речи вопрос и ответ (повествовательное высказывание); 2) побудительная коммуникативная форма и ответ на нее в виде физического, мыслительного или речевого действия.

Итак, три основных типа проблемных ситуаций обуславливают три основных формы высказывания или речевых жанра: вопрос, побуждение и повествование. Представляется, что первичное разделение форм высказываний соответствует первичной классификации “глубинных синтаксических структур”, которые Н. Хомский определил как “образования, промежуточные между мышлением и поверхностными грамматическими структурами” [Хомский 1972].

1.2.3. Конвенция как основа дифференциации побуждений

Итак, мы закрепили за дальней и ближней периферией содержательного поля инструкции определенные функциональные свойства. При этом дальняя периферия инструкции выполняет функцию побуждения. Среди исследований побуждений мы отмечаем такие, как классификации императива М.Ф. Косиловой [Косилова 1964] и В.С. Храковского [Храковский 2001], рассмотрение грамматических особенностей императива в когнитивном аспекте Э.Г. Дренич [Дренич 2003], изучение императивных ситуаций в современном французском языке Г.И. Маллаяновой [Маллаянова 1997]. Существуют различные формулировки императива, побуждения или побудительного наклонения. Так, в “Грамматике-70” повелительное наклонение определяется как “номинативное грамматическое значение, которое представляет действие как такое, которое должно осуществиться одним лицом в результате волеизъявления” [АГ 1970: 355-356]. Ю.Д. Апресян пишет, что “императив или побуждение — это сообщение о желании говорящего, чтобы адресат выполнил определенное действие, и попытка каузировать его выполнение адресатом” [Апресян 1974: 22]. Все определения побуждения сходятся в том, что концепция хотя бы одного из коммуникантов характеризуется “инициативой” к побуждению. Данную основную иллокутивную характеристику побуждений В.С. Храковский назвал “импульсом каузации”. Он пишет: “...каузация может исходить либо от говорящего, либо может быть ответной реакцией на инициативу слушающего (...назовем это отношение... импульсом каузации)” [Храковский 2001: 136].

Итак, речевой жанр побуждения является базовым для инструкции и максимальным по уровню абстракции. Речевой жанр инструкции, будучи по своей семантике подчиненным жанром по отношению к побуждению, обнаруживает в своей дальней периферии характеристики, которые

распространяет на все низлежащие речевые жанры. Такой характеристикой, свойственной всем побуждениям, является намерение автора побудить адресата к действию или импульс каузации. Выведем характеристики ближайшей периферии содержательного поля инструкции посредством поэтапной конкретизации понятия “побуждение”.

Представим понятие речевого акта побуждения в виде системного гнезда речевых актов рода побуждений.

Нашей первой задачей является нахождение места понятия речевого акта инструкции как совокупности условий его реализации в системе понятий других побуждений. Следовательно, первым этапом работы является построение классификации побуждений. Согласно В.С. Храковскому, “...любая классификация в определенном смысле произвольна, ибо результат ее зависит от исходных классифицируемых признаков... исследователь стремится отобрать такие признаки, которые с точки зрения целей исследования, наиболее глубоко отражают существенные черты классифицируемых объектов” [Храковский 2001: 134]. Насколько нам известно, в русистике предприняты всего две попытки выделить “частные” императивные значения на базе эксплицитно заданных классификационных признаков. Это работы, посвященные проблемам императива М.Ф. Косиловой [Косилова 1964] и В.С. Храковского [В.С. Храковский 2001]. М.Ф. Косилова выделяет три признака: “отношение между участниками”, “отношение говорящего к действию” и “отношение адресата к действию” [Косилова 1964, 2000]. В.С. Храковский предлагает различать императивы по таким признакам, как “импульс каузации”, “заинтересованность” коммуникантов и “субординация” [Храковский 2001: 137]. Признавая большую теоретическую и практическую значимость этих теорий, мы отмечаем наличие в них ряда уязвимых мест для целей нашего исследования. Так, В.С. Храковский объединяет приказ, просьбу, инструкцию и предложение на том основании, что импульс каузации этих речевых актов

исходит от автора [там же]. Полагаем, что эта характеристика применима только к просьбе: в выполнении приказа заинтересованы оба коммуниканта, так как его игнорирование предполагает ответственность обоих коммуникантов (в соблюдении инструкции заинтересован не только ее автор, но и адресат). На некоторые недостатки классификации М.Ф. Косиловой обращает внимание В.С. Храковский [Храковский 2001: 135], поэтому на них мы останавливаться не будем. Основным недостатком этих классификаций является то, что авторы предлагают применять их в отношении всех побуждений. Вследствие чего, с одной стороны, в один ряд ставятся такие различные по своему содержанию речевые жанры, как приказ, просьба, инструкция и предложение, с другой — предлагаемые основания классификации характеризуют не все речевые жанры. Например, если приказ можно отличить от просьбы на основании признака субординации, то применение по отношению к приказу критерия заинтересованности представляется затруднительным.

Полагаем, что указанных недостатков классификации побуждений можно избежать, если построить уровневую классификацию, при которой на верхнем уровне иерархии будет производиться первичное разделение побуждений на виды. “Традиционной точкой зрения принято считать, что содержательно формы императива отражают референтную ситуацию апеллятивного общения (=побудительную ситуацию)...” [Храковский 2001: 12]. Следовательно, в основании первичной классификации должны лежать аспекты, характеризующие ситуацию реализации любых побуждений. Критерии же классификации речевых жанров внутри видов, полученных посредством первичной классификации, и внутри классификаций остальных низлежащих уровней будут различными. Эти критерии будут условиями дифференциации речевых жанров внутри вида.

Поскольку побуждение является каузацией действия, выделение какой-либо группы побуждений предполагает, что эта группа характеризуется

особой каузацией и особым казулируемым действием. При этом если особенность каузации заключается в специфике концепций коммуникантов, в их оценке самого побуждения, то особенность казулируемого действия представляет собой аспект онтологический, на который распространяется каузация. Казулируемое действие характеризуется независимо от субъективной оценки. Вслед за В.С Храковским главной (и единственной) характеристикой дальней периферии побуждений считаем **импульс каузации**, при этом онтологический аспект дальней периферии может быть представлен любым казулируемым действием. Например, такая особенность дальней периферии высказывания *“Тише, пожалуйста”*, как импульс каузации позволяет определить, что это — побуждение, а такая характеристика ближней периферии, как импульс каузации, принадлежащий автору, позволяет отнести это побуждение к просьбе. Онтологический аспект высказывания представлен процессом устранения шума, при этом онтологией просьбы может являться любой процесс. Характеризуя ближнюю периферию, нам необходимо установить такие особенности концепции коммуникантов и онтологического аспекта инструкции, которые позволили бы отнести инструкцию к побуждениям особой группы. Для этого нужно установить критерии разделения побуждений, характеризующие как концепции коммуникантов, так и онтологический аспект.

Главным критерием разделения побуждений считаем критерий прагматический, согласно которому все характеристики понятия побуждения рассматриваются в аспекте их эффективности для каузации действия. Совокупность таких аргументов отдельного речевого акта является его *“иллокутивной силой”* или *“иллокуцией”* [Остин 1986]. Одни характеристики являются эффективными, так как обеспечивают обязательное выполнение казулируемого действия, степень эффективности других характеристик слабее, так как их аргументы не являются достаточными для выполнения действия. Таким образом, в зависимости от

степени эффективности аргументов все побуждения мы делим на побуждения с **высокой иллокуцией** (*Рота, подъем!*) и **низкой иллокуцией** (*Пора вставать*).

Прагматикой любого побуждения считаем положительный результат (выполнение каузируемого действия). В теории речевых актов результат речевого акта называется “перлокутивным эффектом”. Используя данную терминологию, назовем положительный результат речевого акта **положительным перлокутивным эффектом** или **положительной перлокуцией**, отрицательный результат — **отрицательной перлокуцией**.

Итак, первичное разделение всех побуждений мы осуществляем на основании прагматического критерия, а именно на основании показателя иллокутивной силы, который может быть высоким (предполагать только положительный перлокутивный эффект) и низким (предполагать как положительный, так и отрицательный перлокутивные эффекты).

Низкая эффективность ряда побуждений обусловлена тем, что, по замыслу автора, целесообразность ее аргументов может быть интерпретирована адресатом по его усмотрению. К побуждениям с низким эффектом мы относим такие жанры, как просьба, совет, предложение и др., авторы которых допускают, что целесообразность их побудительных аргументов может быть истолкована как “за”, так и “против” выполнения побуждения. Например, автор просьбы *“Включите, пожалуйста, свет”* допускает отрицательную перлокуцию, осознавая, что неудовлетворение просьбы не будет являться нарушением коммуникативных норм; автор совета *“Советую вам работать при более ярком освещении”* может рассчитывать на положительный перлокутивный эффект, если дает понять, что право выбора следовать совету или нет оставляет за адресатом; предложение *“Предлагаю включить свет”* может быть принято, если не противоречит интересам других.

К побуждениям с высоким эффектом мы относим приказ. Так, автор приказа *“Включите свет!”* не допускает того, что целесообразность выполнения казулируемого действия будет подвергнута оценке со стороны адресата, который, в свою очередь, отдает себе отчет в том, что невыполнение приказа будет нарушением коммуникативных требований, которые всегда обусловлены требованиями экстралингвистическими.

Речевой жанр инструкции предполагает положительную перлокуцию (*“Строго следуйте инструкциям в нижней части экрана”*), поэтому мы относим его к побуждениям, иллокуция которых характеризуется высокой силой. Следовательно, главной характеристикой ближней периферии инструкции является гарантированный положительный перлокутивный эффект или высокая эффективность.

Таким образом, по отношению к замыслу речевых жанров низкой эффективности адресат может занимать различную позицию и оценивать его. Речевое взаимодействие двух равноправных субъектов, предполагающее их возможность занимать субъективную позицию по отношению к высказыванию и оценивать его, мы называем **естественной** коммуникацией. Следовательно, подвижность перлокутивного эффекта характеризует иллокуцию речевых жанров естественной коммуникации или **естественных** речевых жанров (просьбы, совета, предложения), которые мы противопоставляем **искусственным**, в данном случае — побуждениям, предполагающим только положительную перлокуцию (приказу, инструкции, официальному предложению). Искусственными мы называем их потому, что гарантия положительной перлокуции не свойственна побуждениям естественной коммуникации и возможна лишь в том случае, если интенсивность иллокутивной силы стимулируется посредством искусственного вмешательства, а именно посредством добавления в иллокуцию характеристик, обеспечивающих положительный перлокутивный

эффект. Следовательно, искусственные речевые жанры являются вторичными по отношению к естественным.

Полагаем, что для оптимизации эффективности побуждения необходимо соблюсти два условия:

1) оптимизировать понимание, что достигается приданием тексту оптимальной формы. Данное условие мы называем **формальным**;

2) повысить показатель императивности, что достигается внеязыковыми принудительными мерами. Данное условие мы называем **конвенциональным**.

Рассмотрим реализацию повышающих иллокуцию условий на примере совета относительно процедуры окраски волос: “*Сначала лучше просто теплой водой хорошо промойте, а потом с шампунем*”. Соблюдением формального условия достигается изменение содержания: понижение субъективного эмоционально-оценочного фона высказывания, который дает возможность адресату оценивать целесообразность побуждения. Это условие реализуется устранением информации, передающейся такими словами, как *лучше, просто, сначала*, а также лексической заменой оценочного слова *хорошо* на слово с более нейтральным понятием *тщательно*. К формальному условию повышения иллокуции относится также изменение содержания высказывания путем трансформации грамматической формы как на морфологическом, так и на синтаксическом уровнях. Финитная форма глагола *промойте* может меняться на более императивную инфинитивную форму *промыть*. На уровне структуры предложения данное условие соблюдается перенесением главного содержательного элемента — обстоятельства — в конец фразы. Исследователи отмечают, что в русском языке информация, сообщаемая в конце предложения, воспринимается как основная [Пумпянский 1974; Шувалова 2002]. Повышение иллокуции побуждения предполагает не только сокращение дополнительной информации, но и добавление информационных элементов, способствующих

более точной и однозначной передачи смысла. Так, в приведенном примере вследствие нулевой позиции дополнения *волосы* эллиптизирована информация, которая, по предположению автора, известна из ситуации. “Эллиптическую модель образует непосредственное соединение субстантивного члена, обозначающего деятеля, и зависимого члена глагольного словосочетания со значением цели движения, объекта речи и т.д.” [Современный русский язык 2000: 465]. Однако отражение ситуации субъективно, следовательно, внимание коммуникантов может быть акцентировано на разных объектах. Таким образом, для повышения однозначности пропозиции в предложении необходимо восстановить дополнение *волосы*. В результате указанных формальных трансформаций совет приобретает вид, обладающий более высокой эффективностью каузации, чем исходный: “*Тщательно промойте волосы теплой водой, а потом с шампунем*”. Таким образом, формальное условие повышения иллокутивной силы побуждения представляет собой способ оптимизации каузации при помощи средств языка. Однако даже при максимально эффективном использовании формальных средств положительная перлокуция не гарантирована.

В ситуации, при которой, с точки зрения автора, невыполнение каузируемого действия недопустимо, а языковой арсенал повышения иллокуции побуждения исчерпан, прибегают к второму условию повышения иллокуции — конвенциональному. В соответствии с этим условием коммуниканты заключают договор, согласно которому автор имеет полномочия каузировать действия, а адресат обязуется их выполнять. При этом взаимоотношения коммуникантов переходят в разряд официальных, что сказывается на форме текста. В данном примере разговорное слово *потом* заменяется канцеляризмом *затем*. Вследствие указанных преобразований окончательный вариант высказывания “*Тщательно промойте волосы теплой водой, а затем с шампунем*”, с учетом

конвенциональной основы взаимоотношений коммуникантов, утрачивает формально-содержательные свойства совета и приобретает все характеристики инструкции.

При соблюдении указанных условий просьба *“Примите, пожалуйста, меры”* становится приказом *“Принять меры!”*, а предложение *“Давайте отдохнем”* становится официальным предложением *“Предлагаю сделать перерыв”*.

В соответствии со сказанным наиболее эффективными побуждениями являются такие, иллокутивная сила которых включает аргумент, исключающий различное толкование их целесообразности адресатом. Представляется, что таким аргументом является предварительная **конвенция**, предполагающая необходимость выполнения каузируемого действия. Таким образом, мы считаем, что в основании первичного разделения побуждений должно лежать наличие/отсутствие предварительного соглашения, регулирующего взаимоотношения коммуникантов, поскольку критерии дифференциации побуждений, ответные реакции на которые обусловлены конвенцией, отличаются от критериев дифференциации побуждений, предполагающих произвольные реакции. Так, если первые мы можем классифицировать на основании такой характеристики, как субординация (например, приказ), то для последних этот показатель не релевантен, поскольку субординация является следствием договора, распределяющего роли коммуникантов. Например, при официальной основе коммуникативного акта высказывание *“Расчешите волосы”* может быть как приказом, так и инструкцией, при этом приказ будет отличаться тем, что отношения коммуникантов характеризуются субординацией (адресат приказа находится в подчинении автора). При отсутствии официальной основы коммуникативного акта высказывание *“Расчешите волосы”* может являться просьбой, советом или предложением, при этом характеристика субординации будет нерелевантной для

определения речевого жанра, тогда как квалифицирующим жанр свойством будет принадлежность импульса каузации.

С другой стороны, такое основание классификации речевых жанров, как заинтересованность, дифференцирует побуждения, выполнение которых не обусловлено конвенцией. Например, в выполнении просьбы заинтересован автор, тогда как совет дается в интересах адресата. Так, побуждение *“после работы протри инструмент сухой тканью”* может рассматриваться как просьба, если в его выполнении заинтересован автор, и как совет, если высказывание произносится в интересах адресата. Однако, если взаимоотношения коммуникантов обусловлены предварительной конвенцией, это высказывание является приказом и в его выполнении заинтересованы оба коммуниканта.

Содержательная характеристика побуждения, которую мы называем конвенцией, отличается от введенной ранее В.С. Храковским характеристики *“субординации”*. Относительно понятия термина *“субординация”* В.С. Храковский пишет: *“Термин “субординация”, по-видимому, может вызвать ассоциации с социальными отношениями типа “начальник—подчиненный”, “старший—младший”, однако нужно подчеркнуть, что прямой корреляции здесь нет. Отношение субординации подвижно. В каждом конкретном речевом акте говорящий — независимо от того, старший он или младший, начальник или подчиненный, — в зависимости от ситуации может ставить себя либо выше, либо не выше слушающего”* [Храковский 2001: 137]. Определяемая нами характеристика конвенции, напротив, обуславливает стабильность отношений субординации.

Таким образом, первичную классификацию побуждений мы производим на основании наличия или отсутствия в иллокутивной силе конвенционального аргумента. Разделим все побуждения на **“указания”** (с конвенциональным аргументом) и **“не-указания”** (без конвенционального

аргумента). При этом инструкция является видом “указаний”, следовательно, для определения периферийных характеристик инструкции необходимо установить характеристики, общие для всех “указаний”. Это можно осуществить путем рассмотрения того, как “не-указания” преобразуются под воздействием конвенции.

Установим в дедуктивной цепочке *побуждение* — “указание” — *инструкция* промежуточное звено между “указанием” и инструкцией, что позволит конкретизировать группу “указаний”, к которой относится инструкция. Полагаем, что основанием такого выделения является дифференциация конвенций, среди которых мы выделяем **ситуативную, культурную** и **деловую**. Каждая из них стабилизирует иллюкутивные показатели просьбы, совета и предложения, причем особенность этой стабилизации зависит от типа конвенции. Таким образом, описание периферийных характеристик инструкции предполагает определение соответствующего типа конвенции.

Рассмотрение речевого поведения с учетом фактора конвенциональности связано с явлением стереотипизации коммуникации. Изучение проблемы стереотипного речевого поведения в современной лингвистике затрагивает такие аспекты, как нормы коммуникативного поведения [Стернин 1996], модели речевого поведения в кросскультурной коммуникации [Стернин 1996, 2000, 2002; Токарева 1999], воздействие статусных ролей говорящих на речь [Антинескул, Двинянинова 1998], национально-культурные стереотипы речевого общения в межкультурном аспекте [Прохоров 1997, 1999]. Наиболее близкой к аспекту нашего рассмотрения является попытка С.А. Сухих [Сухих 1998: 9-10] разграничить социальные сферы на основе степени жесткости социального контроля, который описывается прежде всего в понятиях норм, конвенций и ритуалов, коммуникативных схем, а также допустимости тем общения и типов речевых действий.

Согласно М.В. Колтуновой, “...конвенции... представляют собой нормативные требования к формально-логической и тематической организации высказывания, его контекстной уместности” [Колтунова 2004: 100]. В соответствии с предлагаемым нами разделением конвенций, “требования к организации высказывания” могут быть продиктованы культурными, ситуативными и деловыми императивами. Все три вида конвенции входят в структуру языковой конвенции, под которой мы понимаем совокупность установок относительно речевого поведения, предусмотренного данной культурой для данной ситуации. Таким образом, ситуативная и деловая конвенции связаны с культурной, так как культура “закрепляет” за определенной ситуацией определенный тип побуждения. “Указания” употребляются в ситуациях, когда каузируемые действия предусмотрены императивными культурными установками. В этих случаях употребление “указаний” оправдано. Таким образом, культурные установки мы делим на **императивные** и **неимперативные**. Императивные культурные установки могут иметь религиозный или традиционный характер. Например, если христианская религия предусматривает императивные нормы поведения человека, то речевое взаимодействие людей, принадлежащих христианской культуре, допускает употребление “указаний” при каузации действий, к которым побуждают заповеди. Если в данной культуре существует традиция уступать место пожилым людям, то речевое поведение носителей данной культуры предусматривает побуждение к этому действию при помощи “указания”. Название конвенции “культурная” условно, поскольку любая языковая конвенция определена культурными установками.

Конвенцию, соотносимую с неимперативными культурными установками, мы называем **речевой**. Если культурная конвенция делает возможным употребление “указаний”, то конвенция речевая является соглашением, определяющим речевое поведение, не обусловленное никакими императивными поведенческими нормами. Речевая конвенция не

предусматривает обязательного положительного перлокутивного эффекта, поэтому не оправдывает употребление “указаний”. Речевое поведение, обусловленное речевой конвенцией, мы называем **естественным**, а речевую конвенцию — **естественной** конвенцией. Как культурная, так и естественная речевая конвенции являются видами языковой конвенции.

Императивные требования к поведению могут быть определены не только культурой, но и ситуацией, поэтому другим видом конвенции, который мы противопоставляем естественной конвенции, является ситуативная. Данная конвенция опирается на императивы естественной ситуации (независимо от культурных установок) и обусловлена не всякой ситуацией, а только той, которая обнаруживает необходимость действия. Примером ситуативной конвенции может служить ситуация взаимоотношения врача и пациента, при которой употребление “указаний” оправдано такими причинами, как компетентность врача, заинтересованность пациента, необходимость предотвращения угрозы здоровью или жизни и другое.

Деловая конвенция отличается от двух других тем, что ее положения формируются в соответствии с субъективными интересами коммуникаторов, тогда как положения культурной и ситуативной конвенций объективны и не зависят от воли коммуникантов. Установки деловой конвенции обладают юридической силой и являются более императивными, чем установки ситуативной и культурной конвенций. М.В. Колтунова отмечает, что “...самой “строгой” сферой, в которой соблюдение конвенциональных норм совершенно обязательно и строго регламентировано, является сфера официального или формального общения ...” [Колтунова 2004: 112].

Итак, мы рассмотрели четыре типа конвенций: 1) культурную, 2) ситуативную, 3) деловую, 4) естественную речевую. Последняя конвенция определяет иллокуцию побуждений к действиям, выполнение которых *возможно*, первые три обуславливают побуждения к таким действиям,

выполнение которых *необходимо*. Все четыре типа конвенций являются разновидностями языковой конвенции как условия возможности речевой коммуникации. Таким образом, “не-указания” обусловлены речевой конвенцией, “указания” — культурной, ситуативной или деловой. При этом любое “не-указание” может стать “указанием” в том случае, если в иллокуции первых произойдут преобразования под воздействием конвенции.

Речевой жанр инструкции входит в арсенал речевых действий людей, вступивших в отношения с целью осуществления общего дела, оптимизация которого предполагает заключение делового договора, регулирующего их отношения. Следование инструкциям является одним из требований такого договора, поэтому иллокуция инструкции обусловлена деловой конвенцией. Это свидетельствует о том, что тексты данного жанра функционируют только в официально-деловом стиле.

Употребление инструкции в ситуации разговорно-бытового общения невозможно, поскольку инструкция не может быть обусловлена ситуативной или культурной конвенциями. Проиллюстрируем данное положение на примерах.

Культурные императивы распространяются на максимально широкие сферы жизнедеятельности человека, например, на отношение к людям старшего поколения, женщинам, супругу и т.д. Передаваясь по каналам преемственности социальных знаний, культурная конвенция формирует поведение всех людей, принадлежащих данной культуре. Таким образом, культурные “указания” каузируют действия, о необходимости выполнения которых адресат знает до речевого акта. Следовательно, культурные побуждения по своей семантике являются *порицаниями* за невыполнение действия. Например, высказывание “уступи место дедушке” есть упрек за то, что место не было уступлено. При этом автор не допускает того, что адресат не знает, что старшим принято уступать место. В качестве

информативного данное высказывание может рассматриваться только в том случае, если оно обращено к представителю другой культуры или человеку, не знающему данную культурную норму, например, ребенку.

Таким образом, культурные “указания” побуждают к известному адресату действию, что исключает возможность отнесения к ним инструкций, которые являются побуждениями, сообщающими новую информацию относительно каузируемого действия. Следовательно, различие между культурным “указанием” и инструкцией заключается в том, что первые побуждают к действию, о необходимости выполнения которого адресату известно априорно, тогда как последние сообщают информацию о необходимом действии, причем функцию непосредственного побуждения к действию инструкция не выполняет. Другими словами, если культурные побуждения применяются тогда, когда адресат *знает, но не хочет*, то речевой жанр инструкции используют тогда, когда адресат *желает* выполнить действие, *но не знает как*.

Однако для некоторых ситуаций культура может предусматривать и специфические правила поведения, которые могут быть не известны культурному носителю языка по причине отсутствия опыта поведения в подобных ситуациях. К таким ситуациям можно отнести различные церемонии, обряды и т.д. Например, человеку, не участвовавшему в свадебной церемонии и которому предстоит ее пройти, скорее всего будут даны “указания” о том, какие действия и в какой последовательности он должен будет выполнить. Однако, несмотря на то, что эти культурно-обусловленные указания сообщают новую информацию, инструкциями они не являются по следующим соображениям.

Порядок проведения церемоний определен культурными традициями и обычаями. Сравним прагматические аспекты понятий “традиция” и “инструкция” посредством их контекстуального анализа. Содержание высказываний типа *“церемония прошла согласно (старой, новой)*

традиции”, “свадьба прошла с нарушениями традиции” обнаруживает то, что несоблюдение традиции не сказывается на результате самой церемонии: традиция не была соблюдена, однако свадьба состоялась. Нарушение традиции не приводит к существенным отрицательным прагматическим последствиям. Следовательно, культурная традиция есть обусловленный культурой способ достижения результата, при этом на самом результате существенно не сказывается то, был применен этот способ или нет. Несоблюдение инструкции в сознании культурного носителя языка связано с представлением о негативном результате выполняемого действия. Таким образом, инструкция сообщает информацию о необходимом для достижения положительного результата действии. Итак, обусловленность инструкции культурной конвенцией невозможна по двум причинам: во-первых, культурные “указания” побуждают к заранее известному адресату действию, которое он не выполняет по причине нежелания, невнимания и т.д., инструкция же побуждает, сообщая новую информацию. Во-вторых, если культурное “указание” каузирует действие посредством сообщения новой информации, то данное действие является прагматически нерелевантным для достижения результата, тогда как инструкция называет действия, необходимые для получения положительного прагматического результата. Таким образом, инструкция не является культурным “указанием”.

Иногда некоторые императивные речевые акты, произнесенные в разговорно-бытовой сфере, называют инструкциями. Такие речевые акты не являются инструкциями по следующим причинам. Речевой жанр является двусторонней предметно-содержательной сущностью, поэтому форма текста может указывать на тот или иной речевой жанр, будучи мотивированной соответствующей ситуацией. Инструкция функционирует в речи людей, вступивших в отношения ради осуществления общего дела. При этом в их речи употребляется инструкция потому, что данный речевой жанр способен оптимизировать процесс. Следовательно, побуждение, употребленное в

разговорно-бытовой сфере, инструкцией не является, так как в его иллокуции отсутствует необходимый прагматический аспект, а именно отнесенность к официально-деловой сфере. Форма предложения без связи с прагматикой жанр не идентифицирует. В этом случае мы имеем дело с формально-содержательной асимметрией на уровне типа высказывания, обусловленной ограниченностью способов выражения различных смыслов. На неправомерное отнесение высказывания к какому-либо жанру указывает ирония. Например, наименование побуждения, произнесенного в разговорно-бытовой сфере, инструкцией, есть сознательное производство комического эффекта, направленное на избежание коммуникативного конфликта, вызванного не соответствующей ситуации императивностью формы. С другой стороны, форма текста, отступающая от нормы построения инструкции, будет восприниматься как инструкция, если на то указывают обстоятельства. В данном случае, как и в предыдущем, очевиден комический эффект, вызванный несоответствием формы и содержания высказывания. Например, указания, размещенные в салоне такси, типа *“чем тише скажешь, тем дальше уедешь”*, *“уважаемые пассажиры, убедительная просьба употреблять семечки с кожурой, конфеты с фантиками, пиво с бутылками”*, *“место для удара головой”* (надпись на верхней панели дверного проема) имеют лишь некоторые формальные особенности инструкции. К ним относятся такие характеристики данных текстов, как побудительная форма, краткость синтаксических конструкций, способ подачи материала (на табличках). Желание сохранить непосредственный контакт с пассажирами, а также произвести комический эффект побуждает водителя применять тексты с формальными характеристиками разговорно-бытового регистра (обращения и побуждения в единственном числе, вопросительные конструкции, разговорная лексика, вульгаризмы, комическое содержание). При этом языкового опыта водителя оказывается достаточно для того, чтобы не сомневаться в том, что данные высказывания

будут восприниматься как инструкции. Это обусловлено прагматикой данной ситуации, состоящей в деловой основе взаимоотношений водителя и пассажиров. Водитель выступает как лицо, уполномоченное давать пассажирам “указания”, что обусловлено юридически: водитель несет ответственность за пассажиров, за автомобиль, за качество предоставления услуг и т.д., пассажиры в свою очередь при посадке в салон принимают на себя обязательства вести себя в соответствии с правилами поведения в общественном транспорте.

Инструкция не может обуславливаться ситуативной конвенцией. Обоснуем данный тезис на примере следующих двух ситуаций: 1) взаимоотношение врача поликлиники и пациента; 2) взаимоотношение персонала стационара и больного, находящегося на лечении в этом стационаре. В этих двух ситуациях субъекты коммуникации будут вести себя схожим образом: как врач поликлиники, так и врач стационара будет давать своим пациентам некоторые “указания”, то есть делать медицинские назначения в форме текстов. Однако, несмотря на идентичность как по форме, так и по пропозициональному содержанию, эти тексты относятся к разным речевым жанрам вследствие различия ситуаций их реализации. Различие заключается в том, что больной, поступающий в стационар, подписывает договор, регулирующий его взаимоотношения с персоналом больницы, тогда как отношения пациента поликлиники и принимающего его врача не обусловлены никаким договором, кроме общекультурных и социальных правил поведения в общественных учреждениях. Этот договор регулирует поведение людей, вступивших в отношения ради осуществления общего дела, то есть лечения, следовательно, предусматривает употребление “указаний”, в том числе и инструкций, эффективность применения которых обусловлена их иллюзией, которая предполагает ответственность пациента за невыполнение указаний в форме отказа в стационарном лечении.

Особенностью инструкции является то, что она возлагает ответственность за несоблюдение на адресата. Однако это обстоятельство имеет силу только в случае обусловленности ситуации юридическим договором, который упорядочивает коммуникацию путем распределения речевых ролей уполномоченных и их подчиненных. В соответствии с договором все лица как уполномоченные, так и подчиненные имеют определенные права и обязанности друг перед другом, соблюдение которых является деловым сотрудничеством. Таким образом, иллокутивная сила деловых “указаний” обусловлена отношениями взаимобязанности. Так, характерной особенностью инструкции является то, что ее реализация есть обязанность автора, а соблюдение — обязанность адресата. Другой важной особенностью иллокуции инструкции является то, что ее невыполнение влечет наказание со стороны адресата в виде того, что автор инструкции перестает выполнять свои обязательства перед адресатом, что фактически представляет собой приостановление сотрудничества. Например, если обязанностью руководителя предприятия является выплата подчиненному заработной платы в определенном размере, то несоблюдение подчиненным инструкции может повлечь за собой удержание из заработной платы некоторой суммы.

Предписания врача поликлиники являются ситуативными “указаниями”, так как определены логикой ситуации, которая предполагает следующие аспекты: 1) пациент нуждается в медицинской помощи, 2) пациент обращается за помощью к врачу, что означает его готовность следовать его предписаниям, 3) врач является лицом компетентным в решении проблем лечения, 4) врач обязан удовлетворить потребность больного в медицинском обслуживании. Все эти условия известны обоим субъектам и в совокупности представляют собой экстралингвистический императив поступать определенным образом. Перечисленные обстоятельства таковы, что требуют с необходимостью выполнения предписаний доктора.

Однако отсутствие договора, предусматривающего ответственность адресата за невыполнение, указывает на то, что взаимоотношения субъектов в поликлинике инструкцией не являются.

Деловая конвенция предполагает набор речевых жанров, наиболее продуктивных для целей делового сотрудничества. Эффективность жанров делового общения состоит в том, что конвенция устанавливает сценарии речевого поведения коммуникантов, а именно определяет того, кто имеет право отдавать “указания”, и того, кто обязан их выполнять, то, на какую предметную область они могут распространяться и тип ответственности. Автором деловой конвенции является конкретное лицо или определенный коллектив.

Деловая конвенция отличается способом устранения сдерживающих факторов, обусловленным характером ответственности. Ей свойственно следующее: 1) искусственность, 2) соответствие интересам субъектов отношений, 3) неизбежность, 4) юридическая сила, 5) ответственность автора перед автором и третьим лицом.

При сравнении деловой конвенции по указанным особенностям с культурной и ситуативной конвенциями обнаруживаются следующие расхождения. Культурная конвенция, как и деловая, привносится в иллюзию речевого акта искусственно. Однако искусственность культурной конвенции, в отличие от деловой, непосредственно не мотивирована, а следовательно, эксплицирована в значительно меньшей степени. Например, то, чем обусловлено соблюдение тех или иных церемоний в данном культурном пространстве, можно определить только посредством специального историко-этнографического анализа, тогда как императивность любого делового “указания” эксплицирована деловым договором. Что касается конвенции ситуативной, то императивы ситуации обуславливают “указания” согласно естественной причинно-следственной

связи, где речевые требования соответствуют логическим требованиям ситуации.

Деловая конвенция отличается высокой степенью искусственности своих императивов, тогда как ситуативная конвенция формирует иллокутивную силу ситуативных “указаний” без какого-либо вмешательства со стороны наадресата. Таким образом, ситуативная конвенция не имеет автора, а в роли “наадресата” выступают обстоятельства, требующие выполнения действия.

Наадресат культурной конвенции надперсонален. Имплицитность культурных императивов объясняется тем, что они закрепляются исторически из числа тех, которые некогда имели конкретного автора и представляли для него вполне определенную целесообразность при достижении прагматических целей. На тот период времени они обуславливали “указания”, которые теперь мы предлагаем называть деловыми. С течением времени, вследствие обстоятельств экономического, политического, культурного, природного и иного характера, одни установления исчезали, уступая место новым, другие, будучи в каком-либо отношении выгодными для народа, закреплялись, становясь надперсональными. Таким образом, автором культурной конвенции и наадресатом культурного “указания” является сам народ. По степени искусственного сознательного влияния на иллокуцию речевого жанра культурная конвенция занимает промежуточное положение между ситуативной и деловой конвенцией. Если ситуативная конвенция не имеет автора, а деловая конвенция имеет конкретного автора, то конвенция культурная имеет автора надперсонального. Для рядового носителя языка культурные установления являются настолько немотивированными, что воспринимаются как ситуативные. Так, если в некоторой ситуации данная культура предполагает определенные действия (например, приветствие при первой за день встрече знакомых), то рядовым представителем данного

культурного сообщества эти действия воспринимаются как обусловленные логикой ситуации, а не культурой. Следовательно, объективно и культурная ситуация, и культурная конвенция являются близкими к естественным, однако имеют искусственное происхождение. Деловая конвенция является искусственной безусловно, в чем состоит одна из главных ее отличительных особенностей.

Итак, все три вида конвенции различаются по степени сознательного вмешательства человека. Так, если ситуативное побуждение характеризуется естественными требованиями ситуации, а культурное побуждение отличается требованиями, близкими к ситуативным или естественным, то для реализации делового побуждения данных естественных требований недостаточно. Деловое побуждение предполагает искусственное вмешательство в иллюкцию. Итак, мы можем констатировать, что ситуативная речевая конвенция обусловлена естественной ситуацией, культурная речевая конвенция обусловлена культурной ситуацией, а деловая речевая конвенция определена искусственно созданной ситуацией.

Целесообразность искусственного вмешательства обусловлена неудовлетворением естественным ходом событий, что побуждает изменять или упразднить естественные характеристики. Искусственная конвенция появляется вследствие недостаточной эффективности установок естественной и культурной конвенций. Она “накладывается” на естественную и культурную конвенции и подчиняет их целям искусственной ситуации. Таким образом, можно сделать вывод о том, что деловая конвенция сильнее двух других, что обусловлено наличием конкретного адресата в виде договора об ответственности, которая является неизбежной, что обуславливает высокую императивность деловых “указаний”. При этом предусмотренное обязательное наказание за невыполнение делового “указания” представляет собой один из двух вариантов развития данного речевого акта (первым является соблюдение

“указания”), что является гарантией положительного перлокутивного эффекта.

Итак, мы определили, что условием возможности речевого жанра инструкции является деловая конвенция, и охарактеризовали ее в сопоставлении с особенностями ситуативной и культурной конвенций.

Систематизируем основные характеристики деловой конвенции, описанные выше:

1) деловая конвенция представляет собой искусственное соглашение между автором и адресатом относительно их речевого поведения, цель которой — оптимизация сотрудничества между субъектами, вступившими в отношения ради осуществления общего дела; 2) целесообразность речевой деловой конвенции соответствует целесообразности деловой конвенции, в контексте которой она реализуется; 3) конвенция устанавливает сценарий коммуникации, распределяет полномочия коммуникантов; 4) предполагает ответственность адресата перед наадресатом за невыполнение, которая определена субъектами коммуникации по их соглашению; 5) автор конвенции — конкретное лицо или определенный коллектив; 6) обладает юридической силой; 7) императивность эксплицирована деловым договором; 8) отличается наибольшей степенью императивности; 9) отличается наибольшей степенью искусственности своих императивов; 10) “накладывается” на естественную и культурную конвенции и подчиняет их целям делового сотрудничества; 11) предусмотренное конвенцией взыскание за невыполнение является положительной перлокуцией.

Итак, разделим все побуждения на “указания” (иллокуция содержит конвенцию) и “не-указания” (иллокуция не содержит конвенцию). При этом в зависимости от того, каким типом конвенции обусловлена иллокуция побуждения, “указания” мы подразделяем на **культурные, ситуативные и деловые**. Речевой жанр инструкции относится к последнему типу

“указаний”, таким образом, вторым признаком ближней периферии инструкции является деловая конвенция (далее — конвенция).

1.2.4. Деловое “указание” как периферия содержательного поля инструкции

Конвенция является той характеристикой, которая искусственно привносится в иллокуцию “не-указания” (естественного жанра), обуславливая положительную перлокуцию “указания” (искусственного жанра), посредством иммобилизации нестабильных показателей компонентов иллокутивной силы “не-указания”. Конвенция является ключевой характеристикой ближней периферии инструкции или “указания”. Будучи обусловленной первой характеристикой иллокуции “указания” — ориентацией коммуникантов на положительный перлокутивный эффект, конвенция сама обуславливает остальные особенности ближней периферии инструкции. Определим иллокутивные особенности речевого жанра инструкции, обусловленные конвенцией.

Для просьбы и совета (“не-указаний”) такой компонент иллокутивной силы, как заинтересованность в выполнении действия или “импульс каузации”, не стабилен: импульс каузации просьбы исходит от автора, импульс каузации совета — от адресата. Следовательно, второй субъект речевого жанра может быть как лицом, заинтересованным в выполнении действия, так и нет, что снижает эффективность речевого жанра. Для приказа и инструкции данный компонент стабилен, так как оба субъекта этих речевых жанров заинтересованы в выполнении побуждения, что определено конвенцией. Проследим механизм иммобилизации иллокутивной силы “не-указаний” при переходе их в разряд “указаний”. Для этой цели представляется целесообразным проанализировать факторы, обуславливающие низкую иллокуцию «не-указаний». Поскольку эти

факторы снижают эффективность побуждений, назовем их **сдерживающими факторами**. Таким сдерживающим фактором является нестабильность показателей компонентов иллокутивной силы.

Сдерживающие факторы мы делим на **объективные** и **субъективные**. Объективными сдерживающими факторами являются такие факторы, которые служат основанием дифференциации речевых жанров вида “не-указаний” по тем или иным **внешним** признакам. Данная дифференцирующая функция обеспечена тем, что эти внешние признаки являются постоянными характеристиками иллокутивной силы. Таким постоянным внешним признаком речевого жанра является импульс каузации. Эта характеристика указывает на того, кто из коммуникантов заинтересован в выполнении каузируемого действия. Например, внешним и постоянным (объективным) признаком «просьбы» является принадлежность импульса каузации автору, тогда как совет характеризуется импульсом каузации, исходящим от адресата. Назовем эти признаки **объективными признаками иллокутивной силы**. Сама же возможность подвижности этого компонента внутри «не-указаний» является сдерживающим фактором. Так, принадлежность импульса каузации автору просьбы свидетельствует о том, что адресат может быть заинтересованным или нет. Например, импульс каузации адресата совета обнаруживает то, что целесообразность конкретного совета, исходящего от автора, может быть истолкована адресатом по-разному. Таким образом, **объективным сдерживающим фактором “не-указаний” является подвижность объективных признаков иллокутивной силы внутри “не-указаний”**.

Мы видим, что нестабильность импульса каузации влечет за собой нестабильность субъективной оценки каузируемого действия коммуникантами или нестабильность субъективных показателей иллокутивной силы в конкретной речевой ситуации, что позволяет отнести “не-указания” к речевым жанрам с низкой эффективностью каузации. Так,

принадлежность импульса каузации адресату является объективной характеристикой совета. Однако в конкретной речевой ситуации адресат совета, позиция которого отличается объективной заинтересованностью, может быть слабо заинтересован, сильно заинтересован, не заинтересован или быть безразличным по отношению к каузируемому действию. Таким образом, любая объективная характеристика иллокутивной силы в реальной речевой ситуации обнаруживает вариативность субъективных показателей. Назовем субъективные показатели объективных характеристик иллокуции «не-указаний» **субъективными характеристиками иллокутивной силы**. Так, если импульс каузации является объективной характеристикой иллокутивной силы, то высокий (низкий, нейтральный, отрицательный) показатель заинтересованности представляет собой субъективную характеристику иллокутивной силы конкретного речевого акта. Таким образом, **субъективным сдерживающим фактором “не-указаний” является подвижность субъективных признаков иллокутивной силы**. Напомним, что подвижность этих критериев служит, с одной стороны, основанием отличия “не-указаний” от “указаний”, с другой основанием — дифференциации “не-указаний”. Например, подвижность принадлежности импульса каузации является, с одной стороны, особенностью “не-указаний”, с другой — позволяет отличить просьбу, совет или предложение.

Итак, в основе дифференциации «не-указаний» лежит объективный признак иллокутивной силы, а именно: принадлежность импульса каузации. Под импульсом каузации, вслед за М.Ф. Храковским, мы понимаем не само побуждение, а **факт заинтересованности кого-либо из коммуникантов, к которому апеллирует автор побуждения**. Например, импульс каузации совета исходит от адресата, так как совет дают потому, что адресат, будучи заинтересованным, дает импульс автору стать активным субъектом побуждения. Как видно из примера с советом, активный субъект побуждения и субъект импульса каузации могут не совпадать. В случае с просьбой

субъектом импульса каузации и субъектом побуждения является одно лицо — автор.

“Не-указания” мы подразделяем на три вида, в зависимости от того, кому принадлежит импульс каузации — автору, адресату или обоим коммуникантам. Если импульс каузации исходит от автора, то это просьба; в этом случае и импульс каузации, и сама каузация исходят от одного субъекта. Если этот показатель характеризует позицию адресата, то это совет, если в выполнении действия заинтересованы автор и адресат одновременно, то это предложение.

Критерий заинтересованности выполнения каузируемого действия тесно связан с такой объективной характеристикой “не-указаний”, как **оценка целесообразности выполнения каузируемого действия** (далее — **оценка целесообразности**). Заинтересованность в выполнении каузируемого действия всегда является следствием положительной оценки целесообразности. Например, автор просьбы “*убавьте громкость*” заинтересован в том, чтобы его просьба была выполнена только в том случае, если считает это действие целесообразным. Несмотря на то, что заинтересованность напрямую связана с целесообразностью, эти две субъективные характеристики мы рассматриваем отдельно. Дело в том, что если заинтересованность всегда является следствием осознания целесообразности, то целесообразность не всегда порождает заинтересованность. Так, автор совета всегда оценивает целесообразность каузируемого им действия, но никогда не бывает заинтересован в этом действии. Если автор побуждения имеет личную заинтересованность в выполнении каузируемого действия, то данное побуждение является не советом, а просьбой. Если же оно преподносится как совет, то это высказывание не является искренним. Рассмотрим следующее предложение: “*звоните мне на «мобильный» после 12.00*”. То, к какому речевому жанру относится это предложение, зависит от того, чьи интересы преследует автор.

Очевидно, что автор этого высказывания имеет в виду то, что после 12.00 стоимость звонка дешевле. Однако она может быть дешевле как для автора, так и для того, к кому он обращается. В первом случае это просьба, во втором — совет. При этом, если это просьба, то автор, оценив целесообразность для себя звонка после 12.00, становится лицом заинтересованным. Если это совет, то автор оценивает лишь целесообразность, заинтересованным же лицом становится адресат.

Оценку целесообразности мы называем “объективной” характеристикой иллокутивной силы на том основании, что каждый из субъектов “не-указания” имеет собственную точку зрения на целесообразность выполнения каузируемого действия. Оценка целесообразности, как и любая оценка, в конкретной речевой ситуации подвижна, поэтому эта характеристика является сдерживающим фактором “не-указания”. Оценку целесообразности мы рассматриваем не по ее наличию или отсутствию (каждый из коммуникантов оценивает целесообразность), а только по тому субъективному показателю, который она имеет в конкретном речевом акте. Подвижность оценки целесообразности рассматривается нами только как субъективный сдерживающий фактор и потому не может служить объективным основанием дифференциации “не-указания”. Например, импульс каузации, исходящий от автора “не-указания”, объективно указывает на речевой акт просьбы, импульс каузации, исходящий от адресата, маркирует речевой акт совета, импульс каузации, исходящий от автора и адресата “не-указания” одновременно, является признаком предложения. С другой стороны, высокая оценка целесообразности не указывает с определенностью на какой-либо речевой жанр, так как может характеризовать позицию автора и совета, и просьбы, и предложения. Например, автор побуждения “*позвоните завтра*” может оценивать целесообразность его выполнения высоко, независимо от того, просьба это, совет или предложение.

Субъективные характеристики оценки целесообразности и заинтересованности “не-указаний” могут совпадать или различаться. Например, позиция автора просьбы всегда характеризуется высокими показателями заинтересованности и оценки целесообразности. Для адресатов всех “не-указаний” показатели заинтересованности и оценки целесообразности могут варьироваться, при этом показатели обоих характеристик совпадают. Это обусловлено тем, что высокий, низкий, нейтральный или отрицательный показатели заинтересованности адресата в выполнении действия, каузируемого советом или предложением, являются следствием высокой, низкой, нейтральной или отрицательной оценки адресатом целесообразности выполнения действия. Показатели оценки целесообразности и заинтересованности автора просьбы всегда высокие, позиции авторов совета и предложения отличаются различными показателями этих субъективных характеристик иллокутивной силы. Так, если автор произносит побуждение “*закрой окно*” как просьбу, то в иллокутивной силе этого высказывания присутствует информация о том, что автор заинтересован в том, чтобы окно закрыли, так как считает это целесообразным. Если же данное высказывание актуализируется как совет, то целесообразность выполнения данного действия может оцениваться по-разному — она относительна и предназначена для оценки адресатом. Если это предложение, то оно рассчитано на то, чтобы его целесообразность была оценена коллективным адресатом. Поскольку показатели субъективных характеристик можно выявить только при анализе конкретного речевого акта, при дедуктивном моделировании иллокутивной силы подвижные показатели субъективных характеристик мы будем называть **относительными**. Для обозначения высокого показателя субъективных характеристик применим слово **абсолютная**.

Как было показано выше, показатели таких характеристик концепции адресата совета и предложения, как оценка целесообразности и

заинтересованность, являются относительными потому, что высокий показатель этих характеристик автором предполагается. Автор предлагает или советует именно потому, что он предполагает, что адресат может признать целесообразность выполнения действия и что адресат может быть заинтересован в его выполнении. При этом автор может предполагать высокую оценку целесообразности адресатом, только если сам уверен или предполагает целесообразность выполнения действия. Даже если он пребывает в абсолютной уверенности в целесообразности выполнения каузируемого им действия, он не может требовать от адресата обязательного его выполнения. Даже в этом случае он допускает отрицательную перлокуцию, что характеризует иллокуцию “не-указаний”. Так, автор просьбы “*поставь будильник на 7.00*” для уверенности в том, что она выполнена, должен получить подтверждение, что действие выполнено. До такого подтверждения он пребывает в неуверенности относительно своевременности прихода на работу. Это обусловлено тем, что данное побуждение высказано как просьба, то есть как “не-указание”, которое не исключает отрицательной перлокуции. В данной ситуации речевой жанр “указания”, например требование, не может быть употреблен, так как отсутствует предварительная конвенция, позволяющая употреблять “указание”. Просьба — единственный речевой жанр, уместный в данной ситуации, при которой автор может рассчитывать на возможный положительный перлокутивный эффект. Если же он произносит его как требование, то неизбежен коммуникативный конфликт, который З. Вендлер назвал “иллокутивным самоубийством” [Вендлер 1985: 238-250], при котором выполнение каузируемого действия исключено. Потребовать выполнения действия автор может только при условии, что есть причина, по которой, во-первых, адресату известно, на чем основана уверенность автора; во-вторых, адресат осознает необходимость выполнения действия, при этом позиции коммуникантов должны быть прозрачными. Причиной,

обеспечивающей как осведомленность адресата о причинах уверенности автора, так и осознание необходимости, является предварительная конвенция, позволяющая требовать без объяснения причин, то есть давать “указания”. Совет и предложение, не допускающие отрицательную перлокуцию, конфликтны и обречены на иллокутивный провал.

Автор совета или предложения всегда осознает субъективность своего предположения относительно целесообразности выполнения действия или заинтересованности в нем адресата. Поэтому автор этих речевых актов допускает возможность отрицательной перлокуции. Эти отношения автора и адресата к тому, что, о чем и зачем говорится, входят в иллокутивную силу совета и предложения как концепции автора и адресата, следовательно, они известны коммуникантам (при условии, что им известно понятие речевого жанра).

Показатели субъективных характеристик “не-указаний” зависят от актуальности для адресата побудительного аргумента. Чем актуальнее побудительный аргумент для адресата в данной ситуации, тем выше показатель субъективных характеристик заинтересованности и оценки целесообразности. Побудительные аргументы мы делим на **внутренние** и **внешние**. Внутренний аргумент включен в понятие речевого жанра и актуализируется посредством эксплицитной маркировки цели (типа) высказывания. Внутренним аргументом просьбы является признание превосходства адресата. Это входит в иллокутивную силу просьбы, а следовательно, осознается культурным носителем языка. Так, в иллокуции побуждения “*убавьте громкость телевизора*”, произнесенном как просьба, в качестве побудительного аргумента присутствует признание автором того, что адресат способен выполнить действие, и в этом его превосходство (автор констатирует превосходство адресата над собой и благодарен адресату за то, что тот реализует это превосходство в его (автора) пользу). Внутренним аргументом совета является доброжелательное, участливое отношение к

адресату. Совет дается в ситуации, когда адресат нуждается в полезной для него информации; эта потребность может осознаваться адресатом или она осознается только автором. Сам факт совета свидетельствует о желании автора помочь адресату, поэтому личная заинтересованность автора совета в выполнении каузируемого им действия исключена. Аргумент предложения — желание оптимального продолжения или разрешения ситуации. Побудительный аргумент автора предложения тот же, что и у автора совета, только в первом случае адресат коллективный. Предложение — это совет, который обращен не только к собеседнику, но и к самому себе. При этом побуждение каузирует не выполнение, а оценку целесообразности.

Поскольку внутренние аргументы “не-указаний” не гарантируют выполнения каузируемого действия, аргументация таких речевых жанров часто усиливается внешними побудительными аргументами, то есть такими, которые не входят в понятие речевого акта. Так, высказывание “*принесите воды*” может маркироваться как просьба добавлением вводного слова “*пожалуйста*”. Внутренний аргумент будет каузировать действие при осознании адресатом, что это просьба. Однако, так как внутренний аргумент не обеспечивает с необходимостью выполнения действия, он может быть усилен внешним дополнительным аргументом, например, пояснением причины разной степени актуальности (“*принесите воды, я хочу пить / очень хочу / умираю от жажды*”). Кроме того, аргумент может быть направлен на повышение степени эффективности внутреннего аргумента. Так, эффективность внутреннего аргумента просьбы, указывающего на потенциальную благодарность автора адресату за выполнение действия, может быть повышена указанием степени благодарности, например, “*принесите воды, я буду вам очень благодарен*”. Внешние аргументы, сообщая “не-указаниям” дополнительное значение, изменяют их понятия и переводят в разряд своих разновидностей. Например, если степень эффективности внутреннего аргумента просьбы многократно усилена, то

такая просьба является упрощением или мольбой (*“Ну, пожалуйста, я очень прошу, принесите воды”*).

Арсенал дополнительных побудительных аргументов просьбы разнообразен: от близких по значению аргументу речевого жанра просьбы (признание превосходства) до противоположных по значению (угроза). Аргументы, введенные условными конструкциями и импликациями, характерны для разновидностей просьбы — уговора и угрозы. Так, побудительным аргументом уговора является последующее поощрение за выполнение каузируемого действия (*“принесите воды, я в долгу не останусь”*), для угрозы, напротив, таким аргументом служит предполагаемое возмездие со стороны автора (*“принесите воды, и вы вне опасности”*), а предупреждение (разновидность совета) сообщает о возмездии со стороны третьего лица (*“лучше вам дать ему воды”*). Угрозу и уговор мы рассматриваем как “указания”, производные от просьбы. В данном случае мы имеем дело с “указаниями”, иллокуция которых обусловлена не предварительной конвенцией, а перформативной (привнесенной в иллокуцию в процессе речевого акта).

Субъективные показатели иллокутивной силы “не-указаний” могут быть положительными, а аргументы каузации актуальными только при положительных личных отношениях коммуникантов. Так, возможность перлокутивного успеха просьбы, актуализированной между субъектами, находящимися в неблагоприятных межличностных отношениях, минимальна. Это же касается совета и предложения. Таким образом, для того чтобы было соблюдено условие искренности, при котором “не-указания” являются действительными, необходимо доброжелательное отношение коммуникантов друг к другу, которое обеспечивает как речевое, так и неречевое сотрудничество. Под речевым сотрудничеством мы понимаем такие отношения коммуникантов, при которых автор стремится и прилагает усилия к тому, чтобы быть понятым, а адресат стремится и прилагает усилия

к тому, чтобы понять автора. Это необходимое для понимания условие описано в лингвистической литературе как “принцип кооперации в языке” [Grice 1975]. Согласно Х.П. Грайсу, принцип кооперации соблюдается тогда, когда “ваш вклад в речевое общение на каждом его этапе ... согласован с его целями или его общим направлением” [Grice 1975: 45].

Для оптимизации речевой кооперации положительные межличностные отношения должны подтверждаться знаками вежливого поведения, чем удовлетворяется другой аспект условия искренности, а именно — “принцип вежливости”, которым Дж. Лич [Leech 1983] дополнил теорию кооперации Х.П. Грайса. При этом вежливость, будучи формой выражения положительного отношения коммуниканта, может быть способом, маскирующим неискренность. “Толковый словарь русского языка” определяет вежливость как “соблюдение правил приличия, воспитанность, учтивость” [Ожегов, Шведова: 1996]. Согласно Т.В. Лариной, “вежливость — это соблюдение баланса, равновесия между интимностью и дистантностью, асимметричностью отношений и равенством; невежливость — это нарушение данного баланса” [Ларина 2003: 17]. Таким образом, проявление правил приличия субъектами побуждений заключается в соблюдении определенной дистанции. Полагаем, что речевая вежливость автора “не-указания” проявляется в сокращении дистанции, которое указывает на то, что автор рассчитывает на доверительное отношение со стороны адресата, и является аргументом в пользу выполнения действия. Так, в высказываниях “прошу тебя *как друга*”, “советую тебе *как другу*” конструкция “как друга” выступает дополнительным побудительным аргументом, являясь средством сокращения дистанции. С другой стороны, дистанцированность автора “не-указания” может являться сдерживающим побудительный эффект фактором.

Итак, такие компоненты иллокутивной силы “не-указаний”, как “концепция адресата” и “концепция автора”, обладают объективными и

субъективными характеристиками. Объективной характеристикой концепции адресата и автора является принадлежность импульса каузации. Принадлежность импульса каузации выполняет дифференцирующую функцию, то есть отличает одни речевые акты “не-указаний” от других. Субъективными характеристиками концепций адресата и автора являются заинтересованность и оценка целесообразности каузируемого действия. Для описания содержательной модели речевого жанра существенно определение показателя этих характеристик, который может быть абсолютным или относительным. Подвижность субъективных и объективных характеристик иллокутивной силы “не-указаний” является фактором, снижающим эффективность каузации. Подвижность объективных характеристик иллокуции представляет собой — объективный сдерживающий фактор, подвижность субъективных характеристик иллокуции — субъективный сдерживающий фактор. Эти факторы служат основанием отличия “не-указаний” от “указаний”. Как объективные, так и субъективные характеристики иллокуции “не-указаний” являются действительными характеристиками, если соблюдены принципы кооперации и вежливости, что для неконвенциональных (естественных) побуждений возможно только при благоприятных межличностных отношениях коммуникантов. Принцип вежливости в рамках “не-указаний” реализуется тенденцией к сокращению коммуникативной дистанции.

Представим соотношения объективных и субъективных характеристик иллокутивной силы “не-указаний” (просьбы, совета и предложения) и их показателей в таблице 1. Примем условные обозначения:

объективная характеристика — принадлежность импульса каузации (ИК);

субъективная характеристика целесообразности (Ц) — показатель: абсолютный (Ц1), относительный (Ц2);

субъективная характеристика заинтересованности (И) — показатель: абсолютный (И1), относительный (И2).

Таблица 1. Показатели объективных и субъективных характеристик “не-указаний”

«Не-указания»	Объективные характеристики иллокуции		Субъективные характеристики иллокуции			
	автор	адресат	автор		адресат	
Просьба	ИК		И 1	Ц 1	И 2	Ц 2
Совет		ИК	И 2	Ц 2	И 2	Ц 2
Предложение	ИК	ИК	И 2	Ц 2	И 2	Ц 2

Таблица 1 является первичной моделью системного гнезда речевых актов “не-указаний”. В ней представлены “не-указания” первичной дифференциации и систематизированы показатели основных компонентов их иллокутивной силы. Общая характеристика этой системы — **нестабильность**. Эта характеристика относится как к каждому отдельному элементу, так и ко всей системе в целом. Иллокутивная сила системного гнезда “не-указаний” предполагает подвижность перлокутивного эффекта.

Сопоставим характеристики иллокутивной силы “не-указаний” с иллокутивными характеристиками “указаний”, в иллокуцию которых входит конвенция.

Полагаем, что “указания” являются производными от “не-указаний”, поскольку конвенция искусственно приносится в иллокуцию “не-указаний” с целью оптимизации коммуникации. Представляется, что под воздействием конвенции **просьба** трансформируется в **приказ**, **совет** приобретает признаки **инструкции**, а **предложение** становится **официальным предложением**. Таким образом, если в основе разделения “указаний” и “не-указаний” лежит конвенция, то в основе их объединения лежит принадлежность импульса каузации. Так, совет и инструкцию мы

рассматриваем как речевые жанры с общим показателем импульса (исходит от адресата), однако различаем — по наличию / отсутствию в иллокуции конвенции.

В.С. Храковский также подразделяет побуждения по показателю импульса каузации. Он пишет: ”По признаку (ИК) все частные интерпретации делятся на фактитивную каузацию (приказ, просьба, инструкция, предложение) и пермиссивную (разрешение и совет)” [Храковский 2001: 145]. Однако данная классификация не удовлетворяет целям нашего исследования, поскольку не учит ее автором такой характеристики, как конвенция, дает ему основание, с одной стороны, ставить в один ряд инструкцию и просьбу, с другой — различать совет и инструкцию. С нашей точки зрения, показатель импульса не позволяет отнести инструкцию к фактитивным побуждениям, а ставит ее в один ряд с советом. С другой стороны, мы не можем согласиться с тем, что от адресата речевого жанра совета, как и производного от него жанра инструкции, исходит пермиссивная каузация: адресат совета, а следовательно, и инструкции инициирует не разрешение выполнения действия, а сообщение информации, необходимой для выполнения действия. Таким образом, мы считаем, что каузацию, характерную для совета и инструкции, целесообразно назвать **информирующей**.

Итак, наряду с существующей классификацией частных семантических интерпретаций императивного значения В.С. Храковского, который выделяет “приказ, просьбу, инструкцию, предложение (...), разрешение и совет...” [Храковский 2001: 145], мы выделяем такие императивные значения, как просьба, совет предложение (неконвенциональные), приказ, инструкцию и официальное предложение (конвенциональные).

Представляется целесообразным рассматривать “указания” как “неуказания”, в иллокуцию которых включена конвенция. Эффективность такого опосредованного описания обусловлена тем, что **первичные** речевые

акты поддаются интроспективному анализу легче, так как составляют основу речевой компетенции любого носителя языка.

Накладываясь на характеристики “не-указаний”, конвенция устраняет их подвижность, актуализируя при этом один из показателей этих характеристик. Например, фиксируя показатели субъективных характеристик заинтересованности и оценки целесообразности, конвенция возводит их в абсолютную степень. Прагматика конвенции, выполняющей функцию надресата, — распределить роли коммуникантов, задать сценарий речевого акта, сделать его предсказуемым и тем самым упростить коммуникацию.

Конвенция является внутренним побудительным аргументом «указаний», достаточным для каузации действия, поэтому для «указаний» дополнительные аргументы избыточны и применяются в отдельных случаях, когда невыполнение действия может повлечь особо серьезные последствия. Например, в инструкции “Не влезай, убьют!” дополнительным (внешним) побудительным аргументом является указание на возможные последствия.

Побудительные аргументы различаются степенью релевантности для адресата. Релевантность внутреннего побудительного аргумента “указаний” **абсолютная**, “не-указаний” — **относительна**. Релевантность внешнего аргумента относительная.

Рассмотрим изменение показателей объективных и субъективных характеристик иллокуции “не-указаний” под воздействием конвенции при переходе в разряд “указаний”. При этом каждая характеристика иллокуции “указания” будет являться модифицированной под воздействием конвенции характеристикой иллокуции “не-указания”.

Наша задача — выявить периферийные содержательные характеристики инструкции, общие для всех “указаний”, поэтому рассматривать преобразования иллокутивных характеристик “не-указаний” мы будем безотносительно к какому-либо конкретному “указанию” или “не-

указанию”, ссылаясь мы будем не только на речевой жанр инструкции, но и на другие жанры. При рассмотрении содержательных признаков ядерного поля, которое мы осуществим во второй главе, напротив, важным будет рассмотрение отличий воздействия конвенции на иллокуцию инструкции от такого воздействия на другие “указания”.

Итак, иллокутивная сила “не-указаний” характеризуется такими отличительными характеристиками, как подвижность показателя импульса каузации и подвижность субъективных характеристик иллокуции — показателя заинтересованности и оценки целесообразности. Напомним, что если подвижность показателя импульса каузации есть общая характеристика всех “не-указаний”, то сам показатель импульса есть объективная характеристика конкретного “не-указания”. Из этого следует, что если иллокутивная сила “указания” характеризуется стабильностью показателя импульса каузации, то он не может служить основанием идентификации конкретного “указания”.

Представляется, что преобразования показателя импульса каузации могут быть следующими. Будучи фактом заинтересованности одного из коммуникантов в выполнении действия (побуждения), импульс каузации является мотивом побуждения, его причиной и оправдывает его. Вместе с тем импульс каузации как заинтересованность кого-либо из коммуникантов в побуждении есть осознание субъективной необходимости в действии, что имеет своим следствием то, что оценка целесообразности выполнения действия другим коммуникантом, является относительной, показатель которой зависит от различных субъективных и объективных факторов, таких как межличностные отношения, наличие или отсутствие внешних факторов, препятствующих осуществлению каузируемого действия, субъективное отношение к каузации и другие.

Например, просьба “*позвони мне в 20.00*” может быть не удовлетворена по разным причинам, а именно: адресат находится в плохих отношениях с

автором (межличностные отношения), у адресата нет времени для звонка (внешний препятствующий фактор), адресат считает, что звонить в 20.00 нецелесообразно. Знание о возможности этих препятствий входит в иллюкативную силу просьбы, следовательно, актуализируя просьбу, автор осознает, что его просьба может быть не удовлетворена. Таким образом, высказывание “*позвони мне в 20.00*”, будучи просьбой, по своей семантике является не побуждением к действию, а вопросом о возможности выполнения этого действия. Таким образом, прагматика речевого жанра просьбы как “не-указания” есть вопрос о возможности и необходимости, а не побуждение к действию.

Маркируя свое высказывание как просьбу, автор спрашивает у адресата: “Может ли он выполнить это действие? Нет ли препятствия этому?”, причем с точки зрения адресата. Этим автор оставляет за адресатом право выбора совершать это действие или нет, в зависимости от оценки адресатом субъективных и объективных обстоятельств. Поскольку заинтересованность и осознание необходимости субъективны, автор не настаивает, а предоставляет возможность адресату самому определиться с тем, как ему поступить. Именно тот факт, что автор оставляет право выбора за адресатом, является главным побудительным аргументом просьбы (как и других “не-указаний”), так как свидетельствует о доверии адресату. Другим внутренним побудительным аргументом просьбы является извинение. Доказательством этому служит то, что любая просьба может сопровождаться извинением (*Извините, можно вас попросить...*). Согласно Р. Ратмайр, “извинения — это процедуры восстановления порядка” [Ратмайр 2003: 178]. Извинение как побудительный аргумент просьбы “восстанавливает порядок”, который был нарушен самим речевым актом (автор извиняется за то, что побеспокоил адресата в своих интересах). Речевой жанр совета сему извинения не имеет, так как реализуется в интересах адресата.

Однако в некоторой ситуации совершение действия может быть продиктовано надсубъективной необходимостью, то есть объективной. Слово “объективная” указывает на то, что осознание необходимости является общим для обоих участников коммуникации. Кроме того, слово “объективная” означает то, что все субъективные оценки действия — заинтересованность, оценка целесообразности — становятся формальными и нерелевантными относительно объективной целесообразности выполнения действия. Так, объективная необходимость — конвенция — требует, чтобы звонок состоялся, и состоялся именно в 20.00, независимо от субъективной оценки целесообразности и заинтересованности в этом действии адресата (и автора).

Отношения субъектов побуждения “*позвоните мне в 20.00*” могут быть регламентированы договором, согласно которому адресат либо обязан подчиняться автору, либо их отношения обусловлены совместной целенаправленной деятельностью, их действия направлены на оптимизацию этой деятельности и выполнение данного действия осознается коммуникантами как объективно необходимое. Из этого следуют три вывода.

1. В ситуации объективной необходимости импульс каузации перестает быть характеристикой концепции одного из коммуникантов (личная заинтересованность при объективной необходимости либо отсутствует, либо подчинена объективной). Так, независимо от того, кто из коммуникантов заинтересован в выполнении каузируемого действия, то есть независимо от того, кому принадлежит импульс каузации, при наличии конвенции эта заинтересованность нейтрализуется под воздействием объективной необходимости. Личная заинтересованность коммуникантов либо отсутствует, либо является нейтральной, так как не влияет на ход речевого акта. Так, автор побуждения “*позвоните мне в 20.00*” субъективно может не быть заинтересованным в том, чтобы его беспокоили в этот вечер,

однако требования объективной необходимости осуществления общего дела превалируют над личным интересом.

2. Объективная необходимость, будучи надсубъектной, имеет третий источник, который мы называем наадресатом. Объективность этой необходимости состоит в том, что она, не принадлежа ни одному из субъектов коммуникации, осознается ими обоими; относительно этой необходимости существует определенное соглашение коммуникантов. Источником объективной необходимости является наадресат или конвенция, положения которой в одинаковой мере распространяются на обоих коммуникантов. Можно сказать, что в ситуации объективной необходимости в выполнении действия заинтересован наадресат, то есть импульс каузации исходит от наадресата или конвенции.

Таким образом, объективная необходимость выполнения действия, каузируемого “указанием” *“позвоните мне в 20.00”*, сама является источником побуждения, то есть носителем импульса каузации. Автор же является проводником данного импульса. Если существует объективная необходимость позвонить в 20.00, то, независимо от того, заинтересован в этом автор или нет, на него возлагаются полномочия служить проводником данного волеизъявления.

3. Если автор просьбы осознает, что в выполнении действия заинтересован он, а целесообразность его выполнения субъективна, следовательно, предоставляет адресату право выбора и оценки целесообразности, то автор побуждения, произнесенного в условиях объективной необходимости, возможность оценить целесообразность каузируемого действия адресату не предоставляет. Так, если необходимость выполнения действия, каузируемого высказыванием *“позвоните мне в 20.00”*, является объективной, то есть определена договором, то вкладывать в иллокуцию этого высказывания возможность оценки целесообразности или вопроса о возможности абсурдно. Устранение из иллокуции высказывания

семантики вопроса о возможности закрепляет в ней семантику безапелляционного побуждения. При этом высказывание перестает выполнять функцию просьбы и становится одним из жанров “указаний”.

Данное положение действительно для любого “не-указания”, так как отсутствие конвенции свидетельствует о том, что это побуждение совершается в личных интересах кого-либо из коммуникантов, а следовательно, его собеседник имеет возможность оценить релевантность для себя выполнения каузируемого действия. Автор “не-указания” допускает отрицательную перлокуцию, так как осознает, что адресат может не выполнить каузируемое действие из-за субъективно осознаваемых, препятствующих этому обстоятельств, таких как неблагоприятные межличностные отношения, объективные и субъективные обстоятельства, из-за которых совершение действия расценивается как нецелесообразное. Таким образом, автор “не-указания” всегда вводит в семантику высказывания вопрос о возможности выполнения (об отсутствии / наличии препятствующих факторов) и предложение оценить целесообразность.

Просьба, по своей сущности, является вопросом о возможности выполнить действие и его целесообразности, совет является предложением адресату оценить целесообразность каузируемого действия, предложение каузирует коллективного адресата (включая автора) оценить целесообразность действия. Так, высказывание “*купите книгу*”, произнесенное как просьба, подразумевает то, что автор заинтересован в покупке книги и спрашивает адресата о его возможности сделать это (нет ли каких-либо объективных обстоятельств, препятствующих этому, например, отсутствия денег), а также предлагает оценить целесообразность покупки книги.

Несмотря на отсутствие внешних обстоятельств, адресат субъективно может считать покупку книги нецелесообразной. Например, он может полагать, что чтение этой книги может быть бесполезным или вредным и т.д.

Если то же высказывание маркируется как совет, то его автор предлагает адресату, заинтересованному в выполнении действия, оценить целесообразность информации, то есть совет является информативным, а не побудительным высказыванием, цель которого — дать информацию, которая могла бы быть полезной адресату, при этом адресату предлагается оценить целесообразность этой информации. Если же высказывание является предложением, например, *“давайте купим книгу”*, то, как и совет, оно является предоставлением информации и предполагает оценку этой информации, апеллирует к заинтересованности всех участников коммуникации.

В ситуации, где выполнение действия продиктовано объективной необходимостью, сущность речевых жанров меняется. Поскольку необходимость объективна, высказывание нельзя рассматривать как вопрос или предложение оценить целесообразность. Например, если автор высказывания *“позвоните мне в 20.00”* не оставляет адресату возможности выбора (не предполагает вопрос о возможности и предложения оценки), то это высказывание не является ни одним из определенных нами “неуказаний”. Не допуская субъективной оценки, высказывание не является ни вопросом, ни повествованием, оно есть требование (“указание”) или чистое побуждение, исходящее от одного лица, целью которого является выполнение казулируемого действия. Просьба, не имеющая семантику вопроса о возможности и извинения (которую нельзя переформулировать “извините, не могли бы вы” и т.д.), является приказом. Совет, автор которого предоставляет свою информацию как объективную, то есть не допускает ее оценки, является инструкцией.

Исключение составляет предложение. Поскольку в информации, предоставляемой предложением, заинтересованы оба коммуниканта, необходимость оценки предложения можно расценить как объективную. Однако в отличие от действительно объективной необходимости

рассмотрения целесообразности официального предложения рассмотрение простого предложения (далее — предложения) является общим интересом, а не предварительной конвенцией.

Перечислим преобразования импульса каузации при переходе “не-указаний” в “указания”: 1) носителем импульса каузации становится наадресат, показатель его стабилен; 2) импульс каузации, исходящий от наадресата, каузирует действия обоих коммуникантов; 3) автор выполняет информирующую функцию; 4) подвижные показатели импульса каузации “не-указаний” сохраняются в “указаниях” в качестве нейтральных и служат основанием дифференциации “указаний”.

Так, объективно импульс каузации приказа исходит от наадресата, однако отдающий приказ формально заинтересован в его выполнении. Правила проведения заседания предусматривают вынесение предложения на обсуждение. Участники заседания формально заинтересованы в его принятии или отклонении (оба исхода являются положительным перлокутивным эффектом). Формальный импульс каузации инструкции принадлежит адресату.

Импульс каузации наадресата сообщает не просто о некотором действии, а о необходимости его выполнения. Он преддицирует автору необходимость каузации этого действия, а адресату — необходимость его выполнения. Так, наадресатом речевого жанра инструкции является нормативный акт, регулирующий взаимоотношения, между участниками коммуникации, в том числе и речевые. Поскольку субъекты инструкции вступили в деловые отношения, их взаимодействия регулируются законом, который определяет жанры, в рамках которых они могут вести деловую коммуникацию. Так, закон (ГОСТ) предусматривает, с одной стороны, обязанность автора предоставлять объективное описание действий адресата (например, инструкция по техническому обслуживанию, должностная

инструкция и т.д.), с другой — санкции в отношении адресата за сбой в работе по причине несоблюдения инструкций.

Императивность импульса каузации наадресата обусловлена тем, что, кроме каузирующей функции, наадресат выполняет **регламентирующую и информирующую** функции. Регламентирующая функция наделяет автора полномочиями давать “указания” и обязывает адресата отвечать на них. Так, регламентирующая функция импульса каузации наадресата инструкции проявляется в том, что закон определяет лицо, обязанное или наделенное полномочиями давать инструкции, что свидетельствует об объективности информации в документе, на что указывает “гриф утверждения”. По этой же причине адресат не может считать информацию нецелесообразной (импульс каузации наадресата обязывает адресата выполнить действие).

Информирующая функция определяет предметную область, в рамках которой взаимоотношения коммуникантов обусловлены конвенцией. Данная функция импульса каузации наадресата инструкции проявляется в том, что Закон сообщает не только об обязанностях коммуникантов, но и о их правах: с одной стороны, ГОСТ определяет рамки, в которых адресат обязан следовать “указаниям”, с другой стороны — рамки, в которых адресат имеет право обязать автора (производителя) удовлетворить его требования.

Импульс каузации коммуникантов этих функций не несет или выполняет их формально. Поскольку неформальный импульс наадресата “указания” несет побудительную функцию, каузация действия со стороны автора избыточна. Автор “указания” выступает проводником импульса каузации наадресата, функция которого ограничивается информированием адресата о необходимом действии. Так, автор приказа не побуждает адресата, а является проводником побуждающей функции импульса каузации наадресата. Распределение информирующей и предписывающей функций между адресатом и наадресатом является частным проявлением “закона Ципфа” или принципа наименьшего усилия; в данном случае — это

принцип максимума иллокутивных результатов при минимуме локутивных усилий.

Побуждающая функция импульса каузации наадресата разных “указаний” реализуется неодинаково, что обуславливает различие в сущности информирующих функций авторов. Если информирующая функция автора приказа заключается в сообщении о **необходимости** выполнения действия, то автор инструкции информирует адресата о **необходимом** действии. Предложение информирует о **необходимости обсудить целесообразность** каузируемого действия. Побудительную функцию во всех трех случаях выполняет наадресат.

Полагаем, что приведенные В.С. Храковским значения классификационных признаков побуждений вследствие неучета фактора конвенции не позволяют увидеть важные аспекты иллокуции побуждений. Сравним предлагаемые В.С. Храковским характеристики, классифицирующие приказ, просьбу, инструкцию и совет: 1) приказ: “ИК исходит от говорящего... исполнение каузируемого действия — в интересах слушающего”; 2) просьба: “ИК исходит от говорящего, ... исполнение каузируемого действия — в интересах говорящего, ... говорящий ставит себя не выше слушающего”; 3) инструкция: “ИК исходит от говорящего, ... исполнение каузируемого действия — в интересах слушающего, ... говорящий ставит себя выше слушающего”; 4) совет: “ИК исходит от слушающего, ... исполнение действия — в интересах слушающего, ... говорящих ставит себя не выше слушающего” [Храковский 2001: 138—141]. Сопоставление показывает, что иллокуции просьбы и совета отличаются от иллокуций приказа и инструкции позициями авторов в отношении слушающих. Недостаток этих классификаций, по нашему мнению, состоит в том, что предлагаемые классификационные характеристики не говорят ничего о причине, по которой автор занимает ту или иную позицию в отношении адресата. Кроме того, утверждение о том, что приказ и

инструкция выполняются только в интересах одного из коммуникантов, не соответствует действительности. Если учесть фактор конвенции, в исполнении приказа и соблюдении инструкции заинтересованы оба коммуниканта. Однако тот факт, что отличие приказа от просьбы состоит в том, что автор приказа “ставит себя выше” адресата, указывает на то, что наше утверждение относительно конвенциональной природы “указаний” и их производности от “не-указаний” является верным.

Определим субъективные характеристики “указаний”: 1) автор оценивает каузируемое им действие как необходимое; 2) автор знает, что адресат осознает необходимость выполнения действия и знает то, почему он (адресат) ее осознает; 3) адресат осознает необходимость выполнения действия; 4) адресат знает, что автор уверен в необходимости выполнения действия и основания этой уверенности.

Таким образом, неформальной характеристикой концепций коммуникантов “указаний” становится **необходимость**. Субъективные характеристики оценки целесообразности и заинтересованности в иллюкативной силе “указаний” сохраняются, однако становятся нейтральными, так как не влияют на развитие речевого сценария. Например, действие, каузируемое инструкцией “*при первом включении телефона необходимо установить дату и время*”, может быть оценено по-разному. Адресат может считать целесообразным или нет то, что дисплей его телефона будет показывать дату и время, он может быть заинтересован в этом или нет. Однако эти характеристики его субъективного отношения к каузируемому инструкцией действию не влияют на перлокуцию. Осознание необходимости подчиняет себе заинтересованность и оценку целесообразности, искусственно возводит их показатели в высшую степень (необходимость предполагает максимальную оценку целесообразности и абсолютную заинтересованность).

Итак, субъективные характеристики иллокутивной силы при трансформации “не-указаний” в “указания” становятся нейтральными и перестают влиять на ход речевого жанра. **Активной** субъективной характеристикой становится осознание необходимости. Совокупность иллокутивных характеристик “указаний” представляет собой системное гнездо, характеризующееся стабильностью своих показателей. Упорядочим эти характеристики в таблице 2. Примем условные обозначения:

объективные характеристики — принадлежность формального импульса каузации (ИКф), принадлежность неформального импульса каузации (ИК);

нейтральные субъективные характеристики — оценка целесообразности (Цн): показатель: абсолютный (Цн1), относительный (Цн2); заинтересованность (Ин): показатель: абсолютный (Ин1), относительный (Ин2);

активная субъективная характеристика — осознание необходимости (Н).

Таблица 2. Показатели объективных и субъективных характеристик иллокуции “указаний”

«Указания»	Объективные характеристики иллокуции			Субъективные характеристики иллокуции	
	автор	нададресат	адресат	автор	адресат
Приказ	ИКф	ИК		Цн1, Ин1, Н	Цн2, Ин2, Н
Инструкция		ИК	ИКф	Цн2, Ин2, Н	Цн2, Ин2, Н
Оф.предложение	ИКф	ИК	ИКф	Цн2, Ин2, Н	Цн2, Ин2, Н

Конвенциональный характер “указания” обусловлен тем, что большой процент этих речевых актов функционирует в речи коммуникантов, вступивших в отношения ради осуществления общего дела. Люди, объединенные общим делом, представляют собой группы, отличающиеся своим языком. Следовательно, “указания” социально обусловлены. Одной из форм проявления социальной обусловленности, по словам Л.П. Крысина, является то, что “определенные языковые средства приобретают функции социальных символов — маркеров принадлежности говорящего к той или иной социальной среде...” [Крысин 2000: 26]. Таким образом, “указания”, в отличие от “не-указаний”, служат основой идентификации определенных сообществ. Так, лексические особенности тех или иных “указаний” (терминология инструкции или приказа) указывают на ту профессиональную сферу, в которой они используются. Назовем эту функцию “указаний” функцией **идентификации социальных групп**. Данная функция является не вторичной, так как представляет собой не следствие особой формы текста “указания”, а ее причину, поскольку входит в намерение автора и воплощается в определенной характеристике плана выражения.

Эта функция есть иллокутивное условие инструкции, определенное основным условием “указания” — нацеленностью на положительный перлокутивный эффект. Дело в том, что для повышения эффективности побуждения автор, кроме придания тексту особой формы и привнесения в иллокуцию условия конвенциональности, имеет своим намерением обозначить конвенциональную основу взаимоотношения коммуникантов, которая должна быть понятна как самим коммуникантам, так и сторонним наблюдателям речевого акта. Автор “указания” заинтересован в том, чтобы его речевой акт был воспринят именно как “указание”, а не как конфликтное, не подкрепленное конвенцией “не-указание”. Таким образом, для оптимизации побуждения автор инструкции дает понять адресату, что речевой акт реализуется в контексте предварительного соглашения, что

указывает на принадлежность автора и адресата к определенной социальной группе, взаимоотношения членов которой обусловлены этим соглашением.

Специфика иллокутивных характеристик “указаний” обусловлена особенностями реализации базовых коммуникативных принципов — искренности, кооперации и вежливости. Напомним, что для “не-указаний” условием соблюдения этих принципов является положительный характер межличностных отношений коммуникантов. Например, нельзя искренне рассчитывать на то, что просьба будет удовлетворена, если автор обращается к человеку, с которым находится в плохих отношениях. В этом случае просьба может быть искренней только, если речевой акт просьбы является актом перемирия. Субъективные оценки автора и адресата “указания”, а также их межличностные отношения не влияют на течение речевого акта, так как они подчинены объективной необходимости. Следовательно, “указания” возможны между коммуникантами независимо от их отношений, а основанием соблюдения указанных принципов является конвенция.

Под соблюдением условия искренности автором мы понимаем соответствие его истинных мотивов высказывания тем, которые формально представлены в высказывании. Со стороны адресата данное условие соблюдено, если он верит в это соответствие. При наличии предварительной конвенции истинные мотивы высказывания являются прозрачными, поэтому соблюдение условия искренности, обязательного для кооперации субъектов “не-указаний”, при реализации “указаний” является нерелевантным.

Соблюдение принципа кооперации является условием успешности речевого акта. Стремление к коммуникативному успеху лежит в основе употребления “указаний”, поэтому эти речевые жанры являются жанрами высокой степени кооперативности, которая достигается совокупностью функций наадресата и не обусловлена характером межличностных отношений коммуникантов.

Особенность принципа вежливости “указаний” состоит в том, что в текстах данных жанров он перестает выполнять чисто формальную роль маркера позитивных межличностных отношений. Данная вежливость исключительно прагматична и направлена на оптимизацию каузации. Ю.Б. Кузьменкова такую вежливость, обладающую “рациональной направленностью”, называет “коммуникативной вежливостью” [Кузьменкова 2005: 10]. Прагматическая ценность вежливости обуславливает то, что конвенция “указаний” предусматривает соблюдение принципа вежливости. Если в рамках “не-указаний” вежливость проявляется в сокращении речевой дистанции, то для субъектов “указаний” вежливость выражается увеличением дистанции, что свидетельствует о сохранении границ, предполагаемых официальностью ситуации. В ситуации официального общения сохранение коммуникантом дистанции и ненарушение коммуникативных границ есть подтверждение того, что он принимает “правила игры”. Однако конвенциональное требование соблюдения принципа вежливости ослабевает для “указаний” высокой императивности, например, приказа. Это обусловлено тем, что каузирующая функция импульса каузации на адресата приказа обязывает адресата выполнять каузируемое автором действие при любых обстоятельствах, следовательно, усилия автора, направленные на соблюдение принципа вежливости, являются избыточными. Поэтому приказ может строиться с нарушением способов официальной коммуникации. Например, устные приказы часто отдаются в форме 2-го лица, единственного лица. Однако формально данный принцип реализуется обязательным ответом, подтверждающим то, что приказ понятен, и готовность его выполнить (*Есть!, Слушаюсь!, Так точно!*).

Итак, мы определили особенности ближней периферии инструкции, характеризующие концепции коммуникантов, то есть саму каузацию. Эти характеристики обусловлены нацеленностью субъектов на обязательную

положительную перлокуцию. Мы разделяем утверждение В.М. Брицина о том, что “отличительная особенность однозначных каузативов состоит в том, что в их толковании сема “побуждение к деятельности” сочетается с семой “содержание побуждения”, которым является движение” [Брицин 1990: 72]. Таким образом, анализ прагматики “указания” предполагает не только описание каузации, но и рассмотрение иллокутивных особенностей “указания”, характеризующих его онтологический аспект или само каузируемое действие.

Договор регулирует отношения людей на период совместного сотрудничества. Этим объясняется следующее отличие “указания”: оно побуждает к действию, которое является этапом в составе процесса, нормальное протекание которого и есть цель “указания”. Например, выполнение военного приказа, с одной стороны, является должностной обязанностью, с другой – представляет собой часть общего процесса – службы. В рамках “не-указаний” этот показатель нестабилен. Так, просьба побуждает к действию, выполнение которого является конечной целью автора, тогда как совет и предложение могут быть речевыми действиями авторов, интересы которых либо ограничиваются положительной ответной реакцией адресата, либо простираются на общий процесс, поглощающий действие, предполагаемое советом или предложением (Ср.: *совет по ведению домашнего хозяйства, предложение по выходу из кризиса и т.д.*). Направленность на более общий процесс свойственна большинству речевых актов, апеллирующих к заинтересованности адресата. Эту иллокутивную особенность “указаний”, обусловленную онтологическим аспектом, мы называем **инкорпорацией** каузируемого действия.

Классификация содержательных признаков “указаний” обнаруживает, что на уровне характеристик речевого акта конвенциональность, будучи “фактором коммуникативного прошлого” и “концепцией наадресата”, выполняет роль “фиксатора”, иммобилизующего показатели таких признаков

речевого жанра, как “концепция автора”, “концепция адресата” и “фактор коммуникативного будущего”, и нейтрализующего вариативность этих показателей для всех “указаний”. “Событийным содержанием” является побуждение.

При сопоставительном анализе “указаний” и “не-указаний”, который мы называем **горизонтальным**, нами определены прагматические характеристики, общие для всех “указаний”, то есть относящиеся к периферийной части поля содержательных признаков инструкции. Перечислим эти характеристики.

Объективной характеристикой дальней периферийной части содержательного поля инструкции является наличие в иллокуции импульса каузации. Импульс каузации, будучи характеристикой дальней периферии, является характеристикой всех побуждений.

Особенностями ближней периферии содержательного аспекта инструкции, характеризующими концепции адресатов, являются следующие:

- 1) иллокуция предполагает положительную перлокуцию: коммуниканты ориентированы на обязательный положительный перлокутивный эффект;
- 2) конвенциональность (обусловлена первой характеристикой): обусловленность выполнения каузируемого действия конвенцией (наадресатом) – письменным соглашением или ситуацией, так или иначе наличием предварительных условий, известных автору и адресату, определяющих их отношение к действию. Наадресат выполняет информирующую, каузирующую и регламентирующую функции.

Характеристики, обусловленные конвенциональностью:

- 3) функция идентификации социальной группы;
- 4) нормативность: речевой акт инструкции предполагает нормативные взаимоотношения коммуникантов, определенные нормативными актами;

- 5) избыточность внешнего побуждающего аргумента: наличие эксплицитного маркера внутреннего аргумента, идентифицирующего текст как инструкцию, для культурного носителя языка является сигналом к его вступлению в особые ролевые отношения, регулируемые культурной или должностной конвенциями;
- 6) импульс каузации наадресата;
- 7) избыточность каузации со стороны автора: автор выполняет только информирующую функцию и служит проводником импульса каузации наадресата;
- 8) импульс каузации наадресата выполняет каузирующую, информирующую и регламентирующую функции;
- 9) стабильность показателей объективных (принадлежность импульса каузации) и субъективных (показатели заинтересованности и оценки целесообразности) характеристик;
- 10) нейтральность субъективных характеристик иллокуции;
- 11) ожидаемость предписаний адресатом и предварительная готовность их выполнения;
- 12) некритичность отношения адресата к каузируемому действию;
- 13) осознание необходимости выполнения каузируемого действия: абсолютная заинтересованность и оценка целесообразности;
- 14) объективность внутренних аргументов каузации, обусловленная конвенцией;
- 15) абсолютная релевантность внутренних аргументов для адресата, обусловленная конвенцией;
- 16) отсутствие объективных и субъективных сдерживающих факторов (подвижности показателей заинтересованности и оценки целесообразности);
- 17) предсказуемость речевого сценария;
- 18) фиксированность речевых ролей;
- 19) независимость перлокуции от характера межличностных отношений;

20) высокая степень кооперативности;

21) прагматичность вежливости.

Характеристикой ближней периферии инструкции, относящейся к онтологическому аспекту, является инкорпорация: представление коммуникантов о каузируемом действии как о составном элементе, некоторого корпуса действий.

Итак, в данном параграфе мы определили периферийные характеристики содержательного поля инструкции, которые являются общими для всех “указаний”. С этой целью мы рассмотрели речевой жанр инструкции в аспекте теории речевых актов, что позволило рассмотреть иллокуцию инструкции как совокупность экстралингвистических условий реализации речевого жанра инструкции. При этом мы решили следующие задачи:

- 1) определили речевой жанр побуждения как жанр, семантика которого является базовой по отношению к инструкции;
- 2) рассмотрели иллокуцию побуждения как системное гнездо периферийных инструкции речевых жанров;
- 3) определили периферийные характеристики иллокуции инструкции в контексте периферийных речевых жанров посредством классификации побуждений;
- 4) установили в качестве основания первичной классификации побуждений конвенцию как иллокутивную характеристику, которая позволила разделить все побуждения на “указания” и “не-указания”;
- 5) сопоставили иллокутивные характеристики ”указаний” и “не-указаний”, что позволило установить свойства, общие для всех “указаний”, то есть периферийные для инструкции;
- 6) разделили “не-указания” на просьбу, совет и предложение;
- 7) определили “указания” как речевые акты, вторичные по отношению к “не-указаниям”;

8) установили, что речевой жанр инструкции является производным от речевого жанра совета.

Разделение содержательного поля инструкции на три части — дальнюю периферию, ближнюю периферию и ядро — мы экстраполируем на ее функциональные свойства. Функцию инструкции — давать указания относительно осуществления какого-либо мероприятия — рассматриваем как три функциональные составляющие, различающиеся по степени абстракции и реализующиеся тремя частями содержательного поля. При этом дальняя периферия выполняет наиболее абстрактную коммуникативную функцию — функцию побуждения, ближняя периферия осуществляет функцию указания, ядро реализует сущностную функцию инструкции. Содержание каждой из трех коммуникативных функций формируется совокупностью экстралингвистических условий или иллокутивных характеристик. Так, выполнять функцию побуждения, реализуемую дальней периферией содержательного поля инструкции, означает обладать общей для всех побуждений объективной характеристикой, которой является наличие в иллокуции импульса каузации.

Выполнять функцию “указания” значит удовлетворять всем указанным выше 22 условиям реализации “указания”. Выполнять сущностную функцию инструкции в содержательном плане означает удовлетворять сущностным условиям реализации речевого акта инструкции, выявлению которых посвящена вторая глава. Вся совокупность условий реализации трех составных функций инструкции составляет содержательный аспект речевого жанра инструкции. Таким образом, выполнять функцию инструкции значит удовлетворять совокупности условий реализации побуждения, “указания” и инструкции одновременно.

ВЫВОДЫ

Сущностные характеристики речевого жанра инструкции являются функциональными свойствами жанра, которые складываются из совокупности экстралингвистических условий реализации речевого акта инструкции как такого стечения субъективных и объективных характеристик ситуации, которое приводит к формированию коммуникативной цели *инструктировать*. Регулярность возникновения такой ситуации является основанием выделения инструкции в качестве самостоятельного речевого жанра. Таким образом, сущностью речевого жанра инструкции является, с одной стороны, совокупность его иллокутивных характеристик, с другой — коммуникативная цель жанра. Сущность речевого жанра инструкции формулируется в целевом определении жанра: речевой жанр инструкции представляет собой тип текста, который предоставляет указания относительно осуществления какого-либо мероприятия.

Принимая идею М.Ю. Федосюка о “полевого принципе организации речевых жанров” [Федосюк 1997а: 108-111], всю совокупность иллокутивных характеристик мы рассматриваем как содержательное поле, которое включает три части: дальнюю периферию, ближнюю периферию и ядро. Дальняя периферия характеризуется признаками, общими для всех побуждений. Таким образом, функцию побуждения мы рассматриваем в качестве базовой функции инструкции, которая характеризуется одним условием — присутствием в иллокуции импульса каузации.

Структура побуждения включает три процесса: 1) импульс каузации, 2) каузацию, 3) выполнение/невыполнение действия. Каузация может быть обусловленной принадлежностью импульса каузации (когда оба процесса имеют один субъект, например, просьба) и необусловленной (совет). Предложение занимает промежуточное положение между просьбой и

советом, так как и импульс каузации, и выполнение реализуются коллективным субъектом.

В основе классификации побуждений лежит прагматический критерий, а именно эффективность каузации. Инструкция является текстом с высокой иллюкутивной силой. Высокая эффективность побуждений, гарантирующая положительный перлокутивный эффект, обусловлена конвенциональной основой взаимоотношений субъектов коммуникации. Конвенция искусственно привносится в иллюкуцию побуждения с целью стимуляции эффективности каузации. Конвенция является наадресатом, который устанавливает сценарий коммуникации, распределяет полномочия коммуникантов, регулирует взаимоотношения коммуникантов. Конвенция предполагает ответственность адресата перед наадресатом за невыполнение “указаний”, предусмотренную основным деловым соглашением. Этим достигается высокая степень кооперативности инструкции.

Мы выделяем три типа речевой конвенции: культурную, ситуативную и деловую. Каждая из них определена императивами экстралингвистических обстоятельств — культурных, ситуативных и деловых. Вследствие деловой направленности речевого сотрудничества коммуникантов, инструкция обусловлена деловой конвенцией.

Конвенциональные побуждения являются вторичными, или искусственно производными от неконвенциональных (первичных). Данные виды побуждений мы называем соответственно “указаниями” и “не-указаниями”. На основании такой объективной характеристики, как принадлежность импульса каузации, все “не-указания” мы делим на три группы: просьба, совет и предложение. Помимо этой характеристики, “не-указания” обладают субъективными свойствами, а именно: заинтересованностью и оценкой целесообразности. Главной характеристикой “не-указаний” является подвижность показателей объективных и субъективных характеристик, что представляет собой фактор,

обуславливающий низкую эффективность каузации, или сдерживающим фактором. При трансформации “не-указаний” в “указания” конвенция модифицирует иллокуцию первых таким образом, что ее показатели становятся стабильными. При этом просьба становится приказом, совет — инструкцией, а предложение приобретает свойства официального предложения. Таким образом, ближняя периферия инструкции включает характеристики, дифференцирующие “указания” от “не-указаний”. Сопоставление “не-указаний” и “указаний” позволило нам определить периферийные характеристики речевого жанра инструкции на метаязыковом уровне.

Все иллокутивные особенности речевого жанра инструкции мы делим на характеристики каузации, то есть самого побуждения, и характеристики каузируемого действия, представляющие онтологический аспект перлокуции. К последним характеристикам мы относим условие инкорпорации. Особенность каузации мы представили 21 содержательной характеристикой, которые расположили в иерархическом порядке. Главной особенностью ближней периферии содержательного поля инструкции является ориентация коммуникантов на положительный перлокутивный эффект. Эта характеристика имеет своим следствием появление в иллокуции второй в иерархии характеристики, а именно конвенциональности, рассматриваемой нами в качестве наадресата. Наадресат выполняет информирующую, каузирующую и регламентирующую функции. Третий уровень иерархии представлен остальными 19 иллокутивными характеристиками, обусловленными конвенцией.

Итак, в данной главе мы предприняли исследование периферийных характеристик содержательного поля речевого жанра инструкции. Примеры формальной реализации иллокутивных свойств периферии инструкции обнаруживают различия такой реализации у разных “указаний”. Это свидетельствует об отличии плана содержания “указаний” на уровне

сущностных характеристик. Исследование данных характеристик, позволяющих идентифицировать речевой жанр инструкции среди других “указаний” как на уровне содержания, так и на уровне выражения, предпринято во второй главе.

ГЛАВА 2

ЯДРО РЕЧЕВОГО ЖАНРА ИНСТРУКЦИИ: ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ

2.1. Ядро содержательного поля инструкции

2.1.1. Ядро содержательного поля инструкции: сущность

При определении ядерной части инструкции мы опираемся на положения онтологического учения Аристотеля относительно формы и материи. Согласно Аристотелю, “в плане бытия “форма” — сущность предмета. В плане познания “форма” — понятие о предмете или те определения существующего в себе предмета, которые могут быть сформулированы о предмете” [Асмус 1999: 200]. Целью нашего описания ядерной части жанра инструкции является формулировка определений, дающих представление о его понятии. Однако, прежде чем сформулировать понятие, необходимо определить то, чем является ядерная часть инструкции “в плане бытия”, то есть ее сущность. Сущность ядерной части инструкции есть воплощение определенной формы в “неопределенной” материи, которой в нашем случае является периферическая часть содержательного поля инструкции.

Содержательный аспект инструкции мы понимаем как трехуровневое образование, включающее, в направлении от самого абстрактного уровня к сущностному, дальнюю периферию, ближнюю периферию и ядро. Каждый из уровней выполняет собственную функцию. Таким образом, содержательный аспект инструкции в функциональном плане есть триединство функций побуждения, “указания” и сущностной функции инструкции. Каждая из функций характеризуется условиями реализации

инструкции. Нами определены условия двух периферийных функций — побуждения и указания. Если сущность “указания” состоит в конкретизации условий реализации побуждения, то сущность ядра инструкции состоит в конкретизации условий реализации “указаний”. Данная конкретизация осуществляется в соответствии с конкретной формой. Так, побуждение рассматривается как “указание”, если условие его реализации — импульс каузации — конкретизируется в направлении повышения иллокутивной силы. В основе отличия иллокуции “указания” будет лежать, во-первых, первичный речевой жанр “не-указания”, во-вторых, тип конвенции, корректирующей иллокутивные показатели первичного речевого жанра. Следовательно, ядерные характеристики содержания инструкции повторяют отмеченные нами свойства “указания” (периферии инструкции), однако конкретизированные в соответствии с иллокутивными показателями совета. Данный изоморфизм отношения ядра и периферии в языке В.М. Живов и Б.А. Успенский назвали “аномальностью периферии” [Живов, Успенский 1973: 28]. Исследователи отмечают: “...аномальность периферии проявляется именно в отношении к центру: можно сказать, что периферия организует себя как зеркальное отражение центра” [там же].

Условием реализации функции побуждения является наличие импульса каузации, условиями реализации “указания” — 22 характеристики, конкретизирующие побуждение. Определение ядерных характеристик инструкции предполагает выявление характеристик, конкретизирующих каждое из условий реализации “указания” с точки зрения их соответствия целям совета.

Итак, определение содержательного поля инструкции предполагает моделирование того, как преломляются иллокутивные показатели первичного речевого жанра — совета — под воздействием деловой конвенции по 22 характеристикам “указаний”, то есть рассмотрение характеристик “указания”, производного не от абстрактного “не-указания”, а

от совета. Положения первой главы послужат необходимой основой для такой конкретизации. К этим положениям относятся следующие: 1) рассмотрение совета как речевого жанра, первичного по отношению к инструкции; 2) определение структуры и механизма деловой конвенции; 3) определение основных иллокутивных особенностей “указаний”.

Полученные таким путем свойства “указания” мы можем назвать характеристиками инструкции только на основании спекулятивной иллюстрации соответствующего им языкового выражения. Конкретной формой реализации иллокутивных свойств “указания” является текст (приказа, инструкции, предложения).

Таким образом, для определения ядра содержательного поля инструкции нам необходимо решить следующие задачи: 1) определить иллокуцию совета; 2) конкретизировать содержательные характеристики “указания” дедуктивным способом, а именно посредством конвенциональных преобразований иллокуции совета; 3) проиллюстрировать формальную реализацию иллокутивных характеристик инструкции на примере конкретных текстов.

2.1.2. Содержательные характеристики совета как сущностная семантика инструкции

Объективной характеристикой совета является импульс каузации, исходящий от адресата. Таким образом, основополагающим признаком иллокуции совета является несовпадение субъектов каузации и импульса каузации. Этот признак объективен, так как не зависит от каких-либо субъективных факторов и является сущностным, так как отличает совет от просьбы и предложения (у просьбы субъект импульса каузации и субъект каузации один и тот же, импульс каузации предложения исходит от коллективного субъекта).

Представим концепции субъектов “не-указаний” в виде формул, где (S1) — автор, (S2) — адресат, (P) — побудительное высказывание, (~) — относительная заинтересованность в каузации, (+) — абсолютная заинтересованность в каузации (данные формулы характеризуют иллокуции “не-указаний” только с точки зрения заинтересованности коммуникантов в каузации выполнения действия, то есть с точки зрения принадлежности импульса каузации, при этом заинтересованность в выполнении действия не учитывается. Отношение S1+P означает импульс каузации, исходящий от автора, а отношение P+S2 означает импульс каузации, исходящий от адресата. Таким образом, формула просьбы будет следующей: S1+P~S2. Левая часть данной формулы (S1+P) показывает, что концепция автора характеризуется абсолютной заинтересованностью в каузации действия, правая часть показывает, что заинтересованность в каузации действия со стороны адресата — относительная. Формулы совета и предложения будут следующими: совет — S1~P+S2; предложение — S1+P+S2.

Закрепим за каждой из формул цифровое обозначение: 1) S1+P~S2 (просьба), 2) S1~P+S2 (совет), 3) S1+P+S2 (предложение). Таким образом, применив по отношению к побуждению “*Выйдите из режима ожидания*” обозначение 1, мы указываем на то, что импульс каузации исходит от автора, характеризует его как просьбу. Цифра 2 обнаруживает, что данное побуждение является советом.

Итак, показатель импульса каузации позволяет отличить совет от просьбы и предложения. Для установления сущностных свойств совета необходимо, учитывая то, что импульс каузации исходит от адресата, определить: 1) функции импульса каузации; 2) характер побуждения автора; 3) мотивы автора; 4) показатели заинтересованности автора в выполнении каузируемого действия и его оценки; 5) показатели этих субъективных характеристик со стороны адресата; 6) сдерживающие положительную перлокуцию факторы.

Список характеристик будет неполным, поскольку описать все мельчайшие аспекты прагматики речевого жанра невозможно, на что указывал Дж.Р. Серль [Серль 1986]. Однако, как нам представляется, приведенных характеристик будет достаточно для того, чтобы получить представление о сущности совета и инструкции.

Определим сущностные свойства совета.

1. Функции импульса каузации. Импульс каузации имеет определенную функциональную структуру. Основной функцией импульса каузации является побуждение к каузации. Это определение вполне логично, если рассматривать содержательные свойства просьбы, автор которой заинтересован в выполнении некоторого действия и побуждает к его выполнению. Например, автор просьбы *“Вставьте видеокассету”* заинтересован в том, чтобы кассета была вставлена и побуждает к этому адресата, так как не может сделать это сам. Однако анализ иллокуции совета показывает функциональное противоречие импульса каузации, которое заключается в том, что адресат совета, с одной стороны, сам заинтересован в выполнении, с другой — вместо того чтобы осуществить это действие, он провоцирует некоторое лицо побудить его к действию. Так, автор совета *“Вставьте видеокассету”* каузирует действие, потому что его стимулирует к этому адресат. Примеры показывают, что импульс каузации совета и просьбы провоцирует речевое побуждение при помощи разных механизмов, то есть функциональные свойства импульса каузации разных речевых жанров неравнозначны.

Данное противоречие разрешается, если проанализировать структуру импульса. Представляется, что импульс выполняет две основные функции: во-первых, *“апеллятивную”* — стимулирует побуждение (согласно концепции К. Бюлера [Бюлер 1993], назначение апеллятивной языковой функции заключается в побуждении к выполнению действия), во-вторых, *“экспликативную”* — обозначает само действие и область его приложения.

Импульс каузации выполняет всегда обе эти функции, однако в разных речевых жанрах соотношение этих функций неодинаково. Так, автор просьбы *“После использования тщательно закройте флакон”* как побуждает адресата к определенной активности, так и сообщает о содержании ожидаемого действия (“закрыть”), об объекте этого действия (“флакон”), а также о желательном качестве каузируемого действия (“тщательно”). При этом целью автора просьбы является результат в виде выполненного действия — *“тщательно закрытый флакон”*. Поскольку автор рассчитывает именно на выполнение действия, представляется, что в иллокуции просьбы преобладает аппеллятивная функция. Коллективный субъект импульса каузации предложения рассчитывает на то, что предложение будет принято или отклонено. Импульс каузации предложения характеризуется одинаковыми пропорциями обеих функций, а коллективный субъект импульса заинтересован не в выполнении действия, а именно в признании или непризнании целесообразности выполнения действия. Адресат совета изначально готов выполнить каузируемое действие. Таким образом, побуждающая функция импульса каузации автора совета является избыточной, а преобладающей функцией является экспликативная. Адресат совета, готовый к выполнению действия, нуждается в информации о необходимом действии. Каузация автора совета *“Вставьте кассету”* состоит в сообщении информации, причем инициатором этого информирования является адресат. Следовательно, в структуре импульса каузации совета преобладает экспликативная функция, а сам речевой акт совета является более информирующим, чем побуждающим.

2. Характер побуждения автора.

Побуждение к действию мы можем назвать советом в том случае, если его автор осознает, что адресат заинтересован в выполнении некоторого действия и нуждается в информации относительно этого действия. При этом мы различаем два случая. 1) Импульс каузации осознан субъектом

(адресатом). Это собственно совет в традиционном понимании культурного носителя языка, когда адресат непосредственно заинтересован в выполнении действия. Такой совет мы называем **прямым**. Адресат прямого совета заинтересован в выполнении действия, следовательно, испытывает потребность в получении информации о том действии, которое нужно выполнить. В этом случае адресат ожидает совет, а автору достаточно назвать действие. Например, *“Обратитесь за советом к специалисту по техобслуживанию”*. Высказывание *“Выдавите весь тюбик”* будет являться прямым советом, если данная рекомендация сознательно спровоцирована адресатом.

2) Импульс каузации не осознан субъектом (адресатом). В этом случае адресат не имеет непосредственной заинтересованности в выполнении действия. Однако эта потребность субъективно предполагается автором. Задача автора совета этого типа — искусственно создать прагматическую ситуацию, предполагающую речевое действие совета. Для этого прежде, чем каузировать действие, автору необходимо констатировать ситуацию, при которой предполагаемая автором потребность в каузации станет актуальной для адресата. Такой совет мы называем **косвенным**. Примером косвенного совета является фраза *“Если будут помехи изображения, посоветуйтесь с телемастером”*. Придаточное условное описывает возможную проблемную ситуацию (*помехи изображения*), для преодоления которой адресат должен предпринять определенные действия. В результате чего адресат начинает испытывать потребность в информации относительно нужного действия и совет становится обоснованным. Автор косвенного совета *“Ты выглядишь усталым — тебе следует отдохнуть”* в первой части предложения искусственно создает ситуацию, оправдывающую последующую рекомендацию. Таким образом, целесообразность констатирующей (придаточной) части косвенного совета состоит в стимуляции импульса каузации адресата, что искусственно формирует ситуацию совета. Косвенный совет может не иметь поясняющей

придаточной части. Например, высказывание *“Тебе следует отдохнуть”* может быть косвенным советом, если инициатором побуждения является автор, однако его целесообразность для адресата обусловлена ситуацией.

Не следует путать косвенный совет последнего типа и просьбу на том основании, что авторы этих речевых актов каузируют выполнение действия адресатом, стремясь его в этом заинтересовать. Отличие косвенного совета от просьбы состоит в том, что автор просьбы, выдвигая аргументы в пользу выполнения действия, не скрывает собственной заинтересованности в выполнении действия, тогда как побуждающим аргументом автора косвенного совета является заинтересованность адресата. Например, *“Ты читаешь при слабом освещении — включи свет”* (косвенный совет), *“Включите, пожалуйста, свет”* (просьба).

Все отмеченные иллокутивные характеристики косвенного совета указывают на то, что данная разновидность совета представляет собой речевой жанр предупреждения. Выше мы отмечали, что предупреждение есть информирование о возможной опасности.

Выполнение каузируемого автором совета действия является его дальней прагматической целью, тогда как его ближайшая цель — ответить на импульс каузации адресата, удовлетворить его потребность в информации относительно необходимого действия. Ближайшей целью автора просьбы является выполнение адресатом действия, дальней его целью является получение от этого каких-либо благ. Ближайшей целью автора совета является передача информации. Интерес автора совета состоит в сообщении информации относительно необходимого действия, то есть в том, чтобы выступить в качестве автора полезной для адресата информации. В выполнении действия, а тем более в получении каких-либо благ вследствие его выполнения, автор искреннего совета заинтересован быть не может. Автор совета демонстрирует свою беспристрастность по отношению к тому, как адресат распорядится его полезной информацией, он предполагает

следующее: “я дал совет, а как поступить — решать вам”. Таким образом, условие искренности соблюдается, если автор считает, что каузируемое им действие может быть полезным для адресата, не имея при этом личной заинтересованности. Соблюдение данного условия, возможное лишь при благоприятных межличностных отношениях коммуникантов, оптимизирует их кооперацию.

Относительный показатель заинтересованности автора совета в каузации отражен в формуле отношением $P\bar{\alpha}\sim S2$. Относительность этого показателя иллюстрируется тем, что автор искреннего совета не только не может иметь личной заинтересованности, но может давать совет в ущерб собственным интересам. Например, “*Не тратьте на меня время зря*”. Если автор совета имеет скрытый личный интерес от выполнения действия, то такой совет не искренен (случаи неискренних речевых жанров мы не рассматриваем, так как в них не соблюдены условия “нормального входа и выхода”), если же он эксплицирует свою заинтересованность, то это просьба. Сравним следующие примеры: “*Вам было бы лучше вернуться пораньше* и *Мне было бы лучше, если бы вы вернулись пораньше*”. Второй пример, обнаруживающий личный интерес автора, является просьбой. Таким образом, выясняется, что для автора совета выполнение действия вторично, тогда как его первичная цель — передача информации. Следовательно, механизм каузации совета обусловлен не прямым побуждением, а передачей информации, что подтверждает наш тезис о том, что совет является жанром информативной направленности, и потому менее императивен, чем просьба.

Таким образом, разница в характере импульсов каузации определяет различия в побуждениях (экспликативное (э) для совета и просьбы и апеллятивное (а) для просьбы): 1) $S1+P\alpha\sim S2$ (просьба), 2) $S1\sim P\bar{\alpha}+S2$ (совет), 3) $S1+P\bar{\alpha}+S2$ (предложение).

3. Мотивы и намерения автора совета. В выполнении действия, каузируемого советом, заинтересован адресат, однако автор дает совет, так

как тоже имеет определенную заинтересованность. Автор совета, не будучи заинтересованным ни в выполнении действия, ни в последствиях его выполнения, заинтересован в том, чтобы выступить в роли полезного информатора. Эта заинтересованность определена предварительными положительными межличностными отношениями коммуникантов, которые служат мотивом автора совета, обуславливающим его коммуникативное намерение. Намерением автора совета *“Оставьте верхнюю одежду в гардеробе”* является желание освободить адресата от необходимости носить одежду в руках, в основе которого лежит позитивное отношение автора к адресату. Указанные побудительные причины речевого акта совета обнаруживают то, что иллокуция совета является “обратным” отражением иллокуции просьбы, поскольку концепции контркоммуникантов двух жанров схожи. Мотив коммуникативного действия автора совета тот же, что и мотив ответного действия адресата просьбы — позитивное отношение к собеседнику. Автор совета *“Оставьте верхнюю одежду в гардеробе”* желает быть полезным адресату вследствие положительного к нему отношения. Адресат просьбы *“Передайте (пожалуйста) письмо”* выполняет ее по причине положительного отношения к автору. Разница состоит в том, что позитивность отношения автора совета предшествует речевому акту: автор совета в хороших отношениях с адресатом и потому желает быть ему полезным. В случае с просьбой, наоборот, расположить к себе адресата и склонить его к выполнению просьбы — задача автора.

Таким образом, действие автора совета обусловлено, с одной стороны, желанием стать лицом полезным, с другой — стать полезным именно для конкретного адресата, вследствие положительного к нему отношения.

4. Показатели заинтересованности автора в выполнении каузируемого действия и оценки его целесообразности. Каждый из субъектов побуждения выражает определенное отношение к предизируемому действию. Это отношение определяется такими объективными иллокутивными

характеристиками, как заинтересованность и оценка целесообразности. Для “не-указаний” эти характеристики имеют различные показатели в конкретном речевом жанре. Изменяющиеся в речи характеристики мы называем относительными, неизменяющиеся — абсолютными. Рассмотрим эти характеристики и их показатели для совета в сопоставлении с особенностями других речевых актов.

а) Если авторы просьбы и предложения оценивают действия соответственно для себя и для всех субъектов речевого акта, то автор совета оценивает целесообразность каузируемого действия для адресата, так как именно для него это действие должно быть полезным. Исходя из этих показателей прагматика предложения “*Подсоединить шнур питания*” может соответствовать любой из трех формул, в зависимости от перформатива (*предлагаю / прошу / советую подсоединить шнур питания*).

б) Автор просьбы “*Подсоединить шнур питания*” сам заинтересован в выполнении каузируемого действия, поэтому сам факт каузации свидетельствует о том, что автор оценивает действие положительно в любом контексте. Показатели заинтересованности и оценки целесообразности автора просьбы всегда абсолютны, поэтому автора интересует возможность выполнения действия адресатом, следовательно, просьба предполагает семантику вопроса о **возможности** *подсоединить шнур питания*. Показатель оценки целесообразности автора предложения относительный, поэтому автор выносит его на обсуждение. Показатель заинтересованности в выполнении (принадлежащий коллективному субъекту) зависит от будущей оценки коллективного субъекта, что определяет семантику вопроса о целесообразности *подсоединения шнура питания*.

Данные иллокутивные характеристики совета существенно отличаются. Поскольку автор совета апеллирует к заинтересованности адресата и выносит свой совет “на его суд”, абсолютной уверенности в целесообразности (для адресата) каузируемого действия у него нет,

следовательно, показатель оценки целесообразности относительный. При этом в отличие от предложения и просьбы заинтересованность в выполнении действия у автора искреннего совета отсутствует (личная заинтересованность автора побуждения в выполнении действия позволяет отнести данный жанр к просьбе или промежуточному речевому жанру, например, просьбе-совету). Данные характеристики придают совету семантику ответа на вопрос “Что сделать?” — “*Подсоединить шнур питания*”.

Однако, как было сказано выше, одной из побудительных причин автора совета является его заинтересованность выступить в качестве полезного для адресата информатора (данная прагматическая характеристика присутствует и в иллюстрации предложения). В этом аспекте автор совета рассматривает свое действие (дать совет) как целесообразное и находит интерес в его реализации. Показатели этих характеристик абсолютные.

5. Показатели субъективных характеристик адресата совета. Позиция адресата совета характеризуется заинтересованностью в выполнении действия, однако для его выполнения необходимо дополнительное условие, а именно: обладание информацией относительно действия. Импульс каузации совета направлен на удовлетворение потребности в информации. Таким образом, позиция адресата совета “*Советую при записи пользоваться кассетой с целым язычком защиты*” характеризуется тройной заинтересованностью: во-первых, он заинтересован в выполнении конкретного действия (*записи*); во-вторых, он заинтересован иметь информацию о том, как правильно осуществлять запись (какой *кассетой пользоваться*); в-третьих, адресат совета заинтересован в каузации (информировании), то есть в самом речевом акте совета. Как было сказано выше, показатель субъективной характеристики заинтересованности соответствует показателю оценки целесообразности, от которого он зависит,

следовательно, каждый из трех аспектов заинтересованности обусловлен соответствующей оценкой целесообразности. Например, автор заинтересован иметь информацию о том, как *правильно производить запись*, так как видит целесообразность именно в *правильном* процессе *записи*.

Таким образом, позиция адресата совета характеризуется тройной оценкой целесообразности: 1) оценкой целесообразности некоторого действия (он предварительно оценивает целесообразность выполнении *записи*), 2) оценкой целесообразности конкретной информации (он оценивает целесообразность *использования кассеты с целым язычком защиты* в имеющихся обстоятельствах), 3) оценкой целесообразности речевого действия автора (он оценивает целесообразность речевого акта совета в данной ситуации, то есть нуждается ли он в совете).

Импульс каузации, исходящий от адресата совета, свидетельствует о том, что первая и последняя оценки имеют абсолютные показатели (формально адресат совета заинтересован в выполнении каузируемого действия и нуждается в информативной каузации), а следовательно, соответствующие показатели заинтересованности также абсолютны. Показатель второй оценки целесообразности нестабилен и зависит от ситуации конкретного речевого акта. Так, выполнение действия, каузируемое советом *“Подсоедините шнур питания”*, в конкретных обстоятельствах может оцениваться адресатом как нецелесообразное, например, вследствие отсутствия электроэнергии, неисправности розетки и т.д. Таким образом, показатель оценки целесообразности конкретного предизируемого действия, как и показатель заинтересованности адресата в его выполнении, зависит от условий актуализации конкретного речевого акта, а следовательно, является относительным.

Добавим в формулы побуждений показатели субъективных характеристик оценки целесообразности и заинтересованности. Обозначим абсолютную оценку целесообразности — *ц*, относительную — *ц_о*,

абсолютную заинтересованность — и, относительную — ио. 1) $S1_{ц,и}+Pa\sim S2_{ц,и}$ (просьба), 2) $S1_{ц,и}\sim Pэ+S2_{ц,и}$ (совет), 3) $S1_{ц,и}+Pэ+S2_{ц,и}$ (предложение).

6. Сдерживающие положительную перлокуцию факторы. Предыдущие рассуждения обнаруживают взаимосвязь иллюкутивных показателей, что в полной мере относится к данному пункту. Формально адресат совета заинтересован в выполнении некоторого каузируемого автором действия, что является объективной характеристикой иллюкуции совета. При этом заинтересованность адресата может быть предварительной (прямой совет, см. выше) или приобретенной в процессе речевого акта (предупреждение). Данная заинтересованность относится к абстрактному действию и обусловлена осознанием адресатом того, что автор желает быть ему полезным. Поэтому адресат совета позитивно оценивает акт каузации независимо от пропозиционального содержания. Однако в конкретном речевом акте адресат получает информацию, конкретизирующую каузируемое действие. Субъективно автор предполагает, что данное действие является полезным для адресата, причем субъективность осознается не только адресатом, но и самим автором. Именно осознание адресатом субъективности предизируемого действия является причиной того, что целесообразность конкретного действия оценивается адресатом. Так, автор совета “*Установите настоящее время*” осознает субъективность своей оценки целесообразности выполнения данного действия для адресата, что осознается и адресатом. В результате адресат сам начинает оценивать целесообразность выполнения действия для себя в данных обстоятельствах, что сдерживает положительную перлокуцию. Таким образом, сдерживающим фактором совета является субъективность показателей оценки целесообразности и заинтересованности автора и адресата.

Итак, выявив ядерные характеристики совета, мы сделали первый шаг на пути определения сущностных характеристик иллюкуции инструкции.

Перечислим эти характеристики, указав основные тезисы вышеприведенных заключений.

1. Объективной характеристикой совета является импульс каузации, исходящий от адресата. Таким образом, основополагающим признаком иллокуции совета является несовпадение субъектов каузации и импульса каузации.

2. Адресат совета, с одной стороны, сам заинтересован в выполнении действия, с другой — вместо того чтобы осуществить это действие, он провоцирует некоторое лицо побудить его к действию. Адресат совета изначально готов выполнить каузируемое действие, или маркировка речевого акта как совета означает, что автор сообщает о некотором действии, выполнение которого может быть полезным для адресата. Адресат совета, готовый к выполнению действия, нуждается в информации о необходимом действии. Побуждающая функция импульса каузации адресата совета является избыточной, следовательно, в структуре импульса каузации совета преобладает экспликативная функция, а речевой жанр совета является более информирующим, чем побуждающим.

3. Автор совета осознает, что адресат заинтересован в выполнении некоторого действия и нуждается в информации относительно этого действия. Мы различаем прямой и косвенный совет (предупреждение): 1) адресат прямого совета осознает импульс каузации и непосредственно заинтересован в выполнении действия, испытывает потребность в получении информации о действии; автору прямого совета для каузации достаточно назвать действие; 2) импульс каузации косвенного совета не осознан адресатом, адресат не имеет заинтересованности в выполнении действия; задача автора — искусственно создать ситуацию, предполагающую совет.

Выполнение действия является дальнейшей прагматической целью автора, тогда как его ближайшая цель — предоставить информацию относительно действия. Ближайшей целью автора совета является передача информации. В

выполнении действия автор искреннего совета не заинтересован. Автор совета демонстрирует свою беспристрастность по отношению к тому, как адресат распорядится его полезной информацией. Намерение автора состоит в том, чтобы выступить автором полезной для адресата информации. В основе этого намерения лежит положительное отношение автора к адресату, что является мотивом совета. В этом аспекте автор совета рассматривает свое действие (дать совет) как целесообразное и находит интерес в его реализации.

4. Автор совета оценивает целесообразность каузируемого действия для адресата, он апеллирует к заинтересованности адресата и не имеет абсолютной уверенности в целесообразности (для адресата) выполнения каузируемого действия; совет имеет семантику ответа на вопрос “что / как делать?”; показатель оценки целесообразности относителен.

5. Позиция адресата совета характеризуется тройной заинтересованностью: а) в выполнении действия, б) в информации, в) в каузации. Представляется, что позиция адресата совета характеризуется тройной оценкой: а) оценкой целесообразности выполнения некоторого действия, б) оценкой целесообразности информации (конкретного предизируемого действия) в) оценкой целесообразности каузации. Первая и третья оценки имеют абсолютные показатели; соответствующие показатели заинтересованности также абсолютны. Показатели заинтересованности и оценки целесообразности автора конкретного предизируемого действия являются относительными.

6. Формально адресат совета заинтересован в выполнении каузируемого автором действия. Данная заинтересованность относится к абстрактному действию и обусловлена осознанием адресатом того, что автор желает быть ему полезным. В конкретном речевом акте адресат получает информацию, конкретизирующую каузируемое действие, которое, с субъективной точки зрения автора, является полезным для адресата. Данная субъективность

осознается не только адресатом, но и самим автором, осознанность адресатом субъективности предсказуемого действия является причиной того, что целесообразность конкретного действия оценивается адресатом. Субъективность показателей оценки и заинтересованности автора и адресата является сдерживающим каузационным фактором.

2.1.3. Ядро содержательного поля инструкции: синтез конвенции и иллокуции совета

Определим ядерные свойства иллокуции инструкции путем рассмотрения того, как конкретизируются характеристики абстрактного “указания” при воздействии деловой конвенции на сущностные свойства совета. Целью такого синтеза является обеспечение положительного перлокутивного эффекта, поэтому конкретизация основных характеристик “указания” — положительной перлокуции и конвенциональности, являющихся целью и условием синтеза, отдельно рассматриваться не будет.

Целесообразность деловой конвенции соответствует целесообразности основного делового договора, отстаивающего интересы не кого-либо из коммуникантов, а интересы общего дела. Заинтересованность адресата совета в выполнении действия способствует осуществлению общего дела, поэтому конвенция не корректирует позицию адресата, однако удовлетворяет его потребность в информации посредством каузации информативного действия автора, что оптимизирует деловой процесс. Так, если концепция адресата совета “*Обратитесь за советом к специалисту по техобслуживанию*” характеризуется относительной оценкой целесообразности, то под воздействием аппелятивной функции импульса каузации на адресата показатели его субъективных характеристик становятся нерелевантными для каузации, а на первый план выходит осознание необходимости, стимулируемое импульсом на адресата. Адресат

инструкции “*При возникновении помех изображения обратитесь за советом к специалисту по техобслуживанию*”, осознавая объективность информации, не подвергает целесообразность каузируемого действия (*обратиться к специалисту*) в указанной ситуации (*при возникновении помех изображения*) субъективной оценке.

Для обеспечения объективности информации инструкции наадресат посредством каузирующей функции корректирует концепцию автора: согласно требованиям ГОСТа, производитель, продавец и т.д. обязан предоставлять достоверную информацию. Концепция адресата корректируется в значительно меньшей степени: субъективная заинтересованность в выполнении действия усиливается объективной необходимостью выполнения конкретного действия. Так, инструкция “*Нет необходимости мыть волосы перед окраской!*”, помимо того, что предоставляет информацию относительно интересующего адресата действия, гарантирует объективность информации.

Наадресат инструкции, в отличие от наадресата приказа, не предусматривает обязательного выполнения каузируемого действия, однако предусматривает обязательное наказание в случае негативных последствий невыполнения этого действия. Например, за несоблюдение инструкции “*Для предупреждения опасности пожара или поражения электрическим током не следует оставлять данное изделие под дождем или в местах с повышенной влажностью*” адресат непосредственной ответственности не несет. Однако в случае возникновения пожара, вследствие игнорирования указаний инструкции, адресат не может требовать от производителя возмещения убытков. Как автор совета фактически предупреждает адресата о возможности неблагоприятного исхода дела из-за несоблюдения совета, а также о том, что он сам (адресат) будет в этом виновен, так и субъекты инструкции осознают то, что, если адресат не будет соблюдать инструкцию и

вследствие этого произойдет неприятность, ответственность за это понесет адресат.

В структуре импульса каузации автора совета преобладает функция информирования. Импульс каузации наадресата-конвенции инструкции стимулирует автора не непосредственно к побуждению адресата инструкции выполнить действие, а к передаче ему информации, необходимой для выполнения интересующего его действия. Это обусловлено тем, что адресат инструкции, как и совета, будучи заинтересованным в выполнении действия, какое-либо действие все равно совершит, но при этом он может следовать совету или нет, соблюдать инструкцию или нет. Как совет *“Выдавите весь тюбик”*, так и инструкция *“Выдавите полностью содержание тюбика с крем-краской”* являются высказываниями с семантикой ответа на вопрос *“что / как делать?”* (в данном случае *“Как пользоваться крем-краской?”*) Таким образом, как и речевой жанр совета, инструкция является жанром более информирующим, чем побуждающим. Об этом свидетельствует и такая особенность инструкции, как возможность оценки ее объективности и необъективности. Данные характеристики свойственны только информации. Например, совет *“Смотри, чтобы вода или пыль внутрь не попали”* может расцениваться как объективный или нет. Рекомендация *“Следует избегать мест с высокой влажностью или запыленностью, которые могут привести к повреждению внутренних частей”*, будучи инструкцией, конвенционально может быть только объективной. Приказ объективным или субъективным быть не может, так как является не информированием, а чистым побуждением.

Формула инструкции представляет собой модификацию формулы совета под воздействием конвенции. Обозначим наадресата — Н, аппеллятивную функцию импульса каузации наадресата — На, экспликативную функцию импульса каузации — Нэ, нейтральные показатели субъективных характеристик оценки целесообразности и

заинтересованности автора — (—), абсолютную заинтересованность
нададресата — И, абсолютную оценку целесообразности нададресата — Ц

аНэ(ИЦ)

+

S1 — Рэ+ц,иS2

Регламентирующая функция конвенции, определяющая сценарий коммуникации, полномочия и взаимоотношения коммуникантов, осуществляет следующие иллокутивные преобразования совета. Поскольку сдерживающим фактором совета является оценка адресатом конкретной информации, конвенция устраняет этот фактор посредством наделения автора полномочиями сообщать эту информацию, что обуславливает некритическое отношение к ней со стороны адресата. Императивность инструкции усиливается также за счет того, что адресат несет ответственность за несоблюдение инструкции.

Характеристики косвенного совета или предупреждения в инструкции отражаются тем, что она может информировать адресата не только о необходимом действии, но и о некоторой ситуации или аспекте действительности. Так, предупреждение *“Если будут помехи изображения, посоветуйтесь с телемастером”* в инструкцию может быть преобразовано следующим образом: *“Изображение имеет шумовые помехи: обратитесь за советом к специалисту по техобслуживанию”*. При этом первая часть предложения указывает на аспект действительности как на причину целесообразности инструкции. Описание ситуации, свойственное косвенному совету, формально реализуется в тексте инструкции в виде описательной части документа. Содержательно параллель между косвенным советом и инструкцией состоит в том, что последняя может иметь семантику предупреждения (*“Для предотвращения поражения электрическим током не следует снимать наружную крышку”*).

Как интерес автора совета состоит в том, чтобы выступить автором полезной для адресата информации (он занимает нейтральную позицию относительно того, выполнит адресат каузируемое действие или нет), так и интерес автора совета ограничивается передачей информации, что обусловлено деловой конвенцией. Как было сказано выше, конвенция обязывает автора давать инструкции, то есть информацию, помогающую адресату в осуществлении некоторого действия. Каузацию же действия автором совета конвенция не предполагает, так как сама каузирует действие адресата. Таким образом, конвенция побуждает адресата соблюдать инструкцию, а автора побуждает давать ее.

Отсутствие абсолютной уверенности автора совета в целесообразности (для адресата) каузируемого действия, а следовательно, относительный показатель оценки целесообразности, а также прозрачность этой характеристики для адресата являются сдерживающими каузацию факторами. Конвенция наделяет автора полномочиями информировать адресата, в результате чего информация, поступающая от автора инструкции, является для адресата объективной. Этим устраняется соответствующий сдерживающий фактор.

Позиция адресата совета характеризуется, с одной стороны, заинтересованностью в выполнении действия, а с другой — заинтересованностью в каузации, удовлетворяющей потребность адресата в информации. Так как эта особенность концепции адресата совета способствует осуществлению действия, она не подвергается модификации со стороны конвенции. Однако эти характеристики в инструкции проявляются следующим образом: 1) так как адресат совета заинтересован в выполнении действия, конвенция не каузирует непосредственное выполнение действия (адресат и так выполнит действие), а предусматривает ответственность за неверное осуществление действия; 2) учет конвенцией заинтересованности адресата совета в каузации (посредством информирования) проявляется в

том, что она побуждает автора давать инструкции и предусматривает наказание за неверную или непредоставленную информацию.

Адресат совета оценивает целесообразность речевого действия автора и целесообразность формального предизируемого действия как абсолютную, тогда как целесообразность конкретного предизируемого действия оценивается им как относительная, так как конкретный совет отражает субъективное восприятие ситуации автором. Субъективность информации, предоставляемой автором совета адресату, является сдерживающим фактором, и потому подлежит устранению посредством одной из функций конвенции. Регламентирующая функция конвенции, наделяя автора инструкции полномочиями, переводит субъективную оценку ситуации автора в объективную. Данная трансформация возможна потому, что распределение ролей происходит не случайно, а при соблюдении соответствующих условий. Так, для того чтобы наделить некое лицо полномочиями инструктировать, приказывать и т.д., во-первых, учитывается наличие у него специальной подготовки, то есть пригодности кандидата для выполнения этих функций, во-вторых, на него возлагается ответственность за предоставление необъективной информации. Все это устраняет элемент субъективности из информации, предоставляемой советом и трансформирует его в инструкцию. Таким образом, адресат инструкции как абсолютную оценивает не только целесообразность речевого действия автора и формального предизируемого действия, но и целесообразность конкретного предизируемого действия.

Заинтересованность адресата совета в выполнении каузируемого действия обусловлена осознанием адресатом того, что автор желает быть ему полезным. Так реализуется условие искренности, которое обеспечивает кооперацию. Эта особенность иллюкуции совета проявляется в инструкции следующим образом. Поскольку субъективно потенциальный автор инструкции не всегда желает принять участие в решении проблем

потенциального адресата, конвенция обязывает автора инструкции актуализировать ее в определенных ситуациях независимо от того, желает автор в этот момент быть полезным адресату или нет. Таким образом конвенция учитывает интересы адресата и обеспечивает кооперацию. При этом конвенция обязывает автора давать исключительно объективную информацию. Данная конвенциональная функция, будучи известной адресату, обеспечивает его заинтересованность в выполнении действия, каузируемого инструкцией.

Модификация коммуникативной вежливости автора совета состоит в ее прагматизации. То есть инструкция, в отличие от совета, предполагает достижение определенных прагматических целей автора. Так, вежливость рекомендации *“Особенно мы хотели бы посоветовать, чтобы Вы внимательно изучили инструкцию по эксплуатации перед тем, как пытаться пользоваться изделием, и чтобы Вы учли указанные меры предосторожности”* направлена не только на повышение речевой кооперации, но и на достижение прагматических целей производителя. Прагматика вежливости высказывания состоит в том, чтобы потребитель получил удовольствие как от покупки, так и от “общения” с производителем, что является рекламным аргументом.

Итак, перечислим ядерные характеристики иллокутивной силы речевого жанра инструкции как результата конкретизации иллокутивных свойств “указания”, обусловленного синтезом деловой конвенции и иллокутивных особенностей совета.

Конкретизация характеристики побуждения — импульса каузации — заключается в нейтрализации импульса адресата и появлении активного импульса над адресата: импульс каузации адресата инструкции сохраняется формально, что служит основой идентификации инструкции.

Рассмотрим конкретизацию характеристик иллокуции “указания”.

1. Ориентация коммуникантов на обязательный положительный перлокутивный эффект: конкретизация этой характеристики иллокуции “указания” проявляется на уровне остальных 20-ти, обусловленных ею характеристик.

2. Конвенциональность: конвенция не корректирует позицию адресата инструкции, а удовлетворяет его потребность в информации, стимулируя автора передать информацию, необходимую для выполнения интересующего адресата действия. Каузирующая функция импульса распространяется на автора.

Регламентирующая функция конвенции наделяет автора полномочиями сообщать информацию. Конвенция удовлетворяет потребность адресата инструкции в информации, каузируя информативное действие автора.

3. Функция идентификации социальной группы: если на уровне “указания” данная функция указывает на людей, вступивших в деловые отношения, то на уровне инструкции она показывает, что, согласно договору, автор обязан действовать в интересах адресата. Конвенция обязывает автора инструкции актуализировать ее независимо от желания автора.

4. Нормативность: конкретизация нормативности состоит в специфике конвенциональных установок относительно прав и обязанностей субъектов инструкции. Если возложение ответственности есть проявление каузирующей функции импульса каузации на адресата, то предоставление права есть осуществление информирующей функции. Исходя из того, что импульс каузации на адресата распространяет каузирующую функцию в отношении автора, а информирующую — в отношении адресата, специфика нормативности инструкции состоит в том, что она есть обязанность автора и право адресата. Однако нормативность предполагает встречные обязательства. Дело в том, что конвенция преобразует иллокуцию “не-

указания” таким образом, что субъективная заинтересованность субъекта “не-указания” становится объективной обязанностью субъекта “указания”. Так, если адресат совета был субъективно заинтересован в соблюдении совета, то адресат инструкции объективно обязан придерживаться инструкции. Таким образом, адресат инструкции несет ответственность за несоблюдение указаний. Специфика нормативности заключается также в особенности ответственности автора, который несет ответственность не за непосредственное невыполнение, а за его негативные последствия.

5. Избыточность внешнего побуждающего аргумента: конкретизация данной характеристики состоит в том, что конвенция, учитывая интересы адресата, обязывает автора давать исключительно объективную информацию. Эта функция известна адресату, что обеспечивает его заинтересованность в выполнении действия, каузируемого инструкцией. Когда импульс каузации не осознан адресатом, задача автора — искусственно создать ситуацию, при которой адресат становится заинтересованным в получении информации.

6. Избыточность каузации со стороны автора: автор выполняет только информирующую функцию и служит проводником импульса каузации на адресата. Специфика этого условия состоит в том, что каузирующая функция на адресата инструкции в отношении адресата инструкции отсутствует, поэтому, не являясь проводником импульса каузации, автор выполняет только одну функцию — информирование.

7. Импульс каузации на адресата выполняет каузирующую, информирующую и регламентирующую функции: в отношении инструкции специфика импульса состоит в особенностях распространения функций. Каузирующая функция реализуется в отношении автора, информирующая — в отношении адресата, регламентирующая функция формирует концепции обоих субъектов (автор имеет полномочия давать инструкции, адресат обязан их соблюдать).

8. Стабильность показателей объективных (принадлежность импульса каузации) и субъективных (показатели заинтересованности и оценки целесообразности) характеристик. Регламентирующая функция конвенции, наделяя автора инструкции полномочиями, переводит субъективную оценку ситуации автора в объективную.

9. Нейтральность субъективных характеристик иллюкуции: в иллюкуции инструкции нейтральные субъективные характеристики присутствуют, но не влияют на перлокуцию. Так, автор оценивает целесообразность информации для адресата. Адресат не оценивает целесообразность, так как она объективна, однако имеет заинтересованность в выполнении указаний.

10. Ожидаемость предписаний адресатом и предварительная готовность их выполнения: адресат инструкции предварительно ожидает указания не вследствие того, что он обязан их выполнить, а из-за того, что его субъективная заинтересованность совпадает с объективной.

11. Некритичность отношения адресата к каузируемому действию: конвенция наделяет автора инструкции полномочиями сообщать информацию, что обуславливает некритическое отношение к этой информации со стороны адресата.

12. Осознание необходимости выполнения каузируемого действия (абсолютная заинтересованность и оценка целесообразности): адресат инструкции оценивает целесообразность речевого действия автора, формального преддицируемого действия и конкретного преддицируемого действия как абсолютную.

13. Объективность внутренних аргументов каузации, обусловленная конвенцией. Конвенция наделяет автора полномочиями информировать адресата, в результате чего информация, поступающая от автора инструкции, является для адресата объективной.

14. Абсолютная релевантность внутренних аргументов для адресата, обусловленная конвенцией: данная характеристика в инструкции конкретизируется тем, что конвенция не только наделяет некоторое лицо полномочиями инструктировать, но и учитывает пригодность кандидата для выполнения этих полномочий, возлагая на него ответственность за необъективную информацию.

15. Отсутствие объективных и субъективных сдерживающих факторов: отсутствие объективного сдерживающего фактора обеспечивается каузацией действия автора, субъективных — тем, что для адресата информация является объективной.

16. Предсказуемость речевого сценария: речевой сценарий разрешается положительной перлокуцией, при этом невыполнение адресатом указаний инструкции не является отрицательным перлокутивным эффектом, так как ответственность адресата за негативные последствия несоблюдения указаний определена конвенцией как один из двух возможных путей развития речевого сценария.

17. Фиксированность речевых ролей: конвенция закрепляет за автором обязанность давать инструкции, то есть действовать в интересах адресата, эта роль формальна, тогда как роль адресата как лица заинтересованного неформальна.

18. Независимость перлокуции от характера межличностных отношений: независимо от личных отношений, конвенция обязывает автора совершать речевой акт инструкции в пользу адресата. Это же обстоятельство является гарантом объективности информации для адресата.

19. Высокая степень кооперативности: данная характеристика достигается модификацией концепций субъектов совета посредством распространения на них функций импульса каузации. Конкретизация состоит в том, что максимальной корректировке подвергается концепция автора, на которого возлагается как обязанность предоставлять информацию,

так и ответственность за ее объективность. Концепция адресата изменяется в меньшей степени, так как он нуждается в информации и изначально настроен на речевое сотрудничество.

20. Прагматичность речевой вежливости: речевая вежливость совета заключается в ненавязчивости рекомендаций, прагматичность же ее состоит в повышении эффективности каузации. Эта же особенность вежливости сохраняется в речевом жанре инструкции. Однако, если в рамках совета вежливость, помимо своей практической функции, выступает как форма проявления доброжелательных отношений, то в рамках инструкции эта характеристика выступает исключительно в качестве стратегии оптимизации каузации.

Конкретизация инкорпорации состоит в особенностях онтологического аспекта инструкции. Конвенция побуждает автора инструкции информировать адресата как о необходимом действии, так и о некотором аспекте действительности. Особенность инкорпорации состоит в том, что текст инструкции мы можем рассматривать как корпус отдельных подчиненных инструкций. Например, приказ не может быть совокупностью побуждений и является единичным инкорпорированным “указанием”.

2.2. Формальное поле инструкции

Речевой жанр инструкции мы понимаем как сложный знак, каждая характеристика плана содержания которого соотносится с формальной характеристикой плана выражения. Таким образом, каждая из определенных нами содержательных характеристик инструкции как речевого жанра воплощена в определенной языковой характеристике в тексте конкретной инструкции, при этом совокупность этих языковых или формальных характеристик составляет план выражения речевого жанра инструкции. Г.С. Каспарова, определяя “линии поведения” коммуникантов как “стратегии”

[Каспарова 2002], отмечает: “Необходимо помнить, что каждая стратегия реализована в тексте с помощью определенных средств выражения. Таким образом, стратегии осуществляются с помощью конкретных речевых поступков, представляющих собой выбор автором оптимальных, с его точки зрения, средств и способов коммуникации. Данный выбор касается как подбора лексем делового текста, так и его стиля и композиции” [Каспарова 2002: 89]. Определим на примере текстов конкретных инструкций формальный аспект инструкции как совокупность средств и способов языкового выражения содержательных характеристик инструкции.

По мнению М.Ю. Федосюка, “основные виды коммуникативных целей грамматикализованы” [Федосюк 1997а: 108]. Грамматикализованная цель есть план выражения речевого акта, или форма высказывания. Таким образом, за содержательными характеристиками инструкции закреплены определенные способы их выражения. Определим эти характеристики индуктивным методом, то есть посредством иллюстрации того, как содержательные характеристики проявляются в конкретных текстах инструкций. Рассмотрим реализацию компонентов иллокутивной силы речевого акта инструкции на примере текстов конкретных инструкций, функционирующих в речи носителей разных языков. Разделение плана содержания на периферию и ядро мы экстраполируем на план выражения жанра, что обуславливает изоморфность полевых структур плана содержания и плана выражения. При этом формальные характеристики будут формировать ту часть плана выражения инструкции, с которой они соотносятся в плане содержания. Например, языковое воплощение импульса каузации (содержательной характеристики дальней периферии) является характеристикой дальней периферии формального поля речевого жанра инструкции.

При рассмотрении формальной реализации содержательных характеристик необходимо выявить закономерности этой реализации в

текстах инструкций на разных языках, что возможно лишь при сравнении способов этой реализации. Поэтому основным методом определения этих закономерностей будет сопоставление. При этом мы обращаемся к двум типам сопоставления текстов, в зависимости от материала. К первому типу мы относим сопоставление случайных инструкций, что позволит установить инвариант языкового воплощения содержательного аспекта речевого жанра инструкции. Этот тип сопоставления текстов мы называем **случайным**. Ко второму типу мы относим сопоставление реализации содержательных характеристик одной инструкции в текстах, функционирующих в разных языках. Применение данного типа сопоставления, который мы называем **параллельным**, является эффективным для определения отличительных особенностей формально-содержательных характеристик инструкций на разных языках.

Итак, рассмотрим способы языкового воплощения установленных нами характеристик дальней и ближней периферии содержательного поля речевого жанра инструкции.

Характеристикой дальней периферии всех побуждений является импульс каузации. В качестве формального выражения импульса каузации выступают побудительные конструкции, а именно: императив “premete il tasto **vcf**”, прохибитив “*не трогайте* шнур питания мокрыми руками”, “*ne pas saisir le cordon d'alimentation avec les mains umides*” (фр.); аналитический инфинитив “*следует предпринять* следующие меры предосторожности”; инфинитив; пассивные возвратные конструкции “*этим предотвращается* выключение питания”; безличные пассивные конструкции “*требуемое место может быть найдено* с использованием быстрого поиска”, “*la position voulue peut être localisée en utilisant la recherche accélérée*” (фр.), “*quando il tasto viene premuto nuovamente, la lettura riprende*” (ит.), “*when pressed again, play resumes*” (англ.). “*the required position can be located usung fast-forward search*” (англ.); безличные активные конструкции “*остановить* запись

можно только на самом видеомэгнитофоне”, “в процессе воспроизведения возможно делать пропуски”, “pendant la lecture il est possible de sauter” (фр.), “durante la lettura è possibile saltare” (ит.); субстантивированные конструкции “при повторном *нажатии* воспроизведение возобновляется”, “une nouvelle *pression* fait reprendre la lecture” (фр.).

Рассмотрим реализацию содержательных характеристик инструкции.

1. Ориентированность коммуникантов на обязательный положительный перлокутивный эффект. Данная периферийная характеристика концепции коммуникантов воплощается в формальных признаках текста инструкции как непосредственно, так и опосредованно. Непосредственное воплощение предполагает соблюдение автором формального условия повышения эффективности побуждения, которое заключается в придании тексту оптимальной формы. Опосредованное воплощение периферийных содержательных характеристик в языковую форму есть формальное выражение таких иллокутивных характеристик инструкции, которые обусловлены ориентацией на положительную перлокуцию. Таким образом, опосредованное формальное воплощение данной содержательной характеристики мы отдельно рассматривать не будем. Оно будет определено при установлении воплощения подчиненных иллокутивных свойств инструкции. Рассмотрим формальное условие повышения эффективности побуждения, которое заключается в придании тексту наиболее оптимальной для понимания формы.

Поскольку инструкция функционирует в речи людей, вступивших в деловые отношения, она обладает всеми стилистическими особенностями деловой коммуникации, к которым, согласно А.А. Алексеевой, относятся “...терминологичность, клишированность, соблюдение делового речевого этикета, четкость, ясность, лаконичность” [Алексеева 2004: 127]. Поскольку коммуниканты вступают в отношения ради осуществления общего дела, целью их взаимодействия, в том числе и речевого, является положительный

исход дела. Этот исход есть следствие успешности их взаимодействия на всех его этапах. Успех речевого взаимодействия — положительный перлокутивный эффект, который во многом зависит не только от степени императивности импульса каузации, но и от взаимопонимания коммуникантов. Это взаимопонимание обеспечивается соблюдением норм кодификации смысла, предусмотренных языковой конвенцией для выражения определенного коммуникативного намерения. Одной из главных причин нарушения кода, а следовательно, затруднения понимания, является стремление автора выразить субъективный эмоционально-экспрессивный компонент, форма воплощения которого индивидуальна. При построении формализованных конструкций эмоциональный компонент стирается. При необходимости сохранения эмоционального компонента автор стремится облечь свои мысли в оригинальную, иногда выходящую за рамки привычных, форму. Такие конструкции, свойственные художественным, особенно поэтическим, текстам, способствуют кодификации эмоционально-экспрессивного компонента, однако затрудняют понимание мысли. Направленность коммуникантов на успех заставляет их избегать указанных факторов, препятствующих взаимопониманию. Е.А. Реферовская приводит следующее замечание Кондильяка относительно функций порядка слов: “...нейтральный порядок слов отвечает грамматическому установлению и передает объективную связь вещей. Как только в эту связь вмешивается личность говорящего с его ощущениями и переживаниями (...), порядок слов предложения меняется и перестает отвечать порядку следования логического суждения” [Реферовская 1989: 5].

В результате эволюции формы “указаний”, в том числе инструктивных документов, выработались такие языковые средства и способы выражения содержания, которые позволяют наиболее эффективным образом фиксировать и передавать информацию. Это проявляется в минимализации эмоционально-экспрессивной окраски содержания и в высоких требованиях

к соблюдению норм языкового выражения. Основным требованием, оптимизирующим понимание, является простота и лаконичность на всех языковых уровнях [Алексеева 2004; Рехтин 2003, 2003а и др.]. На уровне грамматики это требование удовлетворяется упрощением грамматических конструкций, которые закрепляются за “указаниями” как стандартные, на уровне лексики — стандартностью форм выражения смысла (устранением синонимии) и стандартностью содержания одной и той же формы (устранением полисемии). Данные нормы построения “указаний” приведены в ГОСТе и являются обязательными. Таким образом, отличительной особенностью языка “указаний” является языковой стандарт, который проявляется на всех языковых уровнях: слова, словосочетания, предложения и текста. Языковая стандартизация высказывания существенно повышает его информативность, заметно облегчает его восприятие и оценку адресатом. Само по себе стремление автора инструкции к стандартизации и простоте изложения есть реализация принципа кооперации, обусловленная требованиями конвенции. А.А. Алексеева отмечает: “Лаконичность, четкость и ясность выражения в языке делового общения... обусловлены соблюдением этикета, а именно уважительным отношением к своему и чужому времени” [Алексеева 2004: 128].

На уровне слова, стандартизация выражается в использовании специальной терминологии. Большой энциклопедической словарь дает следующее определение слову термин: “термин (от лат. terminus — граница, предел) — слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности” [БЭС: Языкознание 1998: 508]. Целесообразность употребления термина состоит в том, что его свойства позволяют стандартизировать слово как на уровне формы, так и на уровне его содержания. К свойствам термина относятся следующие: “системность”, “наличие дефиниции”, “тенденция к моносемичности”, “отсутствие экспрессии”, “стилистическая нейтральность” [там же]. Таким образом,

однозначность термина позволяет избежать как полисемию, так и синонимию. Синонимия устраняется тем, что в “указании” одно и то же понятие на протяжении всего текста обозначается одним словом, полисемия устраняется исключением различных толкований его содержания.

Н.Н. Шувалова подразделяет термины на несколько групп: “специальная лексика, свойственная только канцелярской речи”, “отглагольные существительные”, “специальная отраслевая терминологическая лексика” и “специальные названия людей” [Шувалова 2002: 227-228]. Эти термины находят свое применение во всех “указаниях”.

Целесообразность использования стандартной лексики объясняется в пособиях по делопроизводству. Так, Н.Н. Шувалова пишет: “Точность, однозначность и необходимость машинной обработки официального документа предполагают использование в нем слов только в одном из значений, принятых в официально-деловом стиле” [Шувалова 2002: 227]. Кроме того, поскольку “указание” является документом, использование стандартной лексики не только рекомендуется, но является обязательным. Так в ГОСТе 16504-81 написано: “Термины, установленные настоящим стандартом, обязательны для применения в документации всех видов, научно-технической, учебной и справочной литературе. Для каждого понятия установлен один стандартизованный термин. Применение терминов-синонимов стандартизованного термина запрещается” [ГОСТ 16504-81: 1]. В данном справочнике приведены эквиваленты терминов на английском и французском языках, что свидетельствует о лексической стандартизации инструкции в этих языках. При этом стандарт устанавливается не только на уровне плана выражения слова, но и на уровне плана содержания. Это отражено в названии ГОСТа — “Основные термины и определения”, который начинается следующим предложением: “Настоящий стандарт устанавливает применяемые в науке, технике и производстве термины и определения основных понятий в области

испытаний и контроля качества продукции” [там же]. Например, за понятием, данным в следующем определении: “экспериментальное определение количественных и (или) качественных характеристик свойств объекта испытаний как результата воздействия на него, при его функционировании, при моделировании объекта и (или) воздействий”, в русском языке ГОСТ закрепляет термин *испытания*, в английском *test*, во французском — *essai*. Таким образом, стандартизация научно-технического термина имеет своим следствием его однозначность как внутри одного языка, так и в разных языках. Так, пример с термином *испытания* указывает на то, что обозначаемое этим словом понятие является элементом картины мира носителей русского, английского и французского языков.

Приведем примеры наиболее частотных слов в инструкциях. При этом из группы терминов, упрощающих понимание, мы исключаем канцеляризм, употребление которых, по нашему мнению, связано с выражением другой иллокутивной характеристики “указаний”.

1) Отглагольные существительные. Поскольку инструкция дает указания относительно выполнения действий, в текстах присутствует много слов, называющих эти действия. О стандартизации отглагольных существительных можно говорить в двух аспектах. Во-первых, стандартным для инструкции является само явление обозначать действия отглагольным существительным: “выбор и просмотр каналов”, “*sélection et défilement des chaînes*” (фр.), “*selezione è scorrimento dei canali*” (ит.), “*selecting and scrolling channels*” (англ.). Во-вторых, существует стандартный список отглагольных существительных, используемых в инструкциях, независимо от сферы функционирования. Нами были исследованы инструктивные документы, функционирующие в таких сферах, как потребление товаров (технических приборов, медикаментов, продуктов питания), обеспечение общественной безопасности, должностные взаимоотношения.

2) Отраслевая терминологическая лексика. Исследователи классифицируют терминологию по широте употребления [Моисеев 1970; Овчаренко 1970 и др.]. Так, А.И. Моисеев пишет: “Терминология может быть подразделена на две (неравные) части: специфическую терминологию с множеством более частных подразделений, ограниченную в своем употреблении определенными сферами общения и известную в основном только специалистам, и общеупотребительную... известную всем носителям языка” [Моисеев 1970: 131]. В контексте этого положения, по широте употребления отраслевую терминологию мы подразделяем на две подгруппы: 1) термины широкого употребления: встречаются в “указаниях” нескольких сфер функционирования (но не во всех). В своем большинстве это отглагольные существительные, наиболее употребительными из которых являются такие, как действие, хранение, обнаружение, подготовка, описание, нарушение, взаимодействие, обнаружение, расположение, осуществление, наблюдение, просмотр, проверка, эвакуация, обеспечение, исполнение и др.; 2) термины узкого употребления: встречаются в “указаниях” одной сферы функционирования — технической (пульт, сопло, интерфейс), военные (плац, плащ-палатка, гарнизон), медицинские (ингаляция, зондирование, медбрат), юридические (истец, ответчик, полномочия), экономические (кредит, дебитор, холдинг) и др. Иногда за разными терминологическими понятиями закреплен общий план выражения (ср. *диафрагма* в сфере фотографии и физиологии). З.Н. Афинская отмечает, что “в зависимости от целей научного дискурса (...), от теоретических, а иногда и идеологических установок автора происходит переопределение даже самых общепринятых терминов” [Афинская 2001: 51]. Такие слова “принято называть межотраслевыми омонимами” [БЭС 1998: 508]. Такая особенность термина, как конвенциональность, о которой пишет Н.З. Котелова [Котелова 1970], является одним из способов формальной реализации конвенциональности как иллокутивной характеристики инструкции. “Основное неповторимое

отличие термина — конвенциональность. Термины конвенциональны дважды и по-разному. Во-первых, конвенционально наименование, то есть существующему понятию можно дать название по умыслу говорящего, и конвенционально содержание существующего знака термина” [Котелова 1970: 124].

В большинстве инструкций употребляется группа слов, имеющая своей целью повышение бдительности адресата. Среди таких слов нами отмечены следующие: “внимание”, “осторожно”, “важно” (danger, attention, important (фр.), pericolo, attenzione, importanti (ит.), important, danger, caution (англ.)). Горизонтальный анализ выявил, что данная лексика применяется в одинаковом соотношении в инструкциях во всех рассматриваемых языках.

Отраслевые термины, встречающиеся в текстах инструкций, мы подразделяем на следующие группы: 1) слова, называющие действия адресата; 2) слова, характеризующие действия адресата; 3) слова, называющие речевые действия автора; 4) слова, называющие функции объекта, относительно которого даются указания; 5) слова, обозначающие предметные и качественные характеристики объекта.

Данные термины мы подразделяем на три подгруппы по широте употребления: 1) термины широкого употребления: встречаются в инструкциях нескольких сфер функционирования (но не во всех); 2) термины узкого употребления: встречаются в инструкциях одной сферы функционирования; 3) специальные термины: встречаются в инструкциях, дающих указания относительно применения одного вида товара, относительно осуществления конкретного мероприятия (например, инструкция по предупреждению заражения сибирской язвой), относительно осуществления конкретных должностных полномочий и т.д.

К первой группе отраслевых терминов, называющих действия адресата, относятся глаголы и отглагольные существительные. Анализ русских инструкций показал, что терминами широкого употребления этой

группы (отглагольные существительные) являются такие, как действие, хранение, обнаружение, подготовка, описание, нарушение, взаимодействие, обнаружение, расположение, осуществление, наблюдение, просмотр, проверка, эвакуация, обеспечение, исполнение и др.

Рассмотрим термины узкого употребления первой группы (отглагольные существительные).

Для технических инструкций стандартными являются слова, обозначающие типовые операции, предполагаемые эксплуатацией технического объекта. Это такие отглагольные существительные, как управление, использование, обслуживание, подключение, транспортировка, монтаж, установка, регулирование, отсоединение, воздействие, подготовка, включение, выключение, нажатие, предотвращение, замена, ремонт, чистка, отыскание (неисправностей), организация, выбор, ввод, вывод, блокировка, пользование, эксплуатация, активизация, оптимизация, срабатывание, переключение, остановка, запуск, программирование, зарядка, функционирование, соблюдение, доступ, вызов, настройка, выполнение, избежание, завершение, уход, распаковка, хранение, редактирование и т.д.

Инструкции по применению медицинских препаратов (отглагольные существительные): прием, абсорбация, выведение, введение, дозирование, наблюдение, лечение, взаимодействие, отпуск, описание, нарушение, улучшение, ухудшение, повышение, понижение, увеличение и т.д.

Инструкции по действию населения и должностных лиц при угрозе внешней опасности (террористического акта, химического заражения и т.д.) (отглагольные существительные): оповещение, выход, поражение, поведение, госпитализация, помощь, заражение, обнаружение, расположение, осуществление, наблюдение, поступление (угрозы), получение (принятие) сообщение, обращение, просмотр, проверка, эвакуация, захват, обеспечение, исполнение.

Специальные термины на примере инструкций по эксплуатации аудио-видеоаппаратуры: организация программ (classement des chaînes (фр.), distruzione dei canali (ит.), programme organisation (англ.)), канал (chaîne (фр.), canale (ит.), channel (англ.)), опционные функции (les fonctions optionnelles (фр.), le funzioni in opzioni (ит.), the optional functions (англ.)), антенное гнездо (la prise antenne (фр.), la presa antenna (ит.), the aerial socket (англ.)), яркость (lumière, (фр.) luminosita (ит.), brihgtness (англ.)), цветность (couleur (фр.), colore (ит.), colour (англ.)), контраст (contraste (фр.), contrasto (ит.), contrast (англ.)) четкость (contour (фр.), definizione (англ.)), разъем (la prise (фр.), la presa (ит.), socket (англ.)), индицироваться (être affiché (фр.), essere visualizzato (ит.), to be displayed (англ.)) и т.д.

Стандартизация на уровне словосочетаний проявляется в использовании языковых формул. Согласно Н.Н. Шуваловой, “языковые формулы — устойчивые (шаблонные, стандартные) языковые обороты...” [Шувалова 2002: 228]. Прагматика употребления языковых формул состоит в том, что типовые конструкции позволяют адресату при восприятии текста не отвлекаться на форму и концентрироваться на содержании, что облегчает понимание. Автор “указания”, напротив, для повышения иллокутивной эффективности документа должен уделять большое внимание той форме, в которую он облакает понятие. Таким образом, применение клише есть частное проявление “закона Ципфа” (стремление к максимальному иллокутивному эффекту при минимуме локутивных затрат). Однако в “указаниях” применяются не только устойчивые словосочетания, но и свободные соединения слов. Это позволяет сделать вывод о том, что, выражая смыслы стандартными конструкциями, автор рассчитывает повысить эффективность побуждения. Наиболее частотными являются конструкции с глаголами и отглагольными существительными, называющими действия, а также связки с отыменными предлогами и

отглагольными существительными. В английском языке нами отмечена тенденция к выражению процессов глаголами.

Приведем примеры языковых формул: выключение телевизора, правила обращения, меры защиты, способ применения, удалите крышку, не изгибайте диски, для изменения, для использования, для предотвращения; (фр.) *l'exposition directe, le lecteur de disque, précautions de manipulatон, éviter l'installation, en utilisant le boîtier*; (ит.) *l'uso di comandi, in questa casi, prevezione di scosse*, (англ.) *use of control, in these cases, prevention of shocks*.

Приведем примеры языковых формул из текстов на разных языках, что позволит нам, с одной стороны, проиллюстрировать их употребление, с другой — определить, какие смыслы являются наиболее важными с точки зрения составителей.

Языковые формулы в русских инструкциях: удаление программ, дистанционное управление, выключение телевизора, предохранительный механизм, установка батареек, кнопка воспроизведения, включение питания, предупредительные меры, предосторожности по безопасности, правила обращения, меры защиты, способ применения и т.д.; избегайте попадания, обращайтесь внимание, проверьте комплектность, установите в это положение, нажмите эту кнопку, выполнить операции, удалите крышку, не изгибайте диски, не подвергайте воздействию, не изменяйте и т.д.; при открывании, при нажатии, при угрозе, при выключении и т.д.; для изменения, для использования, для предотвращения, в случае сбоя, в этих случаях, следует закрывать, во избежание, надлежащим образом и т.д.

Языковые формулы во французских инструкциях: *l'exposition directe, le lecteur de disque, l'utilisation des commandes, au moment de déconnecter, les consignes de sécurité, les précautions de manipulatон, éviter l'installation, faire attention à, dans les cas suivants, quand l'appareil est déplacй, ne pas placer, lors de l'écoute, la mise en place, pour une meilleur utilisation, pour effectuer, la fenêtre d'affichage, la touche d'alimentation, en utilisant le boîtier etc.*

Языковые формулы в итальянских и английских инструкциях: *l'uso di comandi* (ит.), *use of control* (англ.); *in questa casi* (ит.), *in these cases* (англ.); *prevezione di scosse* (ит.), *prevention of shocks* (англ.); *consultare il rivenditore* (ит.), *consult your dealer* (англ.); *nei casi seguenti* (ит.), *in the following cases* (англ.); *per un migliore utilizzo* (ит.), *for better usage* (англ.); *per utilizzare* (ит.), *to use the remote control unit* (англ.); *no toque* (ит.), *do not touch* (англ.).

Данная иллюстрация частотности применения языковых формул обнаруживает то, что во всех рассматриваемых языках наиболее важными смыслами являются следующие: описание действий адресата, каузация действий, описание функций и характеристик предмета указаний. Наибольшее количество клише выражает смыслы, связанные с обеспечением безопасности. В этих разделах стандартизация проявляется как на уровне грамматических связей, так и на уровне лексики. Наиболее частотными являются конструкции с глаголами и отглагольными существительными, называющими действия, а также связки с отыменными предлогами и отглагольными существительными.

Стандартизация в построении предложений. Русский язык характеризуется свободным порядком слов, поэтому построение стандартизированного «указания» предполагает строгое соблюдение норм построения предложений. Целесообразность соблюдения норм построения предложений обусловлена несколькими причинами. Во-первых, повторяемость структуры предложения, как и повторяемость словосочетаний позволяет, не уделяя большого внимания форме, сосредоточиться на смысле. Во-вторых, развитие форм выражения определенного коммуникативного намерения закрепило наиболее эффективные формы. На уровне построения предложения эффективность форм определена особенностями человеческого восприятия. Н.Н. Шувалова отмечает, что «по законам зрительного восприятия при чтении всегда вторая часть смыслового целого воспринимается как более значимая» [Шувалова 2002: 229], поэтому «в

письменной речи существует специфический принцип линейной подачи информации, согласно которому сначала в предложение вводится вспомогательная информация, а затем основная, причем основная располагается после сказуемого” [Шувалова 2002: 231]. Этот вывод сделан на основе исследования русских текстов. А.Л. Пумпянский пишет: “Можно считать доказанным, что в русской письменной речи основная информация обычно располагается в конце предложения...” [Пумпянский 1974: 58].

Стандартными для инструкций являются повествовательные (для описательной части) и побудительные (для предписывающей части) конструкции. Повествовательные предложения представляют собой описание различных типов (сложные двусоставные распространенные, неполные, сложносочиненные, сложноподчиненные и т.д.). Описание должно отражать максимально подробно все необходимые детали объекта указания. Это обуславливает то, что в описательной части преобладают сложные конструкции. Однако каждый из элементов предложения является необходимым в структуре предложения, так как его отсутствие приведет к неадекватному пониманию. Побудительные предложения могут быть простыми и сложными, определенно-личными, условными, сложноподчиненными, односоставными, инфинитивными, отрицательными и т.д. Главным свойством всех конструкций предложений данного речевого жанра для всех языков являются следующие: 1) наличие таких текстообразующих средств, которые опредмечивают не всякие смыслы, а только те, которые имеют характер методологического указания, 2) сжатость и лаконичность: предложения включают минимальное число компонентов, необходимое для эффективного выражения смысла. Широкое употребление эллиптических конструкций в жанрах научно-технической литературы А.Л. Пумпянский объясняет стремлением избежать “...избыточности вспомогательной информации” [Пумпянский 1974: 53], которая несет в себе «реликты словесной эмоциональности” [Пумпянский 1974: 51].

Проведем горизонтальный анализ с целью иллюстрации сказанного и определения того, как преобразуются стандартные для русских инструкций структуры предложения в других языках.

Описательная часть: (сложные двусоставные распространенные) “использование органов управления для регулировок и выполнение процедур, не указанных в этой инструкции, может повлечь опасное воздействие излучения”, (фр.) “l’utilisation des commandes des réglages et effectuer des procédures autres que celles spécifiées dans ce manuel peut provoquer une explosion aux radiations dangereuse”, (ит.) “l’uso di comandi et procedure diversi da quanto specificato possono causare l’esposizione è radiazioni pericolose”, (англ.) “use of controls for adjustments and the performance of procedures other than those specified herein may result in exposure to hazardous radiation”; (неполные односоставные) (в разделе “*функции*”) “переключатель подъема уровня баса BASS BOOST”, (фр.) “commutateur BASS BOOST”, (ит.) “interruttore BASS BOOST”, (англ.) “BASS BOOST switch”;

Предписывающая часть: (определенно-личные отрицательные) “не помещайте кассетные ленты вблизи акустических систем”, (фр.) “ne pas placer de cassette près des haut-parleurs”, (ит.) “non posare nastri a cassetta in prossimità dei diffusori”, (англ.) “do not place cassette tapes near the speakers”; (сложноподчиненные) “при включении питания следует убедиться в нажатии кнопки”, (фр.) “pour couper l’alimentation s’assurer de bien appuyer sur la touche”, (ит.) “per spegnere il sistema, premere il tasto”, (англ.) “when switching off the power, be sure to press the button”; (условные) “если на линзе имеются отпечатки пальцев, осторожно сотрите их с помощью ватного тампона”, (фр.) “dans le cas de traces de doigts sur la lentille, essuyer doucement avec un coton-tige”, (ит.) “se sulla lente vi sono impronte digitali, pulire con delicatezza utilizzando un bastoncino ovattato”, (англ.) “if there are fingerprints on the lens, gently wipe clean with a cotton swab”; (односоставные) “подрегулируйте”, (фр.) “regler”, (ит.) “regolare”, (англ.) “adjust”.

В предписывающей части в качестве подзаголовка встречаются неполные и эллиптические восклицательные конструкции: (неполные конструкции) “для стирания ленты без произведения новой записи...”, (фр.) “pour effacer une bande sans faire de nouvel enregistrement...”, (ит.) “per cancellare un nastro senza eseguire una nuova registrazione”, (англ.) “to erase a tape without making a new recording”; (эллиптические конструкции) “очистка — это важно!”, (фр.) “le nettoyage est important!”, (ит.) “la pulizia è importante!”, (англ.) “cleaning is important!”.

Кроме того, в обеих частях встречаются одночленные предложения в качестве названий разделов (“функции”, (фр.) “caractéristiques”, (ит.) “caratteristiche”, (англ.) “features”; “содержание”, (фр.) “sommaire”, (ит.) “indice”, (англ.) “contents”; “включение” и т.д.), названий речевых действий автора (“примечания”, (фр.) “remarques”, (ит.) “note”, (англ.) “note”; “предупреждение”, (фр.) “précaution”, (ит.) “precauzione”, (англ.) “caution”; и т.д.), специальных слов, привлекающих внимание (“внимание”, (фр.) “attetion”, (ит.) “attenzione”, (англ.) “caution”; “осторожно”, (фр.) “danger”, (ит.) “pericolo” (англ.) “danger”).

Несоблюдение требований ГОСТа к составлению инструкции преследуется по закону. Это обстоятельство обусловлено тем, что покупатель и производитель товара вступают в официальные взаимоотношения, определенные инструкциями. Официальность этих взаимоотношений заключается в том, что возможный конфликт между адресатом (покупателем) и автором (производителем-заказчиком инструкции) может быть разрешен судом только в том случае, если между коммуникантами заключен договор, представляющий интересы как автора, так и адресата. Таким договором является инструкция. Поскольку этот договор составляется лицом заинтересованным (производителем), то интересы адресата его обязывает соблюдать наадресат (организация,

осуществляющая контроль документооборота). Этим реализуется функция наадресата инструкции.

Стандартизация на уровне текста. По мнению П.В. Веселова, унификация текста документа целесообразна с нескольких точек зрения: “экономической” (унификация упрощает составление), “психологической” (унификация повышает интенсивность восприятия), “правовой” (унификация предусматривается ГОСТами), “технической” (проще обработать на компьютере) [Веселов 1982]. Тексты “указаний” строго стандартизированы и унифицированы.

Согласно М.М. Бахтину, речевой жанр есть форма текста, обусловленная особенностью темы, стиля и композиции [Бахтин 1986, 1996]. Если стандартизация на уровне слова, словосочетания и предложения характеризует стилистические особенности “указаний”, обнаруживая их принадлежность к официально-деловому стилю, то стандартизация на уровне текста, помимо стилистических особенностей данных текстов, определяет их тематические и композиционные характеристики. Тематические особенности представляют собой типическое содержание текста. Таким образом, говоря о теме “указания”, мы говорим о типическом содержании как о форме текста, следовательно, содержание, так же как стиль и композиция, является формальной особенностью. Отличие темы инструкции состоит в том, что на уровне дальней периферии ее типическим содержанием является побуждение — каузация действия, на уровне “указания” побуждение конкретизируется и становится стандартизованным. Стандартизация темы “указания”, как и стилистические особенности лексики и синтаксиса, обусловлена рассматриваемым иллокутивным условием “указаний”, а именно потребностью в оптимизации их составления и восприятия. Это продиктовано основным условием употребления “указания” — ориентацией коммуникантов на обязательную положительную перлокуцию. Таким образом, тема “указания” должна включать такую

информацию, которая максимально эффективно служит выражению коммуникативного намерения, следовательно, должна включать необходимые элементы содержания и исключать лишние.

Т.В. Кузнецова отмечает: “В тексте документа легко выделить две смысловые части: в одной излагаются причины, цели создания документа..., а в другой даются выводы, просьбы, распоряжения” [Кузнецова 1991: 35-36]. Данная особенность “указания” в инструкции представлена наличием в тексте описательной и предписывающей частей.

Учебник “Делопроизводство и техническая документация” приводит такие требования к теме “указаний”: “Документ должен отражать объективную действительность, поэтому первое требование к документу — правдивое, точное, достоверное освещение событий. Формулировки документа должны быть безупречными в юридическом отношении, текст не должен допускать двояких толкований. Одно из главных требований к любому документу — максимальная краткость при полноте информации” [Кузнецова 1991: 35]. Экономичность в средствах выражения, краткость и простота конструкций являются формальным воплощением такой содержательной характеристики инструкции, как высокая степень кооперативности. Согласно О.А. Гулыге, “при гарантированно высокой степени кооперативности говорящих эксплицитность в кодировании ментальной сферы имеет тенденцию убывать независимо от коммуникативной значимости референта” [Гулыга 1991: 81].

Стандартизация типического содержания “указаний” определена на адресатом, который предусматривает только необходимые для достижения коммуникативных целей “указаний” содержательные компоненты. Так, ГОСТ 6.38-90 “Требования к оформлению документов” определяет 31 информационную единицу (“реквизит”), составляющих тему “указания”: 1) Государственный герб, 2) эмблема организации, 3) изображение наград, 4) код предприятия по ОКПО, 5) код предприятия по

(ОКУД), 6) наименование министерства или ведомства, 7) наименование учреждения организации или предприятия, 8) наименование структурного подразделения, 9) адрес предприятия, номер телефакса, телефона, номер счета в банке, 10) название вида документа, 11) дата, 12) индекс, 13) ссылка на индекс и дату входящего документа, 14) место составления или издания документа, 15) гриф ограничения доступа к документу, 16) адресат, 17) гриф утверждения, 18) резолюция, 19) заголовок к тексту, 20) отметка о контроле, 21) текст, 22) отметка о наличии приложения, 23) подпись, 24) гриф согласования, 25) визы, 26) печать, 27) отметка о заверении копий, 28) фамилия исполнителя и номер его телефона, 29) отметка об исполнении документа и направлении его в дело, 30) отметка о переносе данных на машинный носитель, 31) отметка о поступлении [Кузнецова 1991: 20-21].

Данный стандарт дает максимальный набор реквизитов. В конкретном “указании” реквизитов будет меньше. Например, отметка об исполнителе (реквизит 28) входит в документ только тогда, когда важна оперативная связь с тем, кто готовил документ. Это, как правило, исходящие документы — справки, заключения, письма и т.д. Инструкция является документом, входящим в унифицированную систему организационно-распорядительных документов, оформление которых регулируется ГОСТом 6.38-90, предусматривающим ее реквизиты и их расположение.

В данном перечне текст рассматривается как отдельный реквизит. Рассмотрение инструкции как жанра предполагает, что вся совокупность реквизитов является композиционной моделью текста. Стандарт описательной и предписывающей частей также предусмотрен требованием ГОСТа. ГОСТ 2.601-68 устанавливает комплектность и правила составления эксплуатационных документов на изделия всех отраслей промышленности. Мы рассмотрим требования к составлению “инструкции по эксплуатации”, поскольку этот документ предполагает максимальный набор реквизитов. Для

изделий индивидуального производства разрешается менять список реквизитов по требованию заказчика инструкции.

Для описательной части ГОСТ 2.601-68 предусматривает следующие реквизиты: введение, назначение, технические данные, состав изделия, устройство и работа изделия, устройство и работа составных частей изделия, контрольно-измерительные приборы, инструмент и принадлежности, размещение и монтаж, маркировка и пломбирование, тара и упаковка, приложения [ГОСТ 2.601-68: 10-12]; (предписывающая часть): введение, общие указания, указания мер безопасности, порядок установки, измерение параметров, регулирование и настройка, проверка технического состояния, характерные неисправности и методы их устранения, техническое обслуживание, правила хранения, транспортирование, порядок перемещения своим ходом, приложения [ГОСТ 2.601-68: 14].

Проведем параллельный анализ с целью выявления того, как указанные реквизиты реализуются в “Инструкции по эксплуатации портативной системы RC-BX25BK”, представленной на русском, французском, итальянском и английском языках. Реквизиты, присутствующие в текстах всех языков, мы приводим только на русском языке, поскольку нас интересуют не языковые эквиваленты, а факт наличия или отсутствия реквизита в тексте того или иного языка. Поскольку последовательность реквизитов в исследуемых текстах не соответствует той последовательности, которая предусмотрена ГОСТом, а реквизиты раздела описания и предписания смешаны, рассмотрение реквизитов мы осуществляем согласно порядку их расположения в тексте.

Реквизит “введение” присутствует в текстах всех языков. Поскольку цель заказчика состоит не только в том, чтобы донести до адресата информацию относительно использования продукта (ближняя цель), но и в том, чтобы повысить продажи изделия (дальняя цель), введение начинается обращением к адресату *Дорогой покупатель!* и словами благодарности

Благодарим за приобретение этого изделия, а также просьбой ознакомиться с инструкцией (при этом единственный раз в тексте используется вводное слово *пожалуйста*). Далее следует реквизит “содержание”, называющий разделы текста и страницы их расположения в документе. Тематика и количество разделов совпадают в текстах всех языков. Далее следует реквизит “общие указания”. В нем сообщается о предосторожностях, которым необходимо уделить особое внимание (в данном тексте — сообщение о лазерном излучении). В этом разделе употребляются слова *осторожно, внимание, важно*. Затем следует реквизит “назначение”, обозначенный в тексте заголовком *Функции*. Следующий реквизит “указания мер безопасности” представлен во всех текстах двумя разделами с заголовками *Предосторожности при эксплуатации* и *Предосторожности по безопасности*. Далее следует реквизит “инструмент и принадлежности”, обозначенный в тексте *Источники питания*, снабженный подразделом “*Предосторожности при использовании батареек*”.

Реквизит “состав изделия” в тексте представлен разделом *Наименование деталей и их функции*. Следующий реквизит “устройство и работа составных частей изделия” назван *Пульт* (единственной составной частью системы является пульт дистанционного управления). Реквизит “устройство и работа изделия” представлен в тексте такими разделами, как *Включение, Воспроизведение компакт-дисков, Воспроизведение кассеты, Запись*. Затем следует реквизит “техническое обслуживание”, названный *Обслуживание*. Реквизит “характерные неисправности и методы их устранения” представлен в тексте разделом с заголовком *Отыскание неисправностей*. Реквизит “правила хранения” в тексте не представлен специальным разделом, а вынесен в примечание. Завершает инструкцию реквизит “технические данные”. Кроме того, на обложке документа расположен реквизит “маркировка”. Информация, предполагаемая реквизитами “транспортирование”, “порядок перемещения своим ходом”,

“порядок установки”, “размещение и монтаж”, представлена разделами *Предосторожности при эксплуатации* и *Предосторожности по безопасности*. Информация реквизита “регулирование и настройка” соответствует информации раздела *Включение*. Реквизиты “контрольно-измерительные приборы”, “тара и упаковка”, “приложения”, “измерение параметров”, “проверка технического состояния” в данном тексте не находят своего применения, поскольку для эксплуатации изделия данная информация не требуется.

Особенности композиции инструкции обусловлены стандартизацией на уровне структуры документа. Так, ГОСТ 6.38-90 устанавливает не только количество реквизитов, но и их расположение (приведенные выше реквизиты расположены в указанном ГОСТом порядке). ГОСТ 1.5-85 определяет стандарт абзацирования, согласно которому, тексты делятся на разделы, подпункты, которые нумеруются арабскими цифрами. Номер пункта состоит из номера раздела, подраздела и пункта, разделяемых точкой, например: 1.2.1, 1.2.2, 1.4.3 и т.д. Таким образом, в документе “каждая новая мысль должна начинаться с абзаца” [Кузнецова 1991: 36]. ГОСТ 1.5-85 (п. 1.4.6) рекомендует для “наглядности и сравнения показателей” в тексте документа применять таблицы. Существует стандарт носителя (большинство служебных документов... оформляется на бумаге формата А4 (210x297) и А5 (248x210).

Целесообразность стандарта композиции инструкции является не только способом оптимизации ее создания и понимания, но и формальным воплощением условия объективности отражения действительности. Так, стандартизация абзацирования, нумерации, оформления таблиц и требование к носителю удовлетворяет условию оптимизации создания и понимания документа. Например, требование “начинать новую мысль с абзаца”, применительно к инструкции, обусловлено тем, что данное “указание” представляет собой своего рода диалог, при котором адресат отвечает на

побуждения автора выполнением каузируемого действия. Следовательно, вынесение нового побуждения в отдельный абзац соответствует как принципу объективности, так и принципу эффективности. Расположение реквизитов в строго фиксированном порядке соответствует алгоритму действий адресата, например, предписывающий раздел инструкции всегда следует за разделом описательным. Определение ГОСТом стандарта составления “указания” мы понимаем как реализацию 8-й характеристики иллокуции “указаний” — информирующей функции импульса каузации наадресата.

Несоблюдение требований ГОСТа к составлению документов преследуется по закону (реализация 4-й характеристики иллокуции).

2. Конвенциональность. Эта характеристика обусловлена тем, что взаимоотношения субъектов всех “указаний” определены договором или комплексом договоров, который мы называем наадресатом. Вследствие чего “указания” функционируют в речи субъектов договорных отношений, которыми являются сотрудники организаций и предприятий, учащиеся и учебные заведения, граждане и государство. Так, участники речевого жанра приказа находятся в деловых отношениях, которые регулируются уставом той организации, в рамках которой их отношения являются деловыми. Субъекты речевого жанра инструкции состоят в отношениях, регулируемых нормативным актом предприятия или организации. Кроме того, любое физическое лицо, будучи гражданином какого-либо государства, находится в правовых отношениях с государственными организациями, а также добровольно вступает в деловые отношения с юридическими лицами. Например, при покупке товара выдается чек, свидетельствующий о том, что покупатель и продавец вступили в деловые отношения. Все эти отношения регулируются законодательством, нормативными актами, которые определяют нормы взаимоотношений, в том числе и коммуникативных, а именно, устанавливают набор речевых жанров, которые обеспечивают

деловую основу коммуникации. Одним из речевых жанров, рекомендуемых для деловой коммуникации, является инструкция.

Другим речевым жанром, функционирующим в речи субъектов договорных отношений, является деловое предложение. Деловое предложение отличается от других “указаний” тем, что не предполагает отношений субординации между коммуникантами (совет предполагает эти отношения в меньшей мере, чем приказ). Так, устав предприятия или государственный законодательный акт предусматривают данный речевой жанр для решения общих проблем. Поскольку конвенциональность обуславливает остальные 19 характеристик ближней периферии “указаний”, формальным воплощением данной содержательной характеристики является совокупность формальных воплощений, подчиненных ей содержательных характеристик иллокуции “указаний”. Так, конвенциональность инструкции формально реализуется употреблением терминологии, конвенциональной по своей природе.

3. Функция идентификации социальной группы. Эта функция реализуется лексической стандартизацией особого рода. Данная стандартизация отличается от формально-содержательной стандартизации отраслевой терминологии. Она предполагает употребление таких слов, которые возможны только в канцелярской речи, под которой мы понимаем речь людей, вступивших в деловые отношения, тогда как для речи разговорной они являются нестандартными. Такими терминами, характерными только для официальной речи, являются канцеляризмы. Лингвистический энциклопедический словарь определяет канцеляризмы как “слова, устойчивые словосочетания, грамматические формы и конструкции, употребление которых в литературном языке закреплено традицией за официально-деловым стилем, особенно за канцелярско-деловым подстилем” [ЛЭС 1990]. О том, что канцеляризмы выполняют функцию маркеров официального стиля речи, свидетельствует неуместность их употребления в

разговорно-бытовом стиле. Например, употребление канцеляризмов “ознакомиться” и “соответствующий” при бытовом общении противоречит языковой норме. Относительно правил употребления канцеляризмов Л.В. Щерба пишет следующее: “В отличие от традиционного употребления, при неуместном применении вне рамок официально-делового стиля стилистическая окраска канцеляризма может вступить в конфликт с его окружением; такое употребление принято рассматривать как нарушение стилистических норм или как средство характеристики персонажа в художественной литературе, как сознательный стилистический прием” [Щерба 1957]. Употребление канцеляризмов есть соблюдение стилистических норм речи, которые в свою очередь отвечают этическим нормам внелингвистического поведения.

Корреляция стилистических особенностей высказывания (план выражения) и этических норм речевых взаимоотношений (план содержания) представляется следующей. Успех коммуникации, как официальной, так и обыденной, обеспечивается активным речевым сотрудничеством (соблюдением принципа “кооперации”), обязательным условием которого является демонстрация взаимного уважения (соблюдение принципа “вежливости”). Одной из максим принципа вежливости является “максима такта, учитывающая границы личной сферы коммуникантов и фактор дистанции” [Каспарова 2002: 88]. Если при официальных взаимоотношениях проявлением уважения является соблюдение дистанции, то при отношениях неофициальных об уважении свидетельствует сокращение дистанции. Нейтральная окраска канцеляризмов сигнализирует о том, что между коммуникантами существует дистанция, что объясняет целесообразность (всякая целесообразность есть необходимость) их употребления в официально-деловом регистре и конфликтность использования в разговорно-бытовом регистре. Таким образом, употребление канцеляризмов есть формальное проявление принципа вежливости, который в отношении

инструкции реализуется соблюдением речевой дистанции между коммуникантами.

Приведем список наиболее частотных в “указаниях” канцеляризмов: во избежание, для предотвращения, в соответствии с, в зависимости от, по истечении, посредством, при помощи, относительно, при необходимости, таким образом, вследствие, в случае несоблюдения, как правило, в указанном порядке, следует, регулярно, дважды, возможно, параллельно с, в противном случае, необходимо, затем, располагаться, являться достаточным, соответствовать, соответствующий модификации, данный, отсутствовать, ознакомиться, приводиться (в действие), приступить, рекомендовано, осуществляться, удалить, следовать, наименование, присвоить, требовать, последовательный, увеличить, уменьшить, ниже(выше)приведенный, текущий, доступ к, оптимизация, настоящий, поместить, изображение, режим, отсутствие, быть доступным, подвергнуть, повреждение, требуемый, чрезмерно, причинять, выполнить, инициироваться, ухудшаться, приводить к, функционирование, возобновлять, без уведомления, приготовиться и др.

Функция идентификации социальной группы, свойственная языку любых специальных коллективных образований, объясняется отмеченным М.М. Володиной “стремлением к профессиональному “языковому корпоратизму”, то есть... весьма распространенным желанием специалистов в какой-либо отрасли противопоставлять “свой” язык языку “непосвященных”...” [Володина 2000: 79]. Исследователь отмечает, что “...[терминология] является одним из каналов интеллектуальной коммуникации, поскольку основная задача термина — обеспечивать эффективность профессионально-научного (специального) общения” [Володина 2000: 20]. Таким образом, термин характеризует язык социальной группы людей, вступивших в интеллектуальную коммуникацию.

Гипо-гиперонимические отношения русских и французских слов указывают на то, что на лексическом уровне функция социальной

дифференциации речевого жанра инструкции в русском языке является выраженной ярче, чем во французском, итальянском и английском языках. Кроме того, если принадлежность русских клише к официально-деловому стилю выражена отчетливо, то стилистические границы, в которых функционируют иностранные словосочетания, являются менее четкими. Следовательно, на уровне языковых формул функция социальной идентификации речевого жанра инструкции в русском языке также выражена отчетливее, чем в рассматриваемых иностранных языках.

Итак, функция социальной дифференциации на языковом уровне реализуется использованием канцеляризмов. Согласно Г.С. Каспаровой, “...принцип вежливости [с которым коррелирует функция социальной идентификации] находит свое выражение в речевом этикете, но на самом деле сфера его действия значительно шире... В деловой речи ... он реализуется не только на лексическом уровне, но и на уровне композиции и выбора реквизитов письма” [Каспарова 2002: 88]. Реализацию данной функции на других уровнях мы рассмотрим ниже.

4. Нормативность. Официальная основа взаимоотношений субъектов инструкции обуславливает их нормативность, которая определяет права и обязанности коммуникантов. Таким образом, субъекты “указаний” предварительно являются субъектами договорных отношений. При этом субъектами договорных отношений являются государство и гражданин. В данном случае договорные отношения определены актами гражданского состояния. “Акты гражданского состояния — действия граждан или события, влияющие на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей, а также характеризующие правовое состояние граждан” [Свод Кодексов и Законов Российской Федерации: акты гражданского состояния 2003: 113]. Акты гражданского состояния заключаются между гражданином и государством посредством их регистрации органами государственной власти. “Государственной регистрации в порядке, установленном настоящим

Федеральным законом, подлежат акты гражданского состояния: рождение, заключение брака, расторжение брака, усыновление (удочерение), установление отцовства, перемена имени и смерть” [СКЗРФ 2003: 113]. При коммуникации субъектов, чьи отношения определены актами гражданского состояния, в качестве побуждений употребляются “указания”. В свою очередь, само требование заключения акта гражданского состояния является “указанием”, обусловленным конвенцией, в качестве которой выступает Федеральный закон, устанавливающий порядок государственной регистрации: “Законодательство об актах гражданского состояния состоит из настоящего Федерального закона, основывающегося на положениях Гражданского кодекса РФ, Семейного кодекса РФ, и принимаемых в соответствии с ним правовых актов РФ” [СКЗРФ 2003: 113]. В качестве общих положений об актах гражданского состояния в Своде Кодексов и Законов РФ определены следующие: “Настоящий Федеральный закон определяет: органы, которые производят государственную регистрацию актов гражданского состояния; порядок государственной регистрации актов гражданского состояния” [СКЗРФ 2003: 113].

Данные положения являются формальным воплощением 8-го условия иллокуции “указаний”. При этом если первое положение есть проявление регламентирующей и каузирующей функций импульса каузации на адресата, то второе положение является формальной реализацией информирующей функции. Таким образом, условие нормативности формально реализуется не в стилистических или композиционных особенностях текста, а в его содержательных особенностях. Таким образом, формальное воплощение условия нормативности реализуется присутствием в тексте “указаний” информационных блоков, сообщающих о правах и обязанностях коммуникантов. При этом присутствие данной информации есть реализация регламентирующей и каузирующей функций на адресата.

Регламентирующая функция на адресата, или конвенции (в данном

случае Федерального закона), проявляется указанием на органы, производящие регистрацию. Каузирующая функция надресата реализуется посредством сообщения об ответственности коммуникантов за нарушение порядка регистрации или отказ от нее (нарушение стандартного сценария "указания"). Например, в Своде сказано: "ответственность за правильность государственной регистрации актов гражданского состояния, качество составления записей актов гражданского состояния возлагается на руководителя соответствующего органа записи актов гражданского состояния" [СКЗРФ 2003: 114]. Положения о порядке регистрации, включающие информацию о данных, подлежащих внесению, требованиях к формам бланков, языке регистрации и другие сведения, представляют собой формальную реализацию информирующей функции надресата.

Взаимоотношения покупателя и продавца регулируются Гражданским кодексом РФ, а также договором купли-продажи. В Законе приведен список речевых жанров, необходимых для коммуникации людей, чьи отношения обусловлены договором купли-продажи. Так, относительно обязанности продавца в Кодексе сказано следующее: "Если иное не предусмотрено договором купли-продажи, продавец обязан одновременно с передачей вещи передать покупателю ее принадлежности, а также относящиеся к ней документы (технический паспорт, сертификат качества, инструкцию по эксплуатации и т.п.), предусмотренные законом, или правовыми актами, или договором" [СКЗРФ 2003: 218]. Данное положение Кодекса есть не что иное, как требование употреблять стандартные речевые жанры, целесообразность которого состоит в том, что оно удовлетворяет другому требованию Кодекса, а именно требованию о "предоставлении покупателю информации о товаре". Так, статья 494 Гражданского кодекса РФ "Предоставление покупателю информации о товаре" устанавливает следующее: "Продавец обязан предоставить покупателю необходимую и достоверную информацию о товаре, предлагаемом к продаже, соответствующую установленным законом,

иными правовыми актами и обычно предъявляемым в розничной торговле требованиям к содержанию и способам предоставления такой информации” [СКЗРФ 2003: 223]. Данная статья является реализацией каузирующей и регламентирующей функций импульса каузации наадресата. Сущность первой состоит в том, что наадресат обязывает продавца давать “указание”, в данном случае инструкцию, второй — в том, что продавец (“автор” / “заказчик” инструкции) получает полномочия давать “указание”. При этом в Кодексе приводится положение об ответственности продавца за непредоставление информации: “Продавец, не предоставивший покупателю возможность получить соответствующую информацию о товаре, несет ответственность и за недостатки товара, возникшие после его передачи покупателю, в отношении которых покупатель докажет, что они возникли в связи с отсутствием у него такой информации” [СКЗРФ 2003: 223]. Данное положение обнаруживает то, что наадресат “указания” предполагает ответственность продавца (реализация каузирующей функции наадресата). Следующее положение Кодекса обеспечивает право покупателя: “Если покупателю не предоставлена возможность незамедлительно получить в месте продажи информацию о товаре... он вправе потребовать от продавца возмещения убытков...” [СКЗРФ 2003: 223] (реализация информирующей функции импульса каузации наадресата). При этом данное требование не только обуславливает обязанность продавца и права покупателя, но и возлагает на последнего встречные требования. Так, своевременное предоставление покупателю объективной информации о правилах пользования товаром возлагает ответственность на покупателя за ненадлежащее его использование. В данном случае продавец вправе отказать покупателю в бесплатном гарантийном ремонте. Так, статья 476 Кодекса сообщает, что “продавец отвечает за недостатки товара, если не докажет, что недостатки товара возникли после его передачи покупателю вследствие нарушения покупателем правил пользования товаром или его хранения...”

[СКЗРФ 2003: 221]. Таким образом, продавец заинтересован в том, чтобы у покупателя была информация о товаре, при этом данная информация должна быть представлена документом (инструкцией). Последнее требование обусловлено тем, что факт наличия документа позволяет наадресату разрешать возможные правовые разногласия между продавцом и покупателем.

Итак, нормативность является иллокутивной характеристикой “указания”, сущность которой заключается в том, что употребление “указания”, с одной стороны, наделяет коммуникантов правами, с другой — возлагает на них ответственность. При этом нами было отмечено, что возложение ответственности есть проявление каузирующей функции импульса каузации наадресата, тогда как предоставление права есть реализация информирующей функции. Поскольку формальное воплощение нормативности проявляется не на стилистическом и композиционном, а на содержательном уровне, данная характеристика реализуется в текстах “указаний” присутствием в ней информации о правах и обязанностях коммуникантов. Так, ответственность автора за объективность предоставляемой информации формально представлена таким реквизитом, как “триф утверждения”.

5. Избыточность внешнего побуждающего аргумента. В текстах “указаний”, как правило, отсутствуют внешние аргументы каузации, поскольку выполнение каузируемого действия определено конвенцией. Как было показано выше, такие характеристики иллокуции “указания”, как нормативность и импульс каузации наадресата, обязывают адресата выполнять каузируемое действие. Выполнение данного обязательства реализует его права. Например, соблюдение инструкции дает право на бесплатный гарантийный ремонт, замену и т.д., тогда как невыполнение действия, например, приказа, возлагает ответственность. Например, статья 37 “Исполнение обязанностей военной службы” Федерального закона РФ “о

воинской обязанности и военной службе” сообщает: “Военнослужащий, а также гражданин, проходящий военные сборы, считаются исполняющими обязанности военной службы в случаях... выполнения приказа или распоряжения, отданных командиром (начальником)...” [СКЗРФ 2003: 136]. Приведем примеры инструкций, иллюстрирующие эту характеристику. Формальное воплощение данной иллокутивной характеристики проявляется как на содержательном, так и на собственно языковом уровне. Так, на уровне содержания избыточность внешнего побуждающего аргумента проявляется его отсутствием: инструкции ограничиваются названием каузируемого действия без указания причин. Например, “нажмите кнопку pr- телевизора и держите ее нажатой в течение нескольких секунд, пока не появится меню” (инструкция); “appuyez plusieurs secondes sur la touche pr- du téléviseur jusqu’à l’apparition du menu” (фр.). В данных “указаниях” отсутствует объяснение того, почему необходимо “удерживать кнопку”, так как нормативность, с одной стороны, обеспечивает права адресата (в случае выполнения), с другой — возлагает ответственность на автора за необъективность информации, что обеспечивает доверие адресата к информации. Таким образом, информация, свидетельствующая о необходимости выполнения действия, в качестве дополнительного внешнего аргумента в инструкциях является избыточной. Эта характеристика воплощается и на языковом уровне отсутствием побудительных грамматических конструкций, указывающих на причину необходимости выполнения действия. Так, текстам “указаний” не свойственны сложноподчиненные предложения: 1) с придаточными причинными, а также союзов *потому что, так как, ввиду того что, вследствие того что, в силу того что, благодаря тому что*; 2) с придаточными следственными, так как в главной части этих предложений выражается следствие. Однако для “указаний” свойственно объяснение цели. Так, в приказе указание на цель дается в заголовке: “Об утверждении...”, “Об итогах...”, “О внедрении...”, “О мерах...” и т.д. В инструкциях цель

указывается не только в заголовках и подзаголовках (“Организация программ”, “Другие подключения” и т.д.; (фр.) “Classement des chaînes”, “Autres raccordements и т.д.), но и перформативно (“Во избежание повреждения компонентов из-за перегрева необходимо соблюдать следующее”, “Рекомендуем до окончания настройки телевизора не подключать к нему других устройств”; (фр.) “Nous vous conseillons de ne pas raccorder au téléviseur vos autres appareils afin de ne pas compliquer la procédure d’installation par des manipulations supplémentaires”). Таким образом, для инструкций характерны, наряду с простыми побудительными конструкциями (“войдите в установочное меню”), сложноподчиненные с придаточными целевыми и союзами *чтобы, для того чтобы, с целью*, а также с придаточными условными (при указании на ситуацию как на причину) и метасловами *в случае, при условии* и союзом *если*.

Однако условие отсутствия (избыточности) внешнего дополнительного каузирующего аргумента при формальном воплощении в текстах инструкций реализуется нерегулярно. Так, когда нужно сделать акцент на необходимости выполнения каузируемого действия, применяются внешние аргументы, которые реализуются: 1) на уровне содержания — “Во время грозы, чтобы избежать электрических или электромагнитных перегрузок, *которые могут вызвать повреждение телевизора*, рекомендуется отключить его от сети и вынуть антенный штекер из гнезда”; 2) на уровне языкового воплощения — применением сложных предложений с придаточными пояснительными, а также на экстралингвистическом уровне, когда в качестве дополнительного каузирующего аргумента выступают различные экстралингвистические средства, такие как иконические знаки, привлекающие внимание (например, восклицательный знак, галочка), а также цвет, крупный и жирный шрифты.

Условие 5 (избыточность внешнего аргумента) имеет общее формальное воплощение и тесно связано с такими содержательными характеристиками иллокуции “указаний”, как условия 6 (импульс каузации

наадресата), 7 (избыточность каузации со стороны автора: автор выполняет только информирующую функцию и служит проводником импульса каузации наадресата), 8 (импульс каузации наадресата выполняет каузирующую, информирующую и регламентирующую функции), 9 (стабильность показателей объективных (принадлежность импульса каузации) и субъективных (показатели заинтересованности и оценки целесообразности) характеристик), 10 (нейтральность субъективных характеристик иллюкуции), 14 (объективность внутренних аргументов каузации, обусловленная конвенцией), 15 (абсолютная релевантность внутренних аргументов для адресата, обусловленная конвенцией), 12 (некритичность отношения адресата к каузируемому действию), 13 (осознание необходимости выполнения каузируемого действия: абсолютная заинтересованность и оценка целесообразности), 11 (ожидаемость предписаний адресатом и предварительная готовность их выполнения), 16 (отсутствие объективных и субъективных сдерживающих факторов), 17 (независимость перлокуции от характера межличностных отношений), 18 (предсказуемость речевого сценария), 19 (фиксированность речевых ролей).

Полагаем, что все характеристики иллюкуции “указаний”, связанные с конвенциональностью, являются взаимообусловленными, следовательно, имеют общее формальное воплощение.

Последняя, определенная нами иллюкутивная особенность речевого жанра инструкции, — инкорпорация — характеризует его онтологический аспект. Инкорпорация как представление коммуникантов о каузируемом действии как о составном элементе корпуса действий есть характеристика не каузации, а того действия, к которому побуждают. Однако, поскольку представление о типическом действии, каузируемом инструкцией, является неотъемлемой частью понятия данного речевого жанра, характеристика типического действия является особенностью самого побуждения. Отличие инкорпорации от других иллюкутивных свойств “указания” состоит в том,

что оно характеризует иллюкцию опосредованно — через особенности того действия, к которому побуждают.

Итак, инкорпорация характеризует инструкцию на том основании, что отношения субъектов определены предварительной конвенцией, которая заключается не просто для регулирования отношений, а для координации совместных действий с целью достижения определенного результата. То есть целесообразность договора — конечный результат сотрудничества. Из этого следует, что каждое из действий, совершаемых субъектами договорных отношений, в том числе и речевых, является лишь одним этапом всех действий при достижении конечной цели. Таким образом, инструкции даются с целью выполнения какого-либо действия, при этом целесообразность этого действия в том, что оно служит достижению основной цели, ради которой была заключена конвенция.

На содержательном уровне эта особенность проявляется в том, что “указания” — приказы, инструкции и предложения — издаются под заголовком, сообщающем о содержании документа. Заголовок документа отвечает на вопрос “о чем?”. Следовательно, документ координирует какое-то одно действие из общего числа. Так, наряду с приказом с заголовком “О внедрении” может быть отдан приказ “Об итогах”, “О мерах” и т.д. На заседании может быть вынесены одновременно несколько предложений (“Об избрании”, “Об утверждении” и т.д.). В названиях инструкций указывается тот аспект работы, относительно которого они даются: “...по эксплуатации”, “...по монтажу”, “...по ремонту” и т.д. Таким образом, содержание заголовка есть формальное отражение того, что каузируемое инструкцией действие является одной операцией из всей совокупности. Если заголовок не информирует об аспекте действительности, относительно которого даются “указания”, то такая информация вводится в текст сложными предложениями с придаточными целевыми. Так, после заголовка текст

начинается с указания цели документа: “В целях повышения эффективности мероприятий по общественной безопасности...”

Данная иллокутивная характеристика находит свое формальное воплощение и на уровне композиции инструкции: текст инструкции сегментирован. При этом каждый сегмент — раздел, пункт, подпункт — является инструкцией в инструкции и каузирует выполнение действия, которое является отдельным элементом всей работы. Так, разделы с заголовками “Подключение”, “Установка”, “Организация программ” и т.д. являются отдельными этапами эксплуатации телевизора.

2.3. Особенности русскоязычной инструкции: отличие от инструкций на французском, итальянском и английском языках

Сопоставив тексты инструкций на русском, французском, итальянском и английском языках, мы обнаружили идентичность конструкций предложений, которые однако употребляются в разных языках в неодинаковых пропорциях. Так, в инструкциях на русском языке побуждения чаще выражаются императивными, прохибитивными, возвратными и аналитическими инфинитивными конструкциями, тогда как во французском и итальянском языках преобладают инфинитивные конструкции в утвердительной и отрицательной формах.

При параллельном сопоставлении выявилось, что на разных языках один и тот же смысл передается разными побудительными конструкциями. Так, если русский текст содержит два инфинитива “нажать и держать”, то в других языках этот смысл передается иначе: в итальянском и английском вариантах сохраняется только первый инфинитив, тогда как второй заменяется на обстоятельство “*premere a lungo*” (ит.), “*hold down*” (англ.), на французском языке данный смысл передается субстантивом с определением “*long pression*”; побуждение русскоязычной инструкции, выраженное личной

императивной конструкцией (“откройте крышку батарейного отсека”), во французском и итальянском текстах представлено инфинитивными конструкциями “*ouvrir le compartiment des piles*” (фр.), “*aprire il coperchio del vano batterie*” (ит.); аналитический инфинитив в русском “при включении питания *следует убедиться* в нажатии кнопки (standby / on)” заменяется на простой инфинитив “*pour couper l'alimentation s'assurer de bien appuyer sur la touche* (standby / on)” (фр.), “*per spegnere il sistema, premere il tasto* (standby / on)” (ит.) и императив “when switching off, be sure to press the(standby / on) button” (англ.) и т. д.

Семантической особенностью инфинитивного побуждения В.В. Виноградов назвал “выражение безапелляционного приказа, категорического постановления, распоряжения” [Виноградов 1972: 275]. Эту же особенность инфинитива отмечает В.М. Брицин: “Рассмотрение наиболее типичных... функций [инфинитивных предложений] говорит об абсолютном преобладании случаев семантики приказа” [Брицин 1990: 251]. Согласно Г.А. Золотовой, “...с какой бы интонацией не произносились эти повеления, вплоть до самой резкой, все императивные формы сочетаются с вежливым словом “пожалуйста”, инфинитивные же не сочетаются” [Золотова 2001: 145], и далее: “Возможность волеизъявления в инфинитивной форме обусловлена определенными отношениями между говорящим и адресатом: они предполагают социальное превосходство говорящего, право требовать, официальное или ситуативное, в военно-административном быту или домашнем” [там же]. Такое формальное отличие русскоязычных инструкций от инструкций на иностранных языках, как преобладание инфинитивных конструкций над финитными, обуславливает содержательное отличие речевого жанра инструкции в русском языке, а именно его большую императивность [Рехтин 2003б: 108].

Особенности употребления терминов в текстах русских и иноязычных инструкций обусловлены различием в семантике русских и иностранных

терминов, на которую обращает внимание В.Г. Гак: “одному французскому слову в русском языке соответствует несколько слов, уточняющих различные стороны явления (понятия)” [Гак 1983: 249]. Сопоставление терминов показывает, что подобные отношения наблюдаются при сравнении русских терминов с итальянскими и английскими. Так, мы видим, что словам *chaîne* (фр.), *canale* (ит.) и *channel* (англ.) соответствуют два русских — программа и канал, словам *la prise* (фр.), *la presa* (ит.), *socket* (англ.) соответствуют термины “гнездо” и “разъем”. Технический термин “цветность” в иноязычных инструкциях обозначается широко распространенным словом “цвет” *couleur* (фр.), *colore* (ит.), *colour* (англ.) и т.д. Таким образом, между значениями русских терминов, с одной стороны, и значениями французских, итальянских и английских слов, с другой стороны, наблюдаются гипо-гиперонимические отношения. Данное явление идеографической конкретизации русских терминов тесно связано с явлением функционально-стилистической конкретизации, которое проявляется в том, что “одному слову соответствует в другом языке ряд слов, относящихся к разным функциональным стилям речи” [Гак 1983: 252]. Вслед за В.Г. Гаком, мы отмечаем, что “нередко во французском языке одно и то же слово функционирует и как общеупотребительное стилистически нейтральное слово, и как специальный научно-технический термин” [Гак 1983: 252], тогда как “специализированная лексика в русском языке отличается большей обособленностью от общеупотребительных слов” [там же]. Различие в терминологической семантике в русском и иностранном языках приводит нас к выводу о том, что формальное воплощение условия оптимизации понимания “указания” в русских текстах отличается от такого воплощения в иностранных текстах. Так, если употребление русского технического термина “цветность” позволяет избежать полисемии, то употребленные в этом значении слова *couleur* (фр.), *colore* (ит.), *colour* (англ.) не имеют строго фиксированного понятия. Таким образом, французские слова, являющиеся

гиперонимами по отношению к русским терминам, не позволяют избежать полисемии, поэтому однозначность лексической единицы во французском тексте определяется контекстом. Следовательно, формальное условие оптимизации понимания “указания” во французском языке реализуется не на уровне лексики, а на уровне синтаксиса предложения и текста.

Французский, итальянский и английский языки характеризуются фиксированным порядком слов. Однако предложения в текстах инструкций на этих языках имеют специфическую структуру. Целесообразность этой специфики обусловлена особенностью семантики лексики. Слова широкого употребления приобретают терминологическое значение только в специальном лексико-грамматическом контексте. В.Г. Гак отмечает: “Широкое по своей семантике французское слово уточняет свое значение по связи с другими словами в предложении, тогда как русское слово самостоятельно выражает те же оттенки” [Гак 1983: 254].

Главными свойствами конструкций предложений инструкций для всех языков является сжатость и лаконичность: предложения включают минимальное число компонентов, необходимое для эффективного выражения смысла.

Рассмотрение стандартизации на уровне предложений показывает то, что жанровая принадлежность, выраженная типовыми конструкциями с фиксированным порядком слов, проявляется в равной степени в текстах инструкций всех исследуемых языков. Поскольку на уровне лексики принадлежность жанру в русском языке определена отчетливее, чем в других языках, представляется, что жанровые границы русского высказывания выражены более определенно.

На уровне структуры инструкций, функционирующих в рассматриваемых языках, прослеживается количественная и качественная идентичность компонентов. Вследствие чего, мы приходим к выводу о том, что информационные блоки, предусмотренные ГОСТом для инструкции,

являются универсальными для текстов русских, французских, итальянских и английских инструкций. Однако при тематической универсальности реквизитов, представленные ими информационные блоки обнаруживают содержательные различия. Параллельный анализ текстов “Руководства по эксплуатации телевизора THOMSON 25DG25EG” показал, что открывающая раздел *“Меры предосторожности”* русскоязычного текста фраза *“Во избежание повреждений компонентов телевизора из-за перегрева необходимо соблюдать следующее”* в текстах на французском, итальянском и английском языках отсутствует. Если данный раздел иноязычных текстов содержит только указания, то инструкция на русском языке содержит дополнительный побудительный аргумент, сообщающий о возможных негативных последствиях несоблюдения мер предосторожности. Дополнительный побудительный аргумент повышает степень императивности высказывания.

Таким образом, различия формального воплощения универсальных иллокутивных характеристик инструкции в рассмотренных языках обнаруживают различие на содержательном уровне, а именно более высокую степень императивности речевого жанра инструкции в русском языке.

ВЫВОДЫ

В данной главе мы осуществили анализ иллокутивных характеристик ядерной части содержательного поля речевого жанра инструкции. При этом мы обратились к дедуктивному и индуктивному методам языкового анализа. Дедуктивно-интроспективный метод позволил вывести сущностные особенности инструкции с опорой на языковой опыт информантов, индуктивный метод позволил проиллюстрировать реализацию установленных особенностей иллокутивной силы речевого жанра инструкции на примере русских, французских, итальянских и английских

текстов, принадлежащих официально-деловому функциональному стилю данных языков.

В первой части анализа мы исходим из того, что существенные характеристики иллокуции инструкции определяются иллокутивной силой первичного по отношению к инструкции речевого жанра совета и типом речевой конвенции, обуславливающей трансформацию иллокутивных показателей совета в иллокуцию инструкции. Таким образом, анализ существенных характеристик инструкции мы осуществили в два этапа: 1) дедуктивно-интроспективное исследование иллокутивной силы совета, 2) рассмотрение преобразований, происходящих при воздействии деловой конвенции на иллокуцию совета. На следующем этапе анализа мы выявили ядерные характеристики речевого жанра совета.

Объективной характеристикой совета является импульс каузации, исходящий от адресата; адресат совета изначально готов выполнить каузируемое действие и нуждается в информации о необходимом действии, что осознается автором; побуждающая функция импульса каузации адресата совета является избыточной; ближайшей целью автора совета является передача информации; интерес автора заключается в том, чтобы выступить источником полезной для адресата информации; автор совета не имеет абсолютной уверенности в целесообразности (для адресата) каузируемого действия, показатель оценки целесообразности относителен, заинтересованность в выполнении действия у автора искреннего совета отсутствует; субъективность показателей оценки целесообразности и заинтересованности автора и адресата совета являются сдерживающими факторами.

На третьем этапе анализа мы рассмотрели ядерные характеристики иллокутивной силы речевого жанра инструкции, обусловленные синтезом деловой конвенции и иллокутивных особенностей совета. Среди них мы выделили следующие: конвенция каузирует информативное действие автора;

в семантике инструкции преобладает информирующий компонент над побуждающим; конвенция наделяет автора инструкции полномочиями сообщать информацию, что обуславливает не критическое отношение к этой информации со стороны адресата; императивность инструкции усиливается за счет ответственности адресата за несоблюдение инструкции; деловая конвенция побуждает автора инструкции информировать адресата о необходимом действии и об аспекте действительности; конвенция наделяет автора полномочиями информировать адресата, что обуславливает объективность информации; регламентирующая функция конвенции, наделяя автора инструкции полномочиями, переводит субъективную оценку ситуации автора в объективную; конвенция учитывает пригодность кандидата для выполнения полномочий; адресат инструкции оценивает целесообразность речевого действия автора, формально предсказуемого действия и конкретно предсказуемого действия как абсолютные; конвенция обязывает автора инструкции актуализировать ее независимо от его желания.

Далее мы рассмотрели реализацию ядерных характеристик инструкции в текстах на русском, французском, итальянском и английском языках.

Характеристики иллокутивной силы инструкции имеют особенности своего формального воплощения на собственно языковом и содержательном уровнях формы. При этом экстраполяция структуры содержательных особенностей инструкции на особенности формальные позволила нам выделить периферическую и ядерную части в структуре формального поля жанра инструкции.

Иллокутивные характеристики жанра находят свое выражение в таких компонентах жанровой формы, как тема, стиль и композиция. Так, иллокутивная характеристика дальней периферии воплощается побудительными конструкциями (императивами, прохибитивами и инфинитивами). Ориентация коммуникантов на положительный перлокутивный эффект воплощается как непосредственно путем придания

тексту оптимальной для понимания формы, так и опосредованно, через реализацию иллокутивных свойств низлежащих уровней. Непосредственное воплощение заключается в стандартизации формы и содержания: 1) на уровне стилистических особенностей слова, словосочетания, предложения; 2) на уровне композиционных и содержательных особенностей текста. Данный стандарт определен ГОСТом и имеет своей целесообразностью оптимизацию создания и понимания инструкций. Конвенциональность реализуется посредством особенностей формального воплощения, обусловленных ею иллокутивных характеристик инструкции. Функция идентификации социальной группы воплощается посредством употребления канцеляризмов, свидетельствующих об официальной основе взаимоотношений коммуникантов.

Содержательные характеристики, определенные конвенцией, взаимообусловлены, поэтому формальная реализация отдельных содержательных свойств совпадает. Так, на содержательном уровне нормативность реализуется присутствием в тексте информации о правах и обязанностях коммуникантов; эта же формальная характеристика периферии инструкции является воплощением таких иллокутивных особенностей, как каузирующая и регламентирующая функции наадресата. Избыточность внешнего побудительного аргумента на собственно языковом уровне реализуется отсутствием в тексте сложных предложений с придаточными причинными и следственными. Главной особенностью языкового воплощения инструкции является стандартизация на всех языковых уровнях (слова, словосочетания, предложения и текста).

Реализацию данных иллокутивных характеристик периферии инструкции мы рассмотрели на примере текстов русского, французского, итальянского и английского языков, что позволяет нам говорить о данных особенностях формально-содержательного поля инструкции как о лингвистических универсалиях.

Реализация содержательных характеристик инструкции в текстах разных языков осуществляется неодинаково. Так, если стандартизация на уровне композиции текста обнаруживает универсальность для всех рассматриваемых языков, то выражение жанровых признаков на уровне слова и словосочетания в русском тексте отличается от выражения жанровых признаков на этих уровнях в текстах других языков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе предпринятого анализа речевого жанра инструкции была описана его структура и закономерности функционирования. Объектом исследования послужило формально-содержательное поле инструкции. Предметами исследования являются характеристики формально-содержательного поля инструкции.

Данное исследование осуществлено в рамках текстоцентрического, антропоцентрического и философско-эстетического подходов к изучению текстов. Наиболее значимыми для целей нашего исследования являются положения речеведческого и прагматического направлений.

В круг основных предметов исследования речевого жанра инструкции входят “готовые формы речи” и “типическая ситуация”, в структуре которой мы выделяем объективный и субъективный компоненты. Типическая форма речи есть реакция коммуниканта на речевую ситуацию. Главной смыслообразующей характеристикой речевого жанра считаем цель, которая служит как основанием дифференциации речевых жанров, так и основанием выделения речевого жанра в качестве самостоятельной лингвистической категории. Речевой жанр мы понимаем как сложный знак, в котором каждая отдельная характеристика плана выражения соотносится с отдельными аспектами плана содержания, дающими в своей совокупности представление о понятии или цели речевого жанра.

Теоретической базой исследования послужили положения теории речевых жанров и теории речевых актов. Ключевым для нашего исследования является положение о “полевым принципе организации речевых жанров” М.Ю. Федосюка. Жанровые характеристики различных текстов могут совпадать, при этом их дифференцирующая функция нейтрализуется. Такие признаки, вслед за М.Ю. Федосюком, мы относим к

признакам периферийной части жанрового поля. Признаки, отличающие жанр, составляют ядерную часть структуры поля.

В соответствии с положениями прагматического подхода текст мы рассматриваем как речевой акт и описываем содержательные свойства текста в терминах теории речевых актов, таких как “локутивный акт”, “иллокутивный акт”, “перлокутивный акт”, “иллокуция”, “перлокуция”, “перлокутивный эффект”.

Речевой жанр мы определяем как формально-содержательную инвариантную модель текстов с общей коммуникативной целью (или с общей коммуникативной функцией), которая служит способом и средством актуализации этой цели (функции). Актуализация осуществляется на четырех уровнях: 1) значения языковых и параязыковых единиц, 2) стилистического значения языковых и параязыковых единиц, 3) значения, передаваемого композиционными особенностями построения текста, 4) характеристик речевой ситуации, которые не передаются лингвистическими и экстралингвистическими средствами.

Таким образом, наше исследование предполагает сопоставление текстов с общей коммуникативной функцией (текст-предмет) или общей коммуникативной целью (текст-процесс) и систематизацию полученных данных с целью определения типической формы текстов данного типа. Разрешение этих задач предполагает обращение к таким методам, как *дедукция, интроспекция и индукция*.

В целях системного определения совокупности условий реализации инструкции их рассмотрение осуществлено в отношении к условиям реализации других речевых актов. Условия речевого акта инструкции определены посредством дедукции.

Дедуктивное исследование осуществлено в два этапа:

1) рассмотрено понятия речевого акта более абстрактного порядка, чем инструкция в качестве системного гнезда речевых актов с более конкретным значением;

2) в системном гнезде определены периферийные и ядерные формально-содержательные свойства речевого акта инструкции путем сопоставления со свойствами других речевых актов системы.

На следующем этапе осуществлена эмпирическая верификация содержательной модели речевого жанра инструкции путем иллюстрации того, как данная модель реализуется в конкретных текстах. Типические особенности текста выявлены путем вычленения общего тематического, стилистического и композиционного ядра текстов с общей функцией. Сравнение результатов исследований инструкций нескольких языков позволило определить универсальные и отличительные признаки инструкций в отношении рассматриваемых языков.

В первой главе рассмотрены существенные характеристики речевого жанра инструкции и определены периферийные характеристики содержательного поля инструкции.

Под существенными характеристиками речевого жанра инструкции мы понимаем функциональные свойства жанра, которые складываются из совокупности экстралингвистических условий реализации речевого акта инструкции. Таким образом, под сущностью речевого жанра инструкции мы понимаем, с одной стороны, совокупность его иллокутивных характеристик, с другой — коммуникативную цель жанра. Сущность речевого жанра инструкции мы сформулировали в целевом определении жанра: речевой жанр инструкции представляет собой тип текста, который предоставляет указания относительно осуществления какого-либо мероприятия.

Всю совокупность иллокутивных характеристик мы рассмотрели как содержательное поле, которое включает три части: дальнюю периферию, ближнюю периферию и ядро. Дальняя периферия характеризуется

признаками, общими для всех побуждений. Таким образом, функцию побуждения мы определили в качестве базовой функции инструкции. Исходя из того, что инструкция является текстом с высокой иллокутивной силой, дедуктивное выведение характеристик инструкции мы осуществили путем классификации побуждений, за основу которой приняли эффективность каузации. Условием эффективности каузации определили конвенцию, искусственно вносимую в иллокуцию побуждения. Конвенция является наадресатом, который регулирует взаимоотношения коммуникантов. Было выделено три типа речевой конвенции: культурная, ситуативная и деловая. Инструкция обусловлена деловой конвенцией.

Конвенциональные побуждения рассмотрены как искусственно производные от неконвенциональных, для наименования которых введены термины “указания” и “не-указания”. На основании такой объективной характеристики, как принадлежность импульса каузации, все “не-указания” мы делим на три группы: просьбы, советы и предложения. “Не-указания” характеризуются субъективными свойствами, такими как заинтересованность и оценка целесообразности. Главной характеристикой “не-указаний” является подвижность показателей иллокуции, которая представляет собой фактор, сдерживающий выполнение каузируемого действия.

При трансформации “не-указаний” в “указания” иллокуция приобретает стабильность своих показателей. При этом просьба становится приказом, совет — инструкцией, а предложение — официальным предложением. Периферийные характеристики речевого жанра инструкции на содержательном уровне мы определили путем сопоставления “не-указаний” и “указаний”.

Особенность каузации “указаний” представлена 21 содержательной характеристикой. Эти характеристики связаны иерархически. Главной особенностью ближней периферии является импульс каузации наадресата,

который выполняет информирующую, каузирующую и регламентирующую функции. Третий уровень иерархии представлен остальными 19 иллокутивными характеристиками, обусловленными конвенцией.

Во второй главе осуществлен анализ содержательных характеристик ядра содержательного поля речевого жанра инструкции, а также его формального воплощения, определена сущность ядра иллокуции инструкции, ядерные особенности инструкции, проиллюстрирована реализация установленных особенностей иллокутивной силы жанра инструкции на примере русских, французских, итальянских и английских текстов; установлены некоторые универсальные и отличительные формально-содержательные особенности речевого жанра инструкции для рассматриваемых языков.

В первой части анализа определены иллокутивные характеристики совета, которые мы рассматриваем в качестве исходных для инструкции. Объективной характеристикой совета является импульс каузации, исходящий от адресата. Далее осуществлен анализ преобразования характеристик совета под воздействием деловой конвенции, в результате чего определены следующие характеристики ядра содержательного поля инструкции: 1) информативное действие автора каузировано конвенцией; 2) инструкция является речевым жанром более информирующим, чем побуждающим; 3) конвенция учитывает пригодность кандидата для выполнения полномочий; 4) конвенция обязывает автора инструкции актуализировать ее независимо от желания автора.

При рассмотрении реализации ядерных характеристик инструкции на примере конкретных текстов определены следующие формальные особенности.

Иллокутивная характеристика дальней периферии воплощается в побудительных конструкциях. Ориентация коммуникантов на положительный перлокутивный эффект воплощается как непосредственно

путем придания тексту оптимальной для понимания формы, так и посредством формальной реализации других иллокутивных характеристик инструкции. Главной особенностью формы инструкции является стандартизация, которая осуществляется как на уровне стилистических особенностей слова, словосочетания, предложения, так и на уровне композиционных и содержательных особенностей текста. Данный стандарт определен ГОСТом; его целесообразность состоит в оптимизации создания и понимания инструкций. Конвенциональность реализуется посредством особенностей формального воплощения обусловленных ею иллокутивных характеристик инструкции. Функция идентификации социальной группы воплощается посредством употребления канцеляризмов, свидетельствующих об официальной основе взаимоотношений коммуникантов.

Содержательные характеристики, определенные конвенцией, взаимообусловлены, поэтому формальная реализация отдельных содержательных свойств совпадает. Так, раздел инструкции, информирующий о правах и обязанностях коммуникантов, является формальной реализацией такой характеристики, как нормативность, а также каузирующей и регламентирующей функций надресата. Избыточность внешнего побудительного аргумента на языковом уровне реализуется отсутствием в тексте сложных предложений с придаточными причинными и следственными. Главной особенностью языкового воплощения инструкции является стандартизация на всех языковых уровнях.

Реализацию иллокутивных характеристик периферии инструкции мы рассмотрели на примере текстов русского, французского, итальянского и английского языков, что позволяет говорить о выявленных особенностях формально-содержательного поля инструкции как о лингвистических универсалиях.

Реализация содержательных характеристик инструкции в текстах разных языков осуществляется неодинаково. Так, если стандартизация на

уровне композиции текста обнаруживает универсальность для всех рассматриваемых языков, то выражение жанровых признаков на уровне слова и словосочетания в русском тексте отличается от выражения жанровых признаков на этих уровнях в текстах других языков.

Реализация поставленной цели, а именно описание полевой организации формально-содержательных аспектов речевого жанра инструкции на материале русского, французского, итальянского и английского языков, позволяет нам наметить перспективы дальнейшего исследования. Развитие предпринятого исследования может идти по таким направлениям, как изучение специфических характеристик инструкции и шире — побуждений — в рассмотренных языках, определение обуславливающих эти различия этносоциокультурных факторов, к которым относятся особенности императивов культурной конвенции, принципа вежливости и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева А.А. Стилистика деловой коммуникации (на материале французского языка) // Вестник Московского университета. Сер. 19. — № 4. — 2004. — С. 126-132.
2. Антинескул О.Л., Двинянинова Г.С. Статусные роли говорящих и их речь. Уч. пособ. — Пермь, 1998. — 188 с.
3. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. — М.: Наука, 1974. — 367 с.
4. Аристотель Метафизика / [Пер. А.В. Кубицкого]. — Ростов н/Д.: Феникс, 1999. — 601 с.
5. Арутюнова Н.Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. — М., 1992.
6. Асмус В.Ф. Античная философия: — 3-е изд. — М.: Высш. шк., 1999. — 400 с.
7. Афинская З.Н. Определение и толкование терминов (на материале экономической литературы) // Вестник Московского университета. Сер. 19. — № 3. — 2003. — С. 52-59.
8. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. — М.: Акад. проект; Екатеринбург: Деловая кн., 2004. — 463 с.
9. Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // ВЯ. — № 2. — 1992. — С. 84-99.
10. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — 2-е изд. — М.: Искусство, 1986. — 444 с.
11. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. — М., 1996. — 302 с.
12. Брандес М.П. Практикум по стилистике немецкого языка. — М., 1990. — 174 с.

13. Брицын В.М. Синтактика и семантика инфинитива в современном русском языке / Отв. ред. Г.П. Ижакевич. — Киев.: Наук. думка, 1990. — 320 с.
14. Бровкина Ю.Ю. Газетное рекламное объявление как речевой жанр: риторический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2000. — 18 с.
15. Бутакова Л.О. Когнитивное исследование текста: методология, возможные пути анализа / Человек — Коммуникация — Текст / Сб. статей. Вып. 5 / Под ред. А.А. Чувакина. — Барнаул, 2002. — С. 39-49.
16. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка: Пер. с нем. / Общ. ред. Т.В. Булыгиной. — 2-е изд. — М.: Прогресс, 2001. — 502 с.
17. Вежбицкая А. Речевые акты / НЗЛ. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. — М.: Прогресс, 1985. — С. 251-275.
18. Вежбицкая А. Речевые жанры / Жанры речи. — Саратов, 1997. — С. 99-111.
19. Вежбицкая А., Понимание культур через посредство ключевых слов. — М.: Языки славян. культуры, 2001. — 287 с.
20. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство / НЗЛ. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. — М.: Прогресс, 1985. — С. 238-250.
21. Веселов П.В. Как составить служебный документ. — М.: Экономика 1982. — 64 с.
22. Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). — М.: Высш. шк., 1972. — 613 с.
23. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. — М.: Наука, 1993. — 171 с.
24. Витгенштейн Л. Философские работы: Пер. с нем. — М.: Гнозис, 1994. — 520 с.

25. Володина М.М. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации). — М.: Изд-во МГУ, 2000. — 128 с.
26. Выготский Л.С. Психология развития ребенка: [Сборник] / — М.: Эксмо, 2003. — 508 с.
27. Габитова Р.М. Философия немецкого романтизма: (Фр. Шлегель, Новалис). — М.: Наука, 1978. — 188 с.
28. Габитова Р.М. Философия немецкого романтизма: Гельдерлин, Шлейермахер / Отв. ред. З.А. Каменский; АН СССР; Ин-т философии — М.: Наука, 1989. — 160 с.
29. Гайда Ст. Жанры разговорных высказываний / Жанры речи: Сборник науч. ст. — Саратов, 1999. — С. 103-111.
30. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. — М.: Просвещение, 1983. — 288 с.
31. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — 2-е изд. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 139 с.
32. Гастева Н.Н. Диалогическое единство в разговорной речи: Дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 1990. — 190 с.
33. Гердер, Иоган Готфрид Избранные сочинения: [Пер. с нем. / Сост., вступ. статья и прим. В.М. Жирмунского]. — М.; Л.: Гослитиздат, [Ленингр. отд-е], 1959. — 392 с.
34. Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов / Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. — М., 1993. — С. 53-62.
35. Грайс Г.П. Логика и речевое общение / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. — М.: Прогресс, 1985. — С. 217-237.
36. Грамматика современного русского литературного языка / [Отв. ред. Н.Ю. Шведова]. — М.: Наука, 1970. — 767 с.

37. Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов / НЗЛ. Вып. V. Языковые универсалии. — М.: Прогресс, 1970. — С. 114-162.
38. Гулыга О.А. Русский язык: семантика и перевод. — М., 1991. — 320 с.
39. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили. — М.: ОАО ИГ “Прогресс”, 2001. — 400 с.
40. Гуц Е.Н. К проблеме типичных речевых жанров языковой личности подростка / Жанры речи. Вып. 10. — Саратов, 1997. — С. 77-92.
41. Дементьев В.В. Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. — № 1. — 1999. — С. 37-55.
42. Давыдова Т.А. Речевой акт упрека в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2003. — 16 с.
43. Деренич Э.Г. Императивные предложения в русле когнитивной грамматики: (На материале англ. и амер. худож. прозы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Владивосток, 2003. — 25 с.
44. Дьячкова И.Г. Высказывания-похвалы и высказывания-порицания как речевые жанры в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2000. — 139 с.
45. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. — М., 1997. — 287 с.
46. Жельвис В.И. Брань в зеркале права: взгляд из Америки // Юрислингвистика-5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. — С. 5-18.
47. Живов В.М., Успенский Б.А. Центр и периферия в языке в свете языковых универсалий // Вопросы языкознания. — № 5. — 1973. — С. 24-35.
48. Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. — [2-е изд.]. — М.: Дело, 1998. — 477 с.

- 49.Звегинцев В.А. Эстетический идеализм в языкознании. (К. Фосслер и его школа). Материалы к курсам языкознания. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. — 26 с.
50. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — 2-е изд., стереотип. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 329 с.
51. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под общ. ред. Г.А. Золотовой. — М., 2004. — 544 с.
52. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. — СПб.: Питер, 2002. — 512 с.
53. Иссерс О.С. Речевая тактика комплимента в разговорной речи / Речь города. Тезисы докл. Всерос. межвуз. науч. конф. — Омск, 1995. — С. 27-30.
54. Кант И. Сочинения в 6-ти т. / [Под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана.] — М.: Высш. шк., 1998. — 400 с.
55. Карасик В.И. Анекдот как предмет лингвистического изучения / Жанры речи. — Саратов, 1997. — С. 70-87.
56. Каспарова Г.С. Стратегии речевого поведения автора делового текста // Вестник Московского Университета. Сер. 19. — № 4. — 2002. — С. 87-97.
57. Кобозева И.М. “Теория речевых актов” как один из вариантов теории речевой деятельности / НЗЛ. Вып. XVII. Теория языковых актов. — М.: Прогресс, 1986. — С. 7-21.
58. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис / Отв. ред. Н.Ю. Шведова; АН СССР, Ин-т рус. яз. — М.: Наука, 1986. — 206 с.
59. Кожевникова К. Об аспектах связности в тексте как целом / Синтаксис текста. — М., 1979. — С. 187-201.
60. Колтунова М.В. Конвенции как прагматический фактор диалогического общения // Вопросы языкознания. — № 6. — 2004. — С. 100-106.
61. Косилова М.Ф. О побудительных предложениях. — М., 1964. — 127 с.

62. Косилова М.Ф. Инструкция к медикаментам: лингвистика на службе практики // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. — №2. — 2003. — С. 100-117.
63. Котелова Н.З. К вопросу о специфике термина / Лингвистические проблемы научно-технической терминологии / Мат. совещания АН СССР, проведенного в Ленинграде 30 мая — 2 июня 1967 г. / Отв. ред. С.Г. Бархударов. — М.: Наука, 1970. — С. 123-130.
64. Котляр Е.Е. Логико-грамматическая функция глаголов-характеристик в английской научной и технической литературе: Автореф. дис... канд. филол. наук. — Калинин, 1985. — 16 с.
65. Крысин Л.П. Социальная маркированность языковых единиц // Вопросы языкознания. — № 4. — 2000. — С. 26-43.
66. Кузин А.А., Филиппов Н.Г. Техническое документирование. Учеб. пособие. / П.С. Преображенская. — М., 1973. — 192 с.
67. Кузнецов С.Л. Компьютеризация делопроизводства (компьютерные технологии в делопроизводстве). — М., 1997. — 142 с.
68. Кузнецова Т.В. Делопроизводство и техническая документация: Учебник для сред. спец. учеб. заведений. — М.: Высш. шк., 1991. — 158 с.
69. Кузьменкова Ю.Б. Английская и русская вежливость в контексте культурных традиций // Вестник Московского университета. Сер. 19. — № 2. — 2005. — С. 7-17.
70. Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. — М., 2003. — 230 с.
71. Леви-Строс К. Путь масок. — М.: Республика, 2000. — 399 с.
72. Лурия А.Р. Письмо и речь: Нейролингвистические исследования: Учеб. пособие для студ. психол. фак. высш. учеб. заведений. — М.: Академия, 2002. — 352 с.
73. Любченко Н.В. Отбор грамматического минимума для обучения чтению физико-технических текстов (На материале глагольных форм и

- конструкций английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Киев, 1980. — 24 с.
74. Маллаянова Г.И. Побудительная модальность: императивные ситуации и их реализация в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. — Н.Новгород, 1997. — 17 с.
75. Мамаев Н.Ю. Композиционная структура агитационной листовки: лингвориторическое исследование: Дис. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2004. — 210 с.
76. Матвеев Р.А. Речевой жанр “публицистическая полемика” и его лингвотекстовые особенности (На материале нем. журнальной публицистики): Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. — М., 2000. — 24 с.
77. Мечковская Н.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. — М.: Флинта: Наука, 2001. — 312 с.
78. Моисеев А.И. О языковой природе термина / Лингвистические проблемы научно-технической терминологии / Мат. совещания АН СССР, проведенного в Ленинграде 30 мая — 2 июня 1967 г. / Отв. ред. С.Г. Бархударов. — М.: Наука, 1970. — С. 130-140.
79. Овчаренко В.М. Концептуальная, семантическая и семиотическая целостность термина / Лингвистические проблемы научно-технической терминологии / Мат. совещания АН СССР, проведенного в Ленинграде 30 мая — 2 июня 1967 г. / Отв. ред. С.Г. Бархударов. — М.: Наука, 1970. — С. 140-153.
80. Омоле О.И. Лингвокультурные компоненты современного англ. делового письма: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2000. — 28 с.
81. Остин Дж. Слово как действие / НЗЛ. Вып. XVII. Теория речевых актов. — М.: Прогресс, 1986. — С. 22-129.
82. Переверзев К.А. Высказывание и ситуация: Об онтологическом аспекте философии языка // Вопросы языкознания. — № 5. — 1998. — С. 26-33.

- 83.Петелина Е.С. Некоторые особенности речевых актов похвалы и лести / Синтагматический аспект коммуникативной семантики. — Нальчик, 1985. — С. 118-131.
- 84.Проخورов Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в межкультурной коммуникации / Функциональные исследования: Сб. ст. по лингвистике. Вып. 4. — М., 1997. — С. 56-72.
- 85.Проخورова О.А. Структурные и прагматические особенности директивного текста: На матер. юрид. документов древнеанглийского периода: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 1999. — 21 с.
- 86.Пумпянский А.Л. Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе. — М.: Наука, 1974. — 247 с.
- 87.Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / Пер. с нем. Е. Араловой. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 272 с.
- 88.Рахманин Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. — 3-е изд., испр. — М.: Высш. шк., 1988. — 238 с.
- 89.Реферовская Е.А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. — Л., 1989. — 298 с.
- 90.Рехтин Л.В. Заметки о речевом жанре инструкции // Текст: структура и функционирование: Сб. ст. Вып. 7 / Под ред. С.М. Козловой, Н.В. Халиной. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. — С. 22-30.
- 91.Рехтин Л.В. К вопросу об описании речевого жанра инструкции // Актуальные проблемы региональных исследований: Сб. ст. Вып. 3. — Барнаул, 2003а. — С. 240-249.
- 92.Рехтин Л.В. “Не влезай, убьет!”, или Особенности отечественного речевого жанра инструкции / Социальные процессы в современной Западной Сибири: Сборник научных статей. — Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2003б. — С. 104-108.

- 93.Рехтин Л.В. Речевой жанр инструкции как комплекс речевых актов письменной коммуникации / Русский язык и культура речи как дисциплина государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования: опыт, проблемы, перспективы: Мат. Всерос. науч.-прак. конф. 7-10 апреля 2003 г. / Под ред. А.А. Чувакина, И.Ю. Качесовой. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003в. — С. 336-354.
- 94.Рехтин Л.В. Речевой жанр в когнитивном аспекте / Социальные процессы в современной Западной Сибири: Сборник науч. ст. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2005. – С. 235-239.
- 95.Руднев В.П. Божественный Людвиг Витгенштейн: Формы жизни. — М.: Фонд науч. исслед. “Прагматика культуры”, 2002. — 253 с.
- 96.Сальникова О.Е. Комбинированные речевые акты в англоязычном дискурсе: (функционально-семантический и лингвокультурный аспекты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2003. — 24 с.
- 97.Святогор И.П. Типы диалогических реплик в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967. — 16 с.
- 98.Седов К.Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения: “ссора”, “комплимент”, “колкость” / Жанры речи. — Саратов, 1997. — С. 188-195.
- 99.Седов К.Ф. Анатомия жанров бытового общения / Вопросы стилистики. Вып. 27 — Саратов, 1998. — С. 66-75.
- 100.Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? / НЗЛ. Вып. XVII. Теория речевых актов. — М.: Прогресс, 1986. — С. 151-169.
- 101.Серебрянников Б.А. О лингвистических универсалиях // Вопросы языкознания. — № 2. — 1972. — С. 3-16.
- 102.Сидорова М.А. Публицистический вариант речевого жанра “портрет человека”: Дис. ... канд. филол. наук. — Омск, 2005. — 238 с.
- 103.Современный русский язык: Учебник для студ. вузов, обучающихся по спец. “Филология” / Под ред. П.А. Леканта. — 2-е изд., испр. — М.: Дрофа, 2001. — 560 с.

104. Сонин А.Г. Комикс: психолингвистический анализ: Монография. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. — 110 с.
105. Сосюр Ф. де Курс общей лингвистики / Редакция Ш. Балли и А. Сеше; Под общ. ред. М.Э. Рут. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. — 432 с.
106. Сотов П.В., Тихомиров А.Н. Делопроизводство: Образцы документов. Инструкции. ГОСТы. — М.: Проспект, 1999. — 80 с.
107. Стенюков М.В., Пустозерова В.М. Делопроизводство в управлении персоналом: Образцы документов. Рекомендации по составлению с юридической поддержкой. — М.: Приор, 1999. — 113 с.
108. Стенюков М.В. Справочник по делопроизводству. — М., 2000. — 204 с.
109. Стернин И.А. Коммуникативное поведение и национальная культура / Дискурс: Новое в лингвистике. Вестник ВГУ. Сер. 1. Гуманитарные науки. — Воронеж, 1996. — С. 90-103.
110. Стернин И.А. Русское коммуникативное поведение / Проблема национальной идентичности в литературе и гуманитарных науках XX века. — Воронеж, 2000. — С. 114-126.
111. Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах / НЗЛ. Вып. XVII. Теория речевых актов. — М.: Прогресс, 1986. — С. 130-150.
112. Сухих С.А., Зеленская В.В. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. — Краснодар, 1998. — 333 с.
113. Тарасова М.В. Речевые акты с эмотивным компонентом в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1997. — 20 с.
114. Тарасова М.В. Формирование английской терминологии мобильных средств связи и ее особенности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Омск, 2003. — 22 с.
115. Типология императивных конструкций / Отв. ред. В.С. Храковский. — СПб.: Наука, С.-Петербург. отд-ние, 1992. — 300 с.

- 116.Ткачева Л.Б. Происхождение и образование авиационных терминов в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1973. — 29 с.
- 117.Токарева Н.И. Этнокультурные стереотипы коммуникативного поведения: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. — Минск, 1999. — 16 с.
- 118.Успенский Б.А. Проблема универсалий в языкознании / Новое в лингвистике. Вып. V. — № 5. — 1970. — С. 5-29.
- 119.Федосюк М.Ю. Семантика существительных речевой деятельности и теория речевых жанров / Русское слово в языке, тексте и культурной среде. — Екатеринбург, 1997. — С. 60-73.
- 120.Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы речевых жанров // Вопросы языкознания. — № 5. — 1997а. — С. 102-120.
- 121.Феоктистова В.В. Функциональные и структурно-семантические особенности английской научно-технической терминологии светотехнической промышленности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1998. — 23 с.
- 122.Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. — М.: Высш. шк., 1989. — 156 с.
- 123.Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. — М.: Прогресс, 1977. — 488 с.
- 124.Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса: Пер. с англ. / Под ред. В.А. Звегинцева. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. — 259 с.
- 125.Храковский В.С. Семантика и типология императива: Русский императив / Отв. ред. В.Б. Касевич. — 2-е изд., стереотип. — М.: УРСС, 2001. — 272 с.
- 126.Хрисонопуло Е.Ю. Концептуализация отношения “включение” в современном английском языке: На материале глагольной лексики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 1999. — 19 с.

- 127.Циммерлинг А.В. Американская лингвистика сегодняшнего дня глазами отечественных языковедов // Вопросы языкознания. — № 2. — 2000. — С. 118-133.
- 128.Чекменева Н.А. Речевые акты взаимного неодобрения со значением спора и ссоры в современном английском языке / Речевые акты в лингвистике и методике. — Пятигорск, 1986. — С. 121-134.
- 129.Чувакин А.А. Об условиях функционирования текста / Человек — Коммуникация — Текст / Сб. статей. Вып. 5 / Под ред. А.А. Чувакина. — Барнаул, 2002. — С. 6-14.
- 130.Чувакин А.А. Текст как объект и предмет лингвистики / Основы теории текста / Под общ. ред. А.А. Чувакина. — Барнаул, 2003. — С. 7-37.
- 131.Шабанова Е.В. Семантика и функции языковых средств выражения модальных категорий приказа, просьбы, совета в тексте французской народной сказки: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2000. — 23 с.
- 132.Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Отв. ред. В.В. Виноградов. — М.: Азбуковник, 2003. — 378 с.
- 133.Шмелева Т.В. Речевой жанр: Возможности описания и использования в преподавании языка / Russistik. Русистика. — № 2. — Berlin, 1990. — С. 77-90.
- 134.Шмелева Т.В. Речевой жанр: Опыт общелингвистического осмысления / Collegium. — № 1-2. — Киев, 1995. — С. 16-27.
- 135.Шмелева Т.В. Модель речевого жанра / Жанры речи. — Саратов, 1997. — С. 88-99.
- 136.Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1957. — 520 с.
- 137.Шувалова Н.Н. Делопроизводство в системе государственного управления / Отв. ред. Н.Н. Шувалова. — М.: РАГС, 2002. — 372 с.
- 138.Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Структурализм: “за” и “против”. М., 1975. — С. 55-97.

139. Якобсон Р. — Избранные работы. — М.: Прогресс, 1985. — 456 с.
140. Cohen P., Perrault R. Elements of plan based theory of speech acts // *Cognitive Science*. — №3. — 1979. — P. 177-212.
141. Hayes J., Flower L.S. Identifying the organisation of writing processes // *Cognitive processes in writing* / Eds L. Gregg, & E / R / Steinberg. — Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1980. — P.17-35.
142. Hovy E., Arens Y. Automatic generation of formatted text / *Actes du 8th AAAI Conférence*. — Anaheim, CA, 1991. — P. 100-112.
143. Grice H.P. *Logic and Conversation / Syntax and Semantics*. Vol. 3. — N.Y., 1975. — P. 32-56.
144. Green N., Kerpedjiev S., Carenini G., Moore J., et Roth S.F. Media-Independent Communicative Actions in Integrated Text and Graphics Generation AAAI Fall 1997 // *Symposium on Communicative Action in Humans and Machines: Working Notes Papers* valable sur le site <http://www.cs.umd.edu/~traum/CA/fpapers.html>.
145. Grosz B., Sidner C. Attention, intention and structure of discourse // *Computational Linguistics*. — № 12 (3). — 1986. — P. 175-204.
146. Leech G.N. *Principles of Pragmatics*. L. — 5th Impr. — N.Y.: Longman Inc., 1983. — 340 p.
147. Oviatt S.L., Cohen P.R. Discours structure and performance efficiency in interactive and noninteractive speech modalities // *Computer Speech and Language*. — №5. — 1991. — P. 297-326.
148. Tazi S. Représentation de connaissances structurelles du texte naturel pour la conception d'un éditeur "intelligent": Thèse de l'université Paul Sabatier. — Toulouse, 1985. — 220 p.
149. Tazi S. Performing textual structures in documents // *Structured documents* / Eds J. Andre, R. Furuta & V. Quint. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989. — P. 181-190.

150. Tazi S., Novick D. Design rationale for complex system documentation: Actes de'98 Complex Systems Intelligent Systems & Interfaces, 26-28 Mai. — Nimes, 1998. — P. 49-51.
151. Tazi S., Novick D. Actes de la communication écrite / Proceedings of Ergonomie et Informatique Avancée (Ergo-IA). — Biarritz, FR, 1998. — P. 22-31.

СПАРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

1. Авраменко Б.И., Ванделли К., Вульфович Л.Б. и др. Итальянско-русский политехнический словарь: Ок. 105 000 слов. — М.: Рус. яз., 1988. — 762 с.
2. Болотин А.А., Воропаев Н.Д., Горбунов А.В. Французско-русский технический словарь: Ок. 80 000 слов. — М.: Рус. яз., 1985. — 594 с.
3. Большой англо-русский словарь: В 2-х т. / Под ред. И.Р. Гальперина. — М.: Русский язык, 1998. — Т.1. — 1051 с. Т.2. — 1072 с.
4. Васильев Л., Гаровников Г. Трemasов Н. Русско-французский политехнический словарь: Ок. 110 000 слов. — 2-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1980. — 802 с.
5. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. — М.: Рус. яз., 1994. — 1198 с.
6. ГОСТ 16504-81. Система государственных испытаний продукции. Испытания и контроль качества продукции. Основные термины и определения. — М., 1982. — 28 с.
7. ГОСТ 3.1001-81. — М., 1984. — 29 с.
8. ГОСТ 2.001-70. — М., 1985. — 23 с.
9. ГОСТ 2.601-68. — М., 1985. — 30 с.
10. ГОСТ 1.5-85. — М., 1990. — 24 с.
11. ГОСТ 6.38-90. — М., 1990. — 35 с.

12. Градиль В.П. и др. Справочник по Единой системе конструкторской документации / Под ред. А.Ф. Раба. — 4-е изд. — Харьков: Прапор., 1988. — 254 с.
13. Документы и делопроизводство: Справ. пособие / Отв. ред. Т.В. Кузнецова. — М.: Экономика, 1991. — 270 с.
14. Единая система конструкторской документации. — М., 1972. — 168 с.
15. Единая государственная система делопроизводства: (Основные положения). — М., 1974. — 120 с.
16. Единая система конструкторской документации. — М., 1988. — 276 с.
17. Единая система конструкторской документации: Справ. пособие / Отв. ред. С.С. Борушек. — 2-е изд. — М.: Изд-во стандартов, 1989. — 351 с.
18. Единая система технологической документации: Справ. пособие / Отв. ред. Б.С. Мендриков. — М.: Изд-во стандартов, 1992. — 324 с.
19. Лингвистический энциклопедический словарь. / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Сов. энцикл., 1990. — 682 с.
20. Русско-английский словарь. — Минск.: Харвест; М.: АСТ, 2000. — 1088 с.
21. Свод кодексов и законов Российской Федерации. — СПб.: ИД “Весь”, 2003. — 992 с.
22. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Терра, 1996. — 740 с.
23. Щерба Л.В., Матусевич М.И. Русско-французский словарь: 50 000 слов. — 14-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1993. — 848 с.
24. Языкознание: Большой энциклопедический словарь. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — 658 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. “Руководство по применению” телевизора THOMSON 25DG25EG
2. “Руководство по эксплуатации” самописца Gamme Jaime 1000 NT7671
(собственный перевод с французского языка)
3. “Manuel utilisatuer” Gamme Jaime 1000 NT7671
4. “Manuel d’utilisation” du televiseur THOMSON 25DG25EG
5. “Manuale di utilizzazione” del televisore THOMSON 25DG25EG
6. “User manual” for TV set THOMSON 25DG25EG
7. “User Guide” for SEGA Dreemcast.
8. “Руководство по эксплуатации сотового телефона Nokia 640”

Кроме того, нами использованы тексты с упаковок лекарств, продуктов питания, товаров бытовой химии, канцелярских и других промышленных товаров, а также инструктирующие тексты с табличек-указаний, расположенных в публичных местах, публичных инструкций, памяток, дающих указания относительно поведения при общественной угрозе, тексты, представляющие указания и рекомендации по обеспечению личной и общественной безопасности при возникновении чрезвычайных ситуаций (“Правила поведения при землетрясении”, “Правила поведения при возникновении угрозы террористического акта” и др.).

